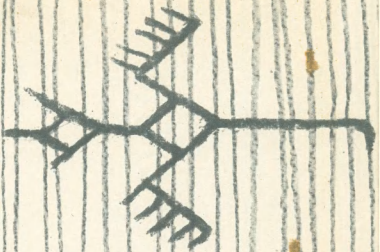

Ю В А Н Ш Е С Т А Л О В

КРАСНАЯ ЛЕГЕНДА НА БЕЛОМ СНЕГУ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

В повести Ювана Николаевича Шесталова, лауреата Государственной премии РСФСР им. А. М. Горького, десятилетний мансийский мальчик Сава, сын погибшего красноармейца, ученик первой мансийской школы, становится свидетелем жестокой борьбы представителей Советской власти — коммунистов: красноармейцев, учителей и врачей — с маскирующимися под друзей таёжного народа белобандитами: офицерами колчаковской армии, бывшими мансийскими князьями, купцами, сборщиками податей, шаманами.

С победой Советской власти на Север пришла новая, свободная жизнь: для манси открылись двери школ, институтов, культурных учреждений. Народы Крайнего Севера стали равноправными гражданами СССР.

ЮВАН ШЕСТАЛОВ

КРАСНАЯ ЛЕГЕНДА НА БЕЛОМ СНЕГУ

ПОВЕСТЬ

Рисунки А. Сколозубова

ЛЕНИНГРАД «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА» 1979

*Сохрани ты в юном сердце
Всё, что я тебе открою,
И потом, как храбрый воин,
Как потомок вольных манси,
Снаряжайся в путь — и зависть,
Страх, сомненье, нерешимость
Навсегда из сердца вырви...¹.*

Олени вскинули рога за спину и понеслись. Взвихрился, закружился снег. Круглая луна, как бубен сияя, закачалась в звёздном небе. И звёзды заплясали на рогах оленей, мчавшихся бешеным галопом.

Сава любил быструю езду. Олени летят как ветер. Ветер летит. Звёзды мчатся. Хорошо!

Только теперь вот Саве не совсем хорошо.

Вся эта ночь как тяжёлый сон. Сквозь сон Сава вдруг услышал знакомый голос:

— Вставай, Сава, поедем!

Саве совсем не хотелось вставать. Постель тёплая. И вдруг голос отчима. Его холодные руки. Саве не хотелось вылезать из-под белой хрустящей простыни. Когда совсем открыл глаза, увидел в лунном свете: другие мальчики были уже в малицах², в кисах³. Все говорили почему-то шёпотом и куда-то спешили.

— Быстрей, Сава! Быстрей! А то услышат. Поймают! — торопил отчим. Сава ничего не понимал. Но привык не переспрашивая делать то, что говорили старшие. Так научила его бабушка. Ещё когда он был чуть выше куста голубики.

¹ Эпиграфы из вогульской поэмы М. Плотникова «Янгал ма-а». М—Л., 1933.

² М а л и ц а — меховая одежда, мехом внутрь.

³ К и с ы — меховая обувь с узорами.

Когда вышли из интерната на улицу, была глубокая ночь. Лишь луна гуляла по небу. А весь паул — небольшая мансийская деревня — спал. В домах ни огонька. Только у интерната что-то мелькало, двигалось. Всё походило на загадку. Подъезжала оленья упряжка. Открывалась дверь. Мохнатыми медвежатами бежали ребята к нартам. Миг — и олени летят. Ещё миг — нет ни оленей, ни ребят. Миг — и весь интернат пуст.

Олени бегут. Бегут быстро, шумно вздыхая на ходу. Они несутся по глубокому распадку. Отчим ровно взмахивает хореом¹, слегка сдерживая оленей, чтобы с новой силой погнать их по открытому месту.

Сава засмотрелся на оленей. Бег их особый, какой-то виляющий. Ноги летят, кажется, в сторону, а копыта попадают след в след. Голова низко опущена. Морда на уровне шеи. Шея тоже прямая. Лишь горб чуть выделяется на коротком приземистом туловище. Олень низенький, рогатый. Но когда олень бежит, легко неся своё упругое тело, изящно вскидывая копыта и устремляясь вперёд, он — большая птица из чудесной сказки.

Но для Сава теперь и школа — сказка. Хорошо смотреть в книгу. Буквы как знакомые следы. Читаешь — будто по следам идёшь.

Умный человек прошёл — умные следы оставил. Идёшь — и сколько узнаёшь! А ещё интересней самого учителя слушать.

Олени мчались. Деревья мелькали, мелькали мысли.

«Неужели больше не придётся учиться?» — сжалось его сердце. А ведь так хорошо было в школе! Сава так привык... И вдруг эта красивая холодная дорога. Почему они уезжают? Неужели из-за трубки?

— Где трубка? — сурово спросил отчим там, в классе. Он ворвался в класс во время урока. На мохнатой малице его сверкал снег. И глаза прищуренные тоже сверкали, пристально глядели на учителя. Отчим требовал немедленного ответа.

— Какая трубка? — Учитель растерянно посмотрел на вошедшего.

— Трубка моего сына!

— Трубка... — Учитель осёкся на полуслове, и указка

¹ Хорей — длинный шест, которым управляют оленями.

замерла, задрожала. Он походил на ученика, который не выучил урок и теперь не знает, как отвечать.

— У моего сына ты отнял трубку. Отдай. Больше я сына не отпущу в школу.

Сава прижался к парте. Холод пробежал по спине. Он вспомнил. Как курил на перемене, как подошёл к нему Учитель и вежливо попросил убрать трубку. А он, Сава, невозмутимо продолжал пускать дым из носа. Хорошо пускать дым из носа. Сам отчим показывал. И трубку подарил отчим. На днях, когда Албин — так зовут отчима — приехал с оленьего каслания — большого кочевья, — говорил:

— Кури, ты вырос. Скоро кочевать с тобой будем.

А Учитель говорит:

— Ты ещё маленький... Курить тебе нельзя...

Разве Сава маленький?! Десять лет уже. Утки не могут улететь от его выстрелов. Медвежонок-пестун летом от него убежал. А о зайцах говорить нечего. Боятся не только ружья Савы, но его шагов...

Нет! Сава не маленький. Большой уже Сава. Значит, можно курить. У всех есть свои красивые трубки. И у бабушки и у отчима. Вот у мамы нет красивой трубки. Поэтому она кладёт табак за губу. Только сестрёнка одна не курит. Для неё волшебная трубка, из которой так красиво струится дымок, лишь игрушка. Она любит бросать её. А сунешь ей в рот — морщится, плюётся. Глупая она ещё, маленькая... Сава — большой! Может пускать дым из носа даже колечками. А Учитель говорит, что — маленький. И как он так неверно говорит? Ведь вроде хороший он, умный. Много интересного рассказывает про дальние края. Так много знает! А курить не разрешает. Что это с ним? Непонятно. Отнял трубку. Сава сказал отчиму. Вот Албин и пришёл такой сердитый.

Может быть, не надо было жаловаться?

Тогда бы всё прошло, успокоилось. А теперь вот — только снег, олени, дорога. Слышит Сава лишь звон колокольчиков, которые на шеях оленей.

Не услышит больше школьного звонка.

Олени поскакали по извилистому оврагу. Полозья нарт тяжело закрипели. Сава понял, что это каменистый берег таёжной речки, покрытый тонким слоем снега. Такая дорога опасна для оленей. Олени сбавили ход. Потом,

послушные хорею, остановились. Лижут снег. Лижут жадно, причмокивая длинными языками. Отчим встал на нарты, воткнул хорей в снег, пошёл к оленям. Ветвисторогий белоснежный вожак, как любимая собака, потянулся к нему, ожидая ласки.

Один глаз у вожака красный, как у зайца, другой — тёмный, глубокий как у всех оленей. Обычно он бежит размашистою рысью, сдержанной и непрерывной. Не слишком торопится, но и не слишком медлителен. Рядом с ним запряжены маленькие, но быстрые важенки.

Они любят быстро мчаться. Но на них далеко не уедешь. Быстро устают. Они и сейчас прилегли на снег, поджав под себя ноги.

— Мой красноглазый, только ты можешь спасти нас от людей кульбазы¹. Люди кульбазы отбирают у манси детей, учат их чёртовой грамоте, а потом увезут в большие каменные дома — и никогда нам не увидать наших сыновей и дочерей, — приговаривает отчим, хитровато глядя то на оленя, то на пасынка.

Вожак положил голову на плечо отчима, смотрел умными, понимающими глазами.

— Мой быстроногий, помоги! Мы должны уйти от погони. — Отчим быстро вскочил на нарты. Хорей снова взвился в сумрачном воздухе. Упряжка рванулась вперёд. Заскрипели полозья, легко скользя по мягкому снегу, нарты мчались по извилистой таёжной просеке. Сосны тянулись вверх и терялись в звёздном небе.

Сава родился в лесу, но было почему-то ему непривычно жутко.

Казалось, из-за этих высоких деревьев вот-вот выскочит тёмный дух подземелья — Куль, о котором не однажды рассказывала сама бабушка. Дом Куля, как она говорит, находится в тёмном каменном ущелье. И в доме у него сумрачно.

Лежит Куль на мягких шкурах, тяжело дышит, будто курит: из носа и рта вылетают искры. Выдыхает Куль душный газ, смрадный газ. Только от этих искр на мгновение

¹ Кульбаза — культурная база, очаг культуры на Севере в первые годы Советской власти. Шаманы переиначили это слово благодаря случайному совпадению звуков. «Куль» по-мансийски — чёрт, злой дух подземелья. Культиазу переиначили в «чёртову базу».

светлеет в тёмном подземелье. А ещё в подземелье темно от комаров. Комары — духи Куля. Они без умолку жужжат, просят на землю, чтобы пить кровь людскую, птичью, звериную. Они с наступлением летних дней летят к людям. Больно кусаются комары по мановению руки Куля.

«Ваш Учитель — злой Куль», — вспомнил Сава слова старика Яксы.

Якса — шаман, колдун. И слова у него не простые, а священные.

Так думают все манси. И большие и дети.

И сказал он эти слова у священного капища, на большом камлании.

Саве никогда не забыть то камлание.

*Мне не надо книги белой,
Я всё помню и всё знаю.
Много лет стоит за мною,
Много прожил я на свете
И копил годами мудрость...
Слушай, друг мой, вижу духа
Я в твоей душе глубокой,
Белый дух воюет с чёрным,
С духом чёрным — нежеланья
делать доброе живущим;
И теперь ты на распутье...*

«Ваш Учитель — злой Куль», — сказал Якса на большом камлании. В тот день Сава впервые взяли в священное капище. И ему было страшно. Впереди людей паула шёл сам шаман Якса. Он был в белом как снег оленьем кувсе. Все остальные шли за ним. Они были тоже в мохнатых одеждах.

Сава с Петей, мальчиком из соседнего дома, шли последними, ступая старательно след в след старшим.

Чем дальше в лес, тем становилось темнее. Сказочными богатырями стояли кедры. Неба почти не видно. Ветки белые, земля белая, а стволы кедров тёмные. Саве было жутко. Ему казалось, что он идёт в берлогу. Что-то таинственное ему чудилось за каждым деревом. И правда, меж ветвями одного большого дерева Сава вдруг увидел заржавленные острые стрелы с громадным луком. Этот лук был согнут из целого дерева. И стрелы большие, толщиной с палец. Стоит неосторожно задеть тонкую нитку, протянутую поперёк тропинки, как лук разогнётся и стрела полетит. Такая стрела кладёт наповал оленя, лося останавливает, медведь и тот далеко не уходит, унося с собой обломки железного наконечника.

Шаман Якса, шедший впереди, осторожно снял эту нитку. А Сас-Сипаль, старичок с добродушным лицом, делал таинственные знаки, чтобы люди обходили кусты, где были расставлены луки. Луков оказалось немало. И заметить их очень трудно. Они, как верные воины, охраняли этот мрачный кедровый бор.

Мрачная тишина плыла навстречу. И вдруг эту тишину разорвал резкий крик. Сава вздрогнул от испуга. Остановились на мгновение и взрослые. С ветки с криком сорвался чёрный дятел и, покачиваясь с боку на бок, со стоном полетел между ветвями сумрачных деревьев. Все шедшие впереди пали на колени. Сава увидел под старым кедром избушечку на четырёх столбах. Над белой заснеженной крышей её — ветвистые оленьи рога. На изогнутых сучьях кедра, украшенных полосками разноцветного сукна, подвешены колокольчики. Ветерок, пробегая сквозь густые ветви, чуть колышет их — и еле слышный звон плывёт по сумрачному бору. На сухих ветках висят колчаны, луки. На стволе торчат стрелы. А чуть в стороне развеваются шкуры белых жеребят и оленей, принесённых в жертву. Перед избушкой — белая поляна с местом для кострища. Вокруг поляны неподкупными стражами стоят деревянные идолы. Глаза их смотрят холодно.

Это было капище — языческий храм на курьих ножках. Там «восседал» идол Урала — старик Нёр-ойка. Про него много слышал Сава. Когда Нёр-ойка умер, душа его будто бы улетела в небо. Сказывают, он может переселиться в душу новорождённого ребёнка. Старики говорят также, что душа может просто витать над землёй. На небо уходят только души шаманов и воинов — богатых людей. На земле манси живущие помнят своих предков, строят им капища, приносят жертвы и с помощью шаманов выпрашивают у духов советы для сегодняшней трудной жизни. Так испокон веков делали манси.

Шаман Якса подошёл к капищу. Поставил дерево с затёсами — коротенькую лестницу, медленно начал подниматься по ней в избушку, словно на небо. Он открыл дверцу... Видя, с каким страхом Сава и Петя смотрели на капище, Якса ласково подозвал мальчиков поближе.

— Что, новички, принесли в дар духу славного предка? — спросил Якса.

Сава сначала даже боялся поднять глаза на божество, которое восседало там, вверху, на священных шкурах. Но любопытство пересилило страх. В тёмном углу сидел деревянный Нёр-ойка. Он сидел неподвижно, как уставший после боя воин. На голове у него остроконечный шлем. Из-под шлема, будто надвинутого на серебряное лицо, смотрели два широко раскрытых глаза. Эти круглые глаза, горевшие

блеском золота, кажется, пронизывали насквозь. На груди Нёр-ойки была надета кольчуга из сияющих колец. «Звенящую кольчугу носящий богатырь», — вспомнил Сава слова из былины, которую не раз ему рассказывали старшие. Богатырём былинным сидел Нёр-ойка в капище своём.

Сава вынул из кармана медный пятак и дрожащей рукой положил в чашу, которая стояла перед самым Нёр-ойкой. Потускневшая золотая чаша была полна монет и бумажных денег.

Кругом идола стояло несколько деревянных позолоченных чаш. В одних были крендели, в других — пряники и белый хлеб, в третьих — тоже что-то съедобное, но уже покрывшееся плесенью и пылью. По стенкам капища висели шкурки бобров, черно-бурых лисиц, росомач, соболей, горностаев. От этих шкур полетела шерсть, когда Якса доставал серебряную чашу.

Серебряная чаша, в которой была замёрзшая вода с землёй, пошла по рукам. Все на мгновение прикасались губами к этой чаше, как бы отхлёбывая напиток здоровья.

А между тем на жертвенном костре уже играл огонь. Дым поднимался к вечереющему небу чёрными клубами. Зарево огня, на котором так и корчились ветки, освещало тайгу, людей в шкурах и испуганных оленей, которые стояли привязанными к кедрам...

Белый жертвенный олень с ветвистыми рогами, с круглой меткой на боку смотрел на людей большими, выпуклыми глазами, словно прося у них пощады.

Над костром уже висел огромный чёрный котёл, готовый принять жертвенное мясо. Мгновение — и на шею оленю накинули верёвку, потащили к огню. Белоснежный упирался, хрипел от верёвки, которая сдавливала ему шею. Люди принесли жертвенный ковёр, расшитый знаками небесного послания, покрыли спину оленя и повели его вокруг священного дерева.

Шаман Якса поклонился в сторону высокого дерева и забормотал:

— Кай-о! Кай-о! Кай-о! Йо!

Он начал камлание.

Другие, стоя полукругом, по несколько раз выкрикивали одно и то же слово, будто приговаривая оленя к смерти.

Затем люди расступились, белоснежному надели на шею кожаный тынзян, тонкий, как дождевой червь, за концы его схватились два оленевода, а третий подошёл к оленю сбоку.

— Сам старшина Осьмар Васька! — шепнул кто-то.

При этом имени Сава вздрогнул. Затаив дыхание, он стал всматриваться в человека, который подошёл к оленю сбоку. Капюшон малицы Осьмар Васьки был откинут. Стриженные в кружок иссиня-чёрные волосы резко выделялись на белизне снега. На ногах у него были красивые, лёгкие кисты, разукрашенные разноцветным орнаментом. На боку — ножны с широким ремнём и большой сияющей медной пряжкой. Солнце, низко плывшее над верхушками деревьев, сверкнуло на лезвии ножа.

И в тот момент, когда олень ласково взглянул на Осьмар Ваську, старшина с криком вонзил нож животному под лопатку.

Удара белоснежный будто не почувствовал, только чуть отодвинулся в сторону. Забеспокоился. В глазах его замесилась тревога. Тревога росла в беспокойном взгляде. Белоснежный весь напрягся. Длинные ноги его задрожали. Туман поплыл по синеватым оленьим глазам. И лишь теперь, видно, терял он ощущение окружающего. Смерть стояла перед ним. Он рванулся вперёд, тут же остановился. Тело его задрожало. Ноги ещё держали его. Но земля поплыла под копытами, и вдруг покатилося солнце, спрятавшись за вершинами белых деревьев.

А потом он упал на колени. Люди схватили его за рога, повернули так, чтобы олень в последний раз мог увидеть солнце, небо, деревья, людей, собак и уйти в иной мир...

— Кай-о! Кай-о! Кай-о! Йо! — пропел Якса, коснувшись первым священной крови жертвенного оленя.

Скоро красивое животное было освежёвано. Над ним поднимался пар. Ещё мгновение — и сердце оленя, почки, уши, мозг и печень очутились в разрисованных деревянных чашках, а мясо — в чугунных котлах. Лакомства в чашках облили кровью — и поставили к капищу. Сначала самое вкусное преподнесут духам предков, оставшееся будут есть сами...

В это время заскрипел снег, застучали копыта, и к поляне подлетели три упряжки.

С первой нарты сошёл человек в белом кувсе. Сверкнув синими глазами, незнакомец сбросил кувсь на снег и, подойдя к пылающему кострищу, громко сказал:

— Камлай, камлай, священный Якса! Разве тайга потеряла свои законы? Нет, законы природы крепки. Законы говорят: помни предков, приноси жертвы богам, уважай законную власть древних хозяев этой земли...

Теперь только люди увидели, что перед ними стоял сам Кер-Кент — Железная Шапка, потомок Нёр-ойки. Он был в полном княжеском облачении. На голове шапка из малинового бархата, обшитая золотыми шкурами. Потёртый, посеревший от времени бархатный халат, отороченный чёрным соболем, был подпоясан пёстрым поясом. На поясе висел кортик с изображением на рукоятке орлиной головы. Одеяние это вместе с грамотой на княжеский титул было пожаловано царицей одному из предков Железной Шапки.

В этом священном одеянии он, как и его предки, являлся и на сбор ясака — дани, и на медвежьи игрища, и на похороны, и на камлания.

— По законам ли предков живёте вы, люди белого света? — продолжал он после долгой паузы. Прямые жёсткие волосы спадали ему на лоб. Чуть припухшие глаза его смотрели надменно. — А, молчите! Сородичи! Зачем вы продаёте свой народ худым людишкам новой власти?! Зачем вместе с ними обижаете людей своего племени?!

Немую тишину нарушал лишь треск огня, на котором корчились ветки. Тревожное пламя освещало неподвижно стоявших людей, оленей, привязанных к стволам кедров.

— Или вы уже не сыновья тайги? Неужели для вас нет закона в снегах?

Дым костра поднимался к темнеющему небу...

— Даже собаки наших чумов чуют незнакомый запах, — продолжал Железная Шапка. — Это запах не тайги. Это запах духа, поганого Красного духа. Вы, забывшие свободу и предков, будете наказаны грозным духом заразы!.. Скоро он начнёт косить вас...

Так говорил Железная Шапка, недавний хозяин священных скал Урала, князь и богатырь ледяной земли! Десять лет тому назад, как только победила революция, он исчез. Одни рассказывали, что он провалился сквозь землю, другие — что он вознёсся на небо, третьи судачили, что он просто не спускается с гор Урала. Там он пасёт своё стадо

олений. Но вот Железная Шапка снова здесь, перед ними. Вот он шагнул к пылающему костру, присел на корточки, сунул правую руку в пламя. Огонь заплясал вокруг пальцев в золотых кольцах.

Шаман Якса схватил Железную Шапку за руку, отдёрнув её от жадных языков пламени.

— Ты присягаешь на огне, ты говоришь истину, — начал шаман со слезами в голосе. — Мы верим тебе.

— Верим! — очнулась вдруг толпа.

— Слушайте, что скажет наш великий старец! — протягивая обожжённую руку в сторону Яксы, заговорил Железная Шапка. — Великое горе идёт на нас, сородичи! Ой, горе! Сами себя убивать будем! Манси разбредутся врозь, меж деревьями заплутают, лесом прорастут. Мох исчезнет, олени сгинут, собаки разучатся узнавать хозяина! Кто виноват?

— Революца! — крикнул кто-то.

— Революца — вот ваше горе! — твёрдо произнёс Железная Шапка, почуяв поддержку. — Революца отбирает у людей оленей, грозит согнать всех в колхозы. Пусть будут прокляты те, кто перешёл на сторону Красного духа — Революцы.

— Будь проклят Революца! — крикнула толпа.

— Люди трусливые, как куропатки, послушные, как собаки, откройте свои глаза! Я, Железная Шапка, ваш князь и богатырь, стою перед вами. Собирайте своих оленей, собак... Запрягайте нарты — и в дорогу к горам Урала, в колыбель нашу! Вор пришёл в нашу землю. Он убивает людей, плюёт табачную жвачку на богов. Позор вам, мудрейшие манси, если не возьмётесь за ружья!.. Так повелевают боги! Я сказал! — торжественно произнёс Железная Шапка, устремив яростный взгляд к небу.

Якса ударил в бубен.

— Слышу, слышу! — воскликнул он. — Слышу голос, вам не слышный. Вы не бойтесь! Вы не бойтесь духа Красного. Проснитесь, люди! Вставайте, манси! Железная Шапка — сын и владыка снегов — поведёт нас к свету солнца!..

Так пел шаман Якса. Волосы у него были белые, как ягель. Он был стар, очень стар. Казалось, вот-вот развалится. Лесные люди верили, что и добрые духи, любившие Яксу, и демоны зла внимают его голосу. И поэтому они хотели знать, что скажет он, старый человек, друг духов, об

учителях, школе-интернате, которую построили люди — коммунисты.

— Кай-о! Кай-о! Кай-о! Йо! — камлал Якса, шепелявя беззубым ртом. — Река без рыбы, лес без зверей, дом без детей — какая это жизнь! Если дети будут смотреть в бумагу, в чёртову грамоту, то они уйдут из юрт, лесные урманы, рыбные реки для них будут чужими. Они откажутся скользить за зверем на лыжах, плыть на лодке за юркой рыбой... Люди тайги! Подумайте: разве в русском доме — школе-интернате — северным мальчикам, детям рыбаков, охотников, оленеводов, не будет тесно?! Люди тайги, знайте: Учитель — это злой Куль!..

В ту же ночь интернат опустел. Оленьи упряжки помчались в сторону Урала, туда, где таёжные люди во время смут и войн всегда находили убежище...

Учителя называли Кулем. Саве было жаль Учителя: он совсем не походил на Куля. Ничего не понимал Сава...

*В красном зареве заката
Опустилась ночь на землю:
Тени робкие бежали
от берёз, осин и кедров...
Скоро ночь закрыла солнце
Тканью лёгкой и дрожащей,
На которой юный месяц
вместе с звёздами был выткан.
Месяц — золотом, а звёзды —
Серебром и красной медью...*

А теперь олени бежали...

По небу плыла луна. Она умывалась белым снежком, редкими облаками. Луна мылась неторопливо, словно круглолицая девушка. Снежок похрустывал, касаясь её круглых щёк, рассыпался радужными брызгами. А посветлевшие щёки делались ещё круглее и полнее, как лицо светлой богини ночи.

От неё светло, как в сказке. Большая луна — добрая богиня большой дороги. Дорога бежит словно ручей. Деревья притихли. Вся тайга притихла. Деревья слушают песню оленьих копыт. Олени быстро бегут — колокольчики звенят, звенят голосами счастливых детей. Бегут в голове мальчика воспоминания о днях минувших, днях недавних...

Вспомнился Саве светлый день, когда в пауле появился Учитель.

Тот день был солнечный, тёплый. Рано утром над тайгой висела пелена синего тумана. Но она недолго скрывала таёжные дали. Стоило взойти солнцу, как всё засветилось. Туман растворился. В радужном свете заиграли берега реки. А берега реки низкие. Лес подходил к самой воде.

К берегу пристала лодка, в которой сидели два человека.

— Кто это? — спросил Сава бабушку.

— Это русские! — сказала она. — Один из них, говорят,

Совет¹. Другой — Учитель. Учитель, рассказывают, собирается учить детей.

Русские поселились на берегу реки. Из еловых веток они построили шалаш. В центре шалаша поставили железную печку. В печи горел огонь. На огне они грели чай и пекли мучные лепёшки. Сава всё это видел, пробравшись сквозь зелень кустов, ближе к шалашу.

Однажды Учитель его заметил. Сава хотел бежать прочь. Но русский так посмотрел на него, в глазах его было столько грусти и сожаления, что Саве стало жаль его. Мальчик знал, что никто этим русским не предложил поселиться в избе. Боялись шамана. И ещё то остановило Саву, что Учитель не собирался ловить его. Окинув мальчика спокойным взглядом, он занялся своим делом. В руках у него был ящичек. Чёрный, аккуратный такой ящичек. Русский что-то покрутил, и ящик заговорил, запел человеческим голосом.

Сначала Сава подумал, что это пел Учитель. Но губы Учителя не шевелились, и глаза его спокойно смотрели на Саву. Видя, что мальчик удивлён, он тихо произнёс:

— Это патефон поёт. Вот. Иди. Можешь сам завести. Завести каждый человек может...

«Неужели и я могу? — вдруг подумал Сава. — А что, если и на самом деле попробовать?»

Учитель был безусый, голубоглазый, не слишком высок. И лицо его, чуть продолговатое, белое, было совсем не злое. Наоборот, в нём было столько добра и ласки, что Саве захотелось и на самом деле подойти, чтобы самому завести говорящий и поющий ящик.

— Сможешь, сможешь. Иди, попробуй! — точно поняв его мысли, сказал Учитель.

И правда, скоро в руках мальчика запел патефон, выводя тягучие русские слова, большая часть которых была непонятна мальчику. Но ничего страшного, угрожающего в них не слышалось.

Перед шалашом горел костёр. Ярче костра горело солнце. Солнце сияло и на широкой глади реки. Река, тихая, полная света, бежала вдаль. Вдали виднелась песчаная коса. У косы, приткнувшись к песку, стояли три лёгкие

¹ Совет — Советская власть, в дальнейшем будем называть просто Совет, как говорили в те годы.

калданки и большущий саранхан¹. Чуть поодаль на вешалах сушился невод. На берегу стояло несколько небольших избушек. На крышах их росла трава. Избушки покрыты землёй. Это летние юрты... Летом человек тайги к реке тянется. На реке вся жизнь. А зимой люди уйдут в зимний паул, ближе к тайге, к урману, где глухарь и соболь, белка и лось...

Учитель достаёт из большого кожаного портфеля белый лист бумаги и карандаш. Миг — и на листке оживает река, лодки, невод, избушки с зелёными травянистыми крышами.

— Как по-мансийски будет «река»? — указывая на рисунок и на реку, спрашивает Учитель.

Сава сначала не понимает, что от него хотят. Учитель снова показывает на рисунок и на реку, объясняет пальцами, мимикой...

— «Я», — говорит наконец мальчик.

— Не «ты», а как будет звучать по-мансийски слово «река»?

— «Я», — снова отвечает мальчик. Видя, что Учитель не понимает, что «я» по-мансийски и есть «река», Сава заливается смехом. Смеётся долго, до слёз, удивляясь, что Учитель не понимает, что «я» — это не русское «я», а «река».

Смеётся и Учитель. И просит назвать по-мансийски и лодку, и невод, и дом, и собаку, которая важно прохаживается по песку...

Вдруг пролетел гусь. Он летел невысоко, совсем близко летел. Видны были не только прижатые к животу лапы его, но даже глаза. Глаза у него круглые, вытаращенные, точно застыли в диком изумлении. Он не торопясь облетел лодку и что-то пробормотал.

— Как по-мансийски звучит слово «гусь»? — спросил Учитель.

— «Лунт», — важно ответил Сава, совсем почувствовав себя равным Учителю.

Из жёлтого мелкого тальника, стоявшего наполовину в воде, вдруг поднялись утки. Казалось, им тесно в воздухе и в воде. Стаи уток кружились, плавали, неслись мимо. И у них было своё звучное мансийское имя — «вас».

¹ Калданка и саранхан — мансийские лодки.

— Спасибо! Ты хороший учитель. Ты мой учитель!.. А я буду твоим учителем! Договорились? — сказал русский.

На прощание он подарил Саве красивую книжку.

— Букварь! — торжественно произнёс Учитель. — Твоя первая книга. Если его одолеешь, большим человеком будешь! — Ещё он подарил листы с картинками.

Радостный прибежал домой Сава, спешил скорей показать подарки бабушке. Манси любят подарки. Радуются подаркам. Но бабушка почему-то не обрадовалась.

— Что за дух изображён на этом амулете? — увидев слона на картинке, воскликнула бабушка. — Не дух ли подземелья, не сам ли Махар ¹, роющий землю у реки, требующий в жертву жизнь человека?

А увидев на цветной, разукрашенной картинке изображение змеи, она даже шарахнулась в сторону, закрыв глаза руками, ругая внука самыми грозными словами, требуя сейчас же отнести всё обратно Учителю.

Сава отнёс подарки. Вечером в избушку, где жили мальчик с бабушкой, пришёл сам Учитель. Горел огонь в чувале ². Собрались соседи. Они важно расселись на шкуры вокруг огня. В глазах их сквозило нетерпение, всем было интересно, о чём будет говорить Учитель.

— Я пришёл к вам учиться вашему языку. Ваш язык очень звучный. Красивый язык. Я хочу говорить на нём.

— Емас! Емас! Хорошо! — сказал Сас ³, подкладывая из кожаного кисета табак в трубку. Он был ещё не старый. Но широкое лицо его изборождено глубокими морщинами, чёрные в завитках волосы с проседью. Густые брови над живыми, зоркими глазами. На нём длинный старинного покроя суконный армяк, подпоясанный шершавым кожаным ремнём.

На ремне у Сас-Сипаля — берестяные ножны. В нож-

¹ Ма х а р — мамонт. По представлению манси, мамонты живут в подземном царстве и иногда выходят через протоку наружу, обваливают яры, крутые берега. Там недаром находят их кости.

² Ч у в а л — полуколёс, полупечь, слепленная из глины с соломой.

³ С а с-С и п а л ь — берестяные ножны; в данном случае имя, кличка. В дальнейшем будем называть его Сас.

нах — нож с костяной рукояткой. На ногах у него лёгкие, из сыромятины лосиные сапоги.

— Учить наш язык — это хорошо! Емас! — повторил Сас-Сипаль, глядя пронзительно на Учителя. — Только ты вот скажи: что за духи изображены на этих амулетах? — Сас кивнул на рисунки, которые взволновали не только бабушку. — Вот что, например, это такое? — спросил Сас, указывая на иллюстрацию, где была изображена улица большого города.

— Это улица города. Дома. Трамваи. Люди...

Учителю долго пришлось разъяснять, что в городе с высокими домами живут не духи, а такие же трудовые люди, как манси. Только ездят они не на оленях, а на трамваях, автобусах и живут в больших многоэтажных домах.

Собравшиеся с интересом разглядывали рисунки. Всё для них было ново: и сама улица, длинная и широкая, как река, и дома, высокие, как деревья, и большое скопление людей, трамваи, похожие на бегущие дома. И всё же Сас-Сипаль, и бабушка, и Сава, и все остальные, рассматривавшие рисунки, не могли понять, что на самом деле тут изображено, не могли себе представить раскрывшийся перед ними другой мир.

— Там, наверно, и земля не такая, и дома другие, и люди не похожи на нас? — вздохнул Сас-Сипаль, вопросительно глядя на Учителя.

— Люди такие же. Только если ваши дети будут учиться, то они и здесь создадут такую же жизнь.

На одной из картинок была изображена божья коровка. Учитель заметил, как пристально разглядывал Сава эту картинку. Он то ласкал её пальцами, то разглаживал ладонью, то просто смотрел нежно-нежно.

— Это его сестрёнка, — сказала тихо бабушка, глядя на рисунок. — Добрый дух изображён на этом амулете.

Потом повлажневшими глазами посмотрела на внука. Одна из сестрёнок его умерла. Но душа её не умерла. Она летает вот в виде красивой божьей коровки.

— Вот и я скоро умру. Тело моё положат в землю. Но не думайте, что я совсем уйду из этого мира. Буду смотреть, что ваша школа сделает с моим внуком. Не смотри, Учитель, что тело моё, дряхлое, морщинистое, так слабо, бесильно. Тело моё — лишь вместилище духа. А потом во что

превращусь — тоже не скажу. Может, в камне, а может, в птице поселится моя душа. А то и в саму медведицу превращусь. Будете обижать внука грамотой — не уйдёте от моей медвежьей лапы.

Учитель не знал ещё, что, по представлениям лесных людей, всё, что окружает их, для них живое. И река живёт, и камень живёт. Как человек, он думает, дышит, развивается. У камня есть своя жизнь, свои радости и огорчения. Урал — большая гора манси — издали кажется неподвижным... Но это только кажется. На самом деле он растёт, сосна тянется к небу. Дух неба — всемогущий Торум — сердится, что Урал растёт и докучает ему, и время от времени Торум ломает скалы и вершины деревьев, слишком стремящиеся ввысь.

Вьюга, упругий ветер — это тоже дух неба. Только злой дух.

Хорошо, когда всего в меру. Тогда горы спокойны, деревья растут и ветер лишь ласкает щёки, разнося по лесам, лугам, склонам гор сладкий аромат жизни...

Хорошо посидели вечером, то пили чай, то говорили. Бабушка слушала Сас-Сипалья.

Сас-Сипаль слушал Учителя.

Учитель слушал всех. Бабушка поглядывала на него со вниманием. Огонь в чувале горел весело.

Над тайгой встало солнце. Яркое, холодное солнце зажгло на деревьях серебряный свет. Иней горел на зелёных елях, на голых ветвях берёзы и на пожелтевших травах.

С реки доносился утиный гомон. Зеркало воды было всё усыпано чёрными точками. Точки двигались. То утки собирались в стаю. И на серебряных берёзах висели чёрные гроздья: это тетерева расселись. На крутом берегу за протокой, на вершине голой лиственницы важно сидел орёл. Видно, высматривал себе жертву... На каменистом берегу реки собирали камушки в свои большие зобы глухари. Дремучей мансийской тайгой завладевала поздняя осень. Не за горами и зима...

В то раннее солнечное утро, когда под его меховыми сапогами хрустел промёрзший мох, Сава пошёл не на охоту. И другие ребята, одетые в меховые малицы, ягушки, тоже

осторожно пробирались в дом на краю паула, который называли непонятным, но звучным словом: школа.

Сава видел, как многие взрослые люди с утра до вечера возились в этом доме.

Что-то красили, мыли, строгали. Видел, как привезли на большой лодке чёрные столы, которые называются партами.

А главное — привезли книги. Много книг.

Среди них были белые книги, которые назывались тетрадями. Больше всех Сава интересовался ими.

«Из белой кожи какого зверя сделана эта чистая белая бумага? — думал он. — Интересно, что тонкой деревянной палочкой, у которой выжжена сердцевина, можно выводить разные тамги¹, чертить, рисовать...»

Больше всего удивляло мальчика то, что палочка не сгорела, когда её прожгли насквозь, и он был рад, что Учитель раньше других ему подарил такую палочку и тетрадь. И теперь с трепетом ждал, когда Учитель снова подарит ему такую же.

— Здравствуйте! — говорил Учитель, встречая каждого. Ребята молча садились за парты и с нетерпением глядели на Учителя. Некоторые мальчики и девочки пригнали вместе с родителями. Школа помещалась в двух комнатах. В просторной, светлой стояли парты, покрытые лаком. Перед ними — стол Учителя. На передней стене висела классная доска. И в стороне от неё — большие классные счёты. В простенке между окнами висел портрет Ленина.

— Здравствуйте! — сказал Учитель, когда все дети и взрослые расселись за парты.

Дети молчали, молчали и взрослые.

— Как по-мансийски будет «здравствуйте»?

Снова молчание. Учитель растерянно окидывает взглядом класс, потом вопросительно смотрит на Саву.

— Пася! — говорит почти шёпотом Сава, не зная точно, что хочет Учитель, но чувствуя, что ему надо что-то ответить.

— Пася олэн! — добавляет Сас, приведший Петю, своего внука, в школу.

— Спасибо! Теперь я буду знать, что «здравствуй» по-мансийски — «пася». Ну, а что такое «олэн»?

¹ Тамга — родовой или личный знак.

— «Олэн» — это значит «живи»! — сказал довольно смело Петя, у которого волосы были заплетены в косички.

— Пася олэн! — повторил Учитель. — Спасибо! Спасибо! Вы меня будете учить мансийскому языку, я вас научу русскому. И считать научимся и писать...

Когда ребята чуть успокоились, Учитель сказал, что сегодня после урока все будут знакомиться с воспитателем, поваром, с врачом, а потом все вместе будут обедать в интернатской столовой. Но сначала надо пройти медицинский осмотр.

Сава не знал, что такое медицинский осмотр. Думал, будут просто смотреть интернат, который разместился рядом со школой.

Там были спальня и столовая.

Но медицинский осмотр оказался совсем другим.

Учитель повёл их к женщине в белом халате.

— Ой, дохтур! — воскликнул Петя, увидев женщину со странными и непонятными инструментами в руках.

Миг — и Петя исчез за дверями. Сава тоже чуть не побежал. Слышал, что дохтуры болезни лечат, с духами нечистыми общаются, больно делают.

Женщина в белом халате позвала его ближе, велела снять рубашку. Сава снял рубашку новенькую, ситцевую. Бабушка сшила её для школы.

Дохтур пристально взглянула мальчику в глаза. На мгновение она показалась Саве шаманкой. Потом с помощью металлической трубки она послушала биение сердца. Постучала молоточком возле лопаток. Снова посмотрела Саве в глаза и сказала:

— Молодец! Здоров! Можешь учиться!..

Бегут олени. А в небе рядом с луной ходят звёзды. Они блещут, искрятся, будто улыбаются. Только тихо-тихо, чтобы не разбудить белую метель, такую же разбойницу, как коварная и злая колдунья Танварпэква. Про неё и Учителя говорил Якса:

— Куль с Танварпэквой сначала будут просто мучить наших детей и внуков, а потом их заберут в свои каменные дома.

Сава знал и про Танварпэкву. Много сказок про её проделки слышал.

В лесочке у деревни, на северной стороне, живёт эта злая старуха.

Она делает нитки из сухожилий. Её не всякий увидит. Она — дух. Но и не ко всякому она пристанет. А кого облюбовует — защекочет до смерти. Ночью защекочет, когда все спят.

Поэтому все её боятся.

Поэтому ночью нитки из звериных сухожилий никто не плетёт.

А вот что однажды было.

Жила девушка. Мастерница на все руки.

Но искуснее всего она плела нитки из сухожилий. Устали не знала, до самой глубокой ночи работала.

— Подруженька, не плети ночью жил! — говорили ей женщины и девушки постарше.

— Почему? — удивляется она.

— Нельзя. Здесь Танварпэква живёт. Страшная старуха, жилистая старуха. Засидишься — придёт к тебе. Защекочет до смерти...

Но девушка не послушалась. Днём крутит жилы и ночью их катает.

Однажды, когда все уже спали, завизжала собака, будто её кто-то ужалил.

Потом заскрипела дверь, и в дом с морозом седоусым ввалилась Танварпэква. В руках у неё серебряная чаша.

В чаше — жилы. Собачьи жилы. С шеи лайки сорвала она их.

Оттого собаки и визжали.

Подсела к девушке и говорит:

— Здравствуй, внучка, здравствуй! Ну и проворна ты! Давай поспорим: у кого из нас чаша с жилками быстрее наполнится. Если твоя, то чашу из чистого серебра ты возмёшь! Если моя быстрее наполнится, то я пощечу тебя. Да так буду щекотать, что из тебя выскочит печень.

— Ты садись, бабушка! Я принесу что-нибудь полакомиться, — говорит девушка. Выбежала она на улицу. Принесла с амбара юколу — вкусную сушёную рыбу. — Угощайся, бабушка, кушай!

А сама снова выбежала. В углу амбара нашла пустой берестяной кузов — и бегом в сторону леса.

А там, на краю деревни, под корнями самого могучего кедра, — дом Танварпэквы.

Добежала девушка до этого кедра, разожгла берестяной кузов и бросила под дерево, а сама полетела домой с криком:

— Бабушка, бабушка, в юрте твоей огонь играет! Горит твоя юрта!

Танварпэква как молоденькая побежала. А девушка бросает собачьи жилы на улицу, моет серебряную чашу и ставит её на стол. Сама быстренько тушит лучину, мажет лицо рыбьим жиром и ложится спать среди людей. В старину люди спали на одних нарах.

Скоро Танварпэква опять пришла. Ищет девушку всюду. Руками своими жилистыми лица спящих щупает. Подошла к девушке, пощупала лицо, щекает. Девушка чуть не вскрикнула от щекотки, но, собрав последние силы, сдержалась.

Потрогала старуха ещё раз её лицо — скользкое оно, непохоже на лицо той девушки. К другим идёт, среди других ищет. Стонут люди, вздыхают во сне, всхлипывают. И снова к девушке подходит старуха, опять её мнёт, щекает. Но молодая молчит, не подаёт ни звука.

— Торум, видно, тебя защитил, — вздыхает Танварпэква. — Изворотливей и хитрей оказалась меня. Ну, погоди!

Если опять будешь по ночам крутить жилы, — всё равно защекочу...

А мастерица-девушка спит и невесёлые сны видит. Мечется. Наутро раньше всех встала, разожгла огонь в чужале. Берёт со стола серебряную чашу, показывает её людям.

— Смотрите! — говорит она. — Вот чаша. Серебряная чаша Танварпэквы. Она приходила ночью. Щекотала меня за то, что долго не ложилась спать.

«Победила девушка, — думает Сава, — да только всё же надо, наверно, вовремя ложиться спать. А то колдунья Танварпэква опять будет щекотать...»

И эта сказка вдруг ожила в интернате. Хороший был интернат. Тёплый, чистый, светлый. Да только, как в нём поселились ребята, пошёл по паулу слух, что в интернате появилась сама Танварпэква.

Она ещё не щекотала по ночам детей, но уже грозилась. Как только уйдёт дневной свет, наступит темень ночи и дети начинают засыпать, так она сразу начинает скрести стены. Ребячий сон, как пугливая птица, поднимает крылья и улетает.

Испуганные дети вскакивают, разбегаются по домам, юртам.

Интернат пуст. И утром за школьными партами тоже никого нет.

Учитель снова ходит по юртам.

Говорит Учитель с родителями, доказывает, что Танварпэквы и других злых духов в интернате вовсе нет, их придумали суеверные люди.

Родители не понимали, о каких суеверных злых людях говорил Учитель. Но уж слишком просил, уговаривал Учитель. И детей возвращали в школу. А потом опять всё началось сначала. Тогда на ночь был поставлен сторож.

В небе ходили звёзды. Светила луна. Сторож тоже ходил, не смыкал глаз, как большеглазая луна. Никого не видел сторож, никого не допускал к интернату. Но только Танварпэква всё равно явилась. Когда все уснули, начала она скрестись.

Но сторож Танварпэкву всё же в тот вечер поймал. Ею оказался Улякси, племянник Железной Шапки. Ему шёл четырнадцатый год.

Однажды он утащил из школы учебники и тетради

и изорвал их на мелкие кусочки. Говорили, будто он помогает шаману.

Но всё-таки, на беду Учителя, Танварпэква победила: умер Петя.

Случилось это так.

Сначала Петя просто заболел. Не вставал с постели.

Родители пришли в интернат, унесли мальчика. Не дали врачу лечить. Ругали школу, Учителя.

Когда Сава пришёл в дом своего друга, Петя лежал на мягкой шкуре. Он был бледный. Губы запеклись, глаза полужакрыты.

Друг говорил какие-то бессвязные слова о вьюге, оленях.

За несколько дней, пока Сава не видел товарища, лицо Пети сделалось бледным и жёлтым. Запёкшимися губами Петя произносил шёпотом:

— Пить, пить!..

Сава налил воду из чайника, приподняв голову другу, напоил его.

Петя открыл глаза.

Посмотрел на товарища. Что-то похожее на печальную улыбку скользнуло по его лицу. И он опять впал в беспамятство.

Потом рука его чуть заметно пошевелилась, как бы маня.

Сава приблизился к товарищу. Петя открыл глаза. Узнал.

— Школа! — сказал он. — Хочу в школу.

Когда привели шамана, мальчику стало совсем плохо. Он лежал раскинувшись, с полуоткрытыми глазами и ртом, но никого уже не узнавал. Дыхание его было хриплым и прерывистым, подбородок чуть заметно двигался.

Шаман Якса ощупал его голову, грудь, руки, басовито сказал, что он пытается узнать причину болезни ребёнка, однако ручаться за выздоровление мальчика не может, так как дух заразы очень уж силен!..

Говорил это Якса, скрестив руки на груди, озираясь вокруг, как охотник осматривает свою угодья.

Но вот шаман взял в руки топор, стал раскачивать его на шерстяном поясе и что-то бормотать.

Кланяясь в сторону яркого огня, игравшего в чувале, он запел:

Семиголовая огонь-мать,
Семязыкая золотая богиня,

Варящая всё сырое,
Оттаивающая всё мёрзлое,
Внемли моей молитве...

Сава слушал заклинания Яксы, смотрел на людей, на их неподвижные лица, медно-красные от огня, и вдруг почувствовал себя в мире духов, в мире грёз и сказки.

Затрещал огонь.

Искра огня полетела в сторону больного мальчика, как сорвавшаяся с неба звезда.

Шаман замолк.

Потом приказал слепить из хлеба, из дерева, из коры по маленькому идолу в виде зверей, птиц, рыб, оленей.

И сам принялся за работу. Из-под его искусных рук вскоре вышла довольно большая птица с распростёртыми крыльями, которую он подвесил над больным. Вскоре готовы были и другие идолы, небрежно, наспех сделанные родственниками.

За домом под высоким деревом расчистили площадку, разложили на ней костёр.

Под дерево поставили приготовленных идолов.

Яксе подали священный лук и стрелы. Лук был большой, стрелы чёрные, пыльные.

С этим священным оружием он пошёл к пылающему огню. И, взглянув на огонь, на большое небо, произнёс:

О Сорни-най!
Полуночная священная богиня,
Дочь золотого Солнца
И высокого Неба.
Золотая нить твоей души
Да прикоснётся к нашей обители,
Да услышит наши молитвы.
Душа нашего мальчика
Сорвалась в глубокую яму,
Подкосились ноги его,
И руки не могут
Ничего держать...
Благодаря твоим семи умениям,
Благодаря твоим шести мудростям,
Помоги ему выбраться наверх,
Помоги выздороветь!

Он благоговейно поднёс стрелу к губам, поцеловал её и продолжал:

О Сорни-най!
Если мальчик и его родители виноваты,

То пусть душа его
Вылетит из тела так,
Как стрела из лука.
Если невиновны,
То оставь мальчику
Драгоценную жизнь,
Отгнав прочь
Злого духа заразы!
Пусть моя молитва
Будет быстрее быстрой воды,
Пусть летит скорей скорой стрелы!

При последних словах шаман натянул тетиву лука и пустил стрелу в дремучую даль. Замерев на мгновение, снова продолжал:

О Сорни-най!
Да увидит твой золотой глаз,
Да услышит ухо твоё
Нашу молитву,
Да обоняют ноздри твои
Приносимую жертву.

При последних словах Якса прикоснулся к молодому жертвенному оленю.

Затем Якса взял бубен и стал петь хвалебные гимны: огню, душам бывших шаманов, тучам, месяцу, звёздам и орлам.

Это была уже вторая, театрализованная часть камлания.

Наклоняясь к оленю, он сделал вид, что летит на олене, чтобы предстать перед самой золотой богиней — Сорни-най.

Не удаляясь от огня, от высокого дерева, он стал показывать, что совершает длинный путь: то поднимается на Урал, то спускается в тёмные ущелья, спотыкается, переплывает реки полноводные, спасается от преследования волков, укрывается от диких зверей, прячется от лесных богов зла.

Он подражал то волчьему вою, то звериному рыку. Наконец, как бы преодолев многие препятствия, ставшие на его великом пути, шаман всем своим видом показал, что достиг жилища божества.

Упал перед богиней на колени и с мольбой в голосе задал вопрос:

— Кто виновен в болезни ребёнка? Что было причиной такой жестокой муки?

Получив от богини ответ, который остался тайной для всех, Якса сделал вид, что возвращается обратно к людям.

Длинен путь от людей к богам, не менее сложно возвращение назад.

Между тем молодой олень был уже зарезан. Его кровью уже мазали рты идолов, поили корень высокого колдовского дерева, и золотой огонь угостили.

Кончив камлать-петь, Якса наклонился к больному мальчику и закрыл его тёплой, слизистой шкурой молодого оленя, приговаривая:

О Сорни-най!
Семиголовая огонь-мать,
Семиязыкая золотая богиня,
Варящая всё сырое,
Оттаивающая всё мёрзлое,
Услышь мои молитвы,
Верни ребёнка к жизни!..

С этими словами он нагнулся к мальчику, положил руку на его голову да так и застыл в смятении: мальчик был мёртв.

Тревожно затрещал огонь в очаге. Искры полетели вверх. И кажется, в темнеющем небе сразу превратились в яркие звёзды.

— Кто же виноват? За что дух заразы так свиреп? — простонал шаман, опуская бубен...

Луна потускнела за лёгким облачком, плывшим по небу серой птицей.

Она стала похожа на медный глаз богини Сорни-най, небольшой идол которой, вырезанный из куска дерева, был выставлен тут же, перед огнём.

Огненные языки молниями ударили Яксу и погасли. Якса упал на землю лицом вниз...

Пролежав без чувств некоторое время, он сел, уставив оледеневший взгляд на огонь, и хриплым со сна голосом пропел:

— Вышла Танварпэква из своего логова из-под корней дерева и вместе с русским Учителем-Кулем начала щекотать и душить детей. Где моё мудрое племя мухоморов? Надо детей забрать из школы — и увезти в горы!.. Красный дух заразы идёт!

Невозможно Саве было представить, что его друг, весёлый и такой сильный мальчик, стал мёртвым... Но Сава сам, своими глазами видел, как Петю снесли на кладбище, на священное место печали и горя.

Своими ушами слышал Сава про Танварпэкву и про Учителя-Куля, которые будто бы начали щекотать и душить детей...

... И вот нарты мчались по извилистой таёжной просеке. Луна исчезла.

Чудилось Саве, что из-за высоких деревьев вот-вот выскочит Куль или сама ведьма Танварпэква, из-за которой он потерял тёплый-тёплый, светлый-светлый дом — школу-интернат...

*Дальний путь лежал меж сосен,
Мимо гордых стройных кедров,
По застывшим мёртвым речкам,
Над которыми берёзки,
Голенастые осины
Голышом вдали стояли,
Ветки в небо заломивши...
Дальний путь — как сон печальный,
Что всю ночь до утра снится...*

Дорога бежала, бежала, расталкивая большие деревья. Наконец деревья отошли от дороги. Под ноги оленям легла белая поляна. Тёплый клуб дыма упал на мчавшуюся в холоде дорогу. Лаем собак взвизгнула поляна. На краю поляны, среди большого снега вырос белый конус чума с синим дымком и красными искрами.

Олени остановились. Сава с отчимом вошли в чум. Пьянящим теплом повеяло от пылавшего посреди чума очага. Над очагом висел чугунный котёл. Над ним струился пар. Вкусно запахло оленьим мясом. У очага сидела седая старуха и неподвижно глядела на огонь. Если бы не дымок, струящийся над её трубкой, то можно было бы подумать, что старуха сделана из льда.

Молодая женщина кормила ребёнка. Волосы у женщины длинные, прямые и чёрные. Глаза большие, тоже чёрные.

— Поддай ребёнка сюда! — вдруг ожила старуха, увидев вошедших. — Да встречай гостей.

Молодая женщина тут же вскочила, отдав ребёнка старухе. Она пригласила вошедших к огню, предложила место. А сама тут же выбежала. Скоро она принесла охапку дров, повесила над очагом большой медный чайник.

Сава продрог до костей. Протянул руки к огню. Стенки чума были в дырах. Но мороза не чувствовалось — хорошо горел огонь.

Не успели передать приезжие и половины новостей, как перед гостями вырос низенький столик. А на нём большая

деревянная чаша со строганиной из оленьего мяса. Рядом с ломтиками мяса лежали тёмно-красные кружки оленьей печени.

У Сава вдруг потекли слюнки. Так захотелось ему нежной оленьей печени! В интернате — каша и другая русская еда. Сырого мяса не поешь...

Сава вспомнил, как в первый раз пошёл в интернатскую столовую. В ней было чисто и уютно, не так, как в чуме. На столах — белые скатерти, чистые, как пороша.

Стол накрыт. За столом ребята. Все сидят неподвижно, поглядывают на Учителя, который сидит в конце стола.

Учитель пододвинул к себе ближе тарелку, взял ложку и стал есть. И все без всяких предупреждений взялись за ложки и принялись за еду.

Но, едва проглотив одну-две ложки супа, отодвинули тарелки.

— В чём дело? — спросил Учитель.

— Сладкий суп, — сказал один из ребят после долгого молчания. — Маленькие дети и то, наверное, не будут есть сахарный суп.

— Мы уже большие! — сказал другой. — Нам надо мяса...

Лицо Учителя помрачнело. Он подозвал повара и воспитательницу. И скоро принесли второе кушанье — картошку с маслом. Сава с удовольствием ел картошку. И другие ребята из деревни тоже не отложили в сторону вилки. Но те, кого привезли из оленьих стойбищ и далёких таёжных юрт, не стали есть и это блюдо. Они просили сырого мяса и рыбы...

Зато через несколько дней, когда привезли большую свежую нельму и сказали, что все будут есть строганину¹, ребята ликовали!

— Кто умеет делать строганину? — спросил Учитель.

Все подняли руки. Пришлось выбирать, как на собрании. Выбрали Саву, потому что у него оказался нож.

Сава взял нельму за хвост и начал колдовать. Вонзив лезвие ножа около хвоста, сделал точный надрез до самой головы. Потом возле жирного брюха провёл сияющим лезвием. Подрезав кусок рыбьей кожи поперёк хвоста, содрал

¹ Ст р о г а н и н а — свежемороженая рыба, которую строгают ножом.

с одной стороны рыбы блестящую серебром шкуру. Другой бок разделал так же. Затем нож прошёлся по спинке и брюху, сострогав мясо вместе с плавниками.

Поставив рыбу вниз головой, Сава срезал тонкие перламутровые стружки, куски от спинки и брюха были самыми вкусными.

Красиво скользил нож Савы, красиво строгал он рыбу, вкусно резал. Ребята ели строганину как самое лучшее, как изысканное кушанье...

...И вот теперь перед Савой стояла строганина из печени. Он взял с чаши стружку — и блаженство прошло по нёбу. Стружка красной печени таяла на языке, расточая аромат свежести. Таяла стружка печени во рту — и казалось, Сава прикоснулся снова к вкусной сказке. И стало для него всё как во сне, как в полузабытой песне раннего детства, которую пела мама, когда она возила сына с собой на большие кочевья. Теперь кочуют по Уралу только сестрёнки. А он давно живёт с бабушкой в пауле, где деревянные дома и нет оленей и вкусной-вкусной строганины...

И хотя на столике уже появились калачи, масло, кусок вяленого мяса, топлёное оленьё сало, даже куски сахара, Сава с аппетитом ел стружку за стружкой замороженной, как лёд, печени...

Он не заметил, как за столиком появились новые люди.

Начался настоящий ужин. Один обгладывал оленью ногу, другой грыз скулу оленьей головы, третий старался выбить из кости ценный и жирный костный мозг, а Сава всё наслаждался строганиной из оленьей печени, красной, как огонь.

Пламя в чуме горело ярко. Над ним уже висели котлы с мясом. И Сава вместе со всеми ел горячее мясо. Горячее мясо обжигает пальцы. По пальцам течёт жир. Сытость расплывается по телу. Горит огонь, кружит голову. Саве хочется спать.

А во сне он увидел просторную светлую спальню интерната. На кроватях чистые простыни, мягкие подушки, тёплые одеяла. А он, Сава, не хочет спать на кровати. Он достаёт свою меховую одежду и ложится на пол...

Проснулся Сава от холода, щекотавшего ноги.

В чуме, казалось, не было никаких признаков жизни.

Сава огляделся. Всюду сумрачно. Но сквозь дымовое

отверстие мальчику видно небо. Оно лежало опрокинутым синим блюдом. Луна прилипла к его дну светлым куском сала, звёзды сияли сияющими каплями жира. Всё, кажется, замёрзло. Холодно.

Но все спали спокойно: и люди и собаки.

Котёл висит над костром. Чёрный, прокопчённый котёл. Старые шкуры, шкуры, шкуры кругом. Шкуры старые. Старый чум. Совсем беден. Холод глядит из каждого угла.

Вдруг одна из шкур зашевелилась. В светлом лунном свете засверкали серебряные волосы. Из шкур вылезла старуха. Она накинула на себя облезшую шубу из оленьего меха и направилась к потухшему огню. Чиркнула спичку. Мгновение — и светлый кусок луны померк: вспыхнула берёста, загорелись лучины.

Горит огонь. Но ещё не тепло. Кутается в лохмотья шкур старая женщина. Но руки её уже работают: ей надо размять обувь. Сава знает. Это дело женщин. Мужчины ещё спят, а эта старая женщина готовит им обувь. Они будут целый день гоняться за оленями или просто ехать. Женщина кладёт в меховые сапоги сухую травку. Без этой травки не спасёшься от мороза. Встаёт и молодая женщина. Её чёрные косы распущены. И ей, наверно, не особенно хочется вылезать из тёплой постели. Но таково правило: первой должна вставать женщина и готовить мужчинам обувь. А мужчины спят. Так было с незапамятных времён.

Сава, как мужчина, лежал, смотрел. Когда обувь приготовлена, встать уже приятно: по чуму ходит тепло и чайник пыхтит.

Сава встал. Натянул на себя малицу. Огонь горел ещё слабо.

— Что, сынок, холодно? Почему не спишь? Разогреется чум — встанешь, — сказала старуха, разжигая очаг.

Сава придвинулся к костру.

— В русской школе сейчас, наверное, тепло? А здесь ледяная земля...

Сава молча глядит на старуху в обтрёпанной шубе. Старуха то бросает в огонь дрова, то мнёт обувь, то раскуривает свою длинную трубку, то снова начинает говорить:

— Думы мои, как облака над лесом, молчаливы и конца-края им, кажется, нет. Хорошо, когда знаешь путь,

а нет — блуждаешь бесцельно, как ветер шалый. Вот и мы блуждаем, как ветер, как облака.

Она подбросила хворосту в очаг. Затрещал огонь, полетели искры.

— А вот мой сын большим человеком будет. В Ленинграде он. Учится. В каменном чуме.

Она полезла в дальний угол. Достала красивый сундучок, обитый медными пластинками. Вынула пожелтевшую газету. «Ленинградская правда», — прочитал по складам Сава. Развернув растрёпанную, засаленную газету, она показала портрет молодого человека, изображённого на истрёпанной странице:

— Мой сын.

Сава взял газету, с трудом вслух прочитал подпись под фотографией: Юван Няркусь...

Услыхав слово «Няркусь», старуха снова оживилась, заговорила:

— Няркусь... облезлый кувсь. Так называли нас давно. Чум наш, облезлый и холодный, стоял рядом с чумами оленьего хозяина Осьмар Васьки.

У Осьмар Васьки много оленей, тысячи оленей. И одежда у него красивая, расшитая узорами. И мех его одежды тёплый.

А мы в облезлых кувсях ходили. Потому нас и зовут Няркусь.

Сегодня нет ветра. Только мороз стоит. Пусть стоит мороз. Мороз без ветра — хорошо. А вот когда заиграет ветер, когда вьюга запляшет, как шаман, — плохо в такую погоду. Даже волк уходит в логово, и птицы зарываются в пушистый снег.

В такую погоду только сидеть у огня да сказки рассказывать. У сказок ведь своё тепло и своя радость.

А Осьмар Васька и в такую погоду гонит людей пасти оленей, а сам лежит на мягких шкурах и с наслаждением пьёт горячую оленью кровь! Если бы он только оленью кровь сосал! Да нет, он нашу кровь сосёт. Кровопийца!

— Зачем ты так говоришь, мать? — откидывая с себя шкуры, спрашивает человек непонятного возраста. Волосы у него взлохмачены. На голове клочья оленьей шерсти. Шерсть и на лице, и на руках, и на его длинной ситцевой навывпуск рубаше. Его звали не по имени, а по кличке:

Карась. Слишком, видно, был тихий в детстве. — Осьмар Васька — хозяин. У него много важенок и быков. Тысячу лет и зим так заведено. Кто не имеет оленей, тот не имеет слова, он слушается богатых. А кто откажется от богатства? Все хотят иметь много оленей и тогда могут сами распоряжаться всеми делами манси. Таков закон тайги и тундры, так учат старики и шаманы...

— Вот я и вижу, что ты очень учёный, — начинает опять старуха. — Служишь Осьмар Ваське, а всё в няркусе ходишь.

— Ой, какие слова говоришь, мать! Что скажет хозяин, если узнает? Пропали мы тогда, плохо нам будет, узнает хозяин.

— Почему он может греться у костра, а мы должны таскаться по тайге и тундре, когда и собаки прячутся в чуме? Пусть знает. Ничего! Вот приедет мой сын из Ленинграда, конституцию сюда свою привезёт, покажет ему... Не те теперь времена. Это ты у меня такой послушный, как услужливая собака.

Няркусь опустил голову. Низко-низко опустил голову. Съёжился то ли от холода, то ли от резких слов матери. Беден чум снаружи, беден и внутри.

Пустынно. Неуютно. В глазах Карася холод.

— Холодно? — снова спросила старуха Саву. Взгляд её внимателен. Словно она хочет видеть больше других. — Если холодно, — надо греться. Чтобы греться, надо поддерживать огонь. Самому топить, не дожидаясь, когда другие подбросят дров. — Потом, помолчав, снова продолжала, глядя на Саву: — Ты, Сава, большой вырос. Скоро в лес один белковать пойдёшь, слопцы¹ и луки настораживать будешь, а может, оленеводом станешь. Везде ходи, внучек, да только не обходи грамоту. Большим человеком станешь. Как мой сын Юван Няркусь. Он скоро приедет... Привезёт конституцию. Покажет Осьмар Ваське...

А утром случилась беда.

— Я, кажется, скоро умру! — закашлявшись, выдавил из себя старик Няркусь — отец семейства. Он лежал на шкурах ногами к огню. — Всю жизнь долгую, как эта бесконечная зима, я пас чужих оленей. То пас оленей богача

¹ С л о п ц ы — деревянные ловушки для мелкого зверья.

ненца, то прислуживал купцам и зырянам и вот уже сколько лет верчусь около Осьмар Васьки. Не нашёл я счастья нигде. Может, когда умру, найду его там, в нижнем мире, где нет солнца и света...

Вокруг костра собрались его дети, внуки. В женском углу в поганой части чума ютились жена, невестки. Дети ползали, с ними играли собаки...

— Возможно, добрая жизнь придёт и к нашему огню. Не знаю, какую жизнь привезёт мой сын из города, большого каменного города.

Все замерли, молча слушали умирающего старика. Старик был слаб и немощен. Только в глазах у него иногда вспыхивали искры, которые будто говорили: буду жить! И тогда из уст снова лились слова:

— Вы, слышите, дети мои, голос снегов. Так идите на зов. Идите на зов людей. Союз, который связывает зверей, и тот достоин похвалы. А ведь людям ещё разум и сердце даны. Вместе надо людям быть. Рука руку пусть держит, друг другу помогает. — Старик закашлялся, застонал. — Скоро Торум позовёт меня — и я уйду. Лютого Осьмар Ваську, который избил меня и этим отнял жизнь, — отдаю в ваши руки. Судите его кровной мезтью.

В это утро старик умер.

Свистела вьюга. Гудел ветер. У входа вырос сугроб. Он рос, подбираясь к костру, как растёт горе в чуме, где уходит из жизни кормилец.

— Горе пришло в наше жилище! Большое горе! — вздыхала старая женщина. Она сидела неподвижно и смотрела на огонь. Смотрела застывшими глазами. Бросит хворост в огонь — и снова будто леденеет. Лишь когда порывы вьюги сотрясают чум, она снова просыпается. Рука её оживает. Из-за пазухи она достаёт замасленную газету. Смотрит на портрет сына. Говорит как бы сама себе: «Неужели это ты? Ленинград. Конституция. Будешь ли ты судить Осьмар Ваську? Кровь за кровь!...»

Старик Няркусь умер... Все слышали, как он сказал последнее слово, из него вырвался глубокий выдох. Это, наверно, и выходила из него душа, его двойник... По представлениям манси, душа — это такое маленькое, лёгкое, едва видимое существо, как едва уловимый выдох, улетающий вместе с жизнью из тела... Но с выходом из тела оно превращается в двойника человека, в его тень... И что будет

делать эта «тень», эта ещё живая «лили»? Может, она спокойно уйдёт в нижний мир, страну мёртвых, или к Торуму поднимется, а может, просто будет бороться на этой земле с Осьмар Васькой? Осьмар Васька не только всю жизнь заставлял Няркуся работать на себя, но и лишил его жизни.

Случилось это недавно. Няркусь, как обычно, пас оленей. Но в последнюю большую пургу потерялись три важенки. Узнав об этом, Осьмар Васька пришёл в ярость. Сначала он ударил старика хореом, потом подскочил к нему и стал в бешеной ярости бить пастуха кулаками и всем, что попадало под руку...

Много крови потерял Няркусь. Вместе с кровью ушла и душа оленевода, его жизнь. Ушёл из жизни человек, он был бедный, но добрый и работающий. Однако кровь за кровь! Кровная месть теперь ожидала Осьмар Ваську. У Няркуся в чуме было ещё два сына. Кровь за кровь...

*Духи ночи в эту пору
Вместе с сумраком выходят
Из воды, из старых дупел
Бурей сваленных деревьев,
Из глубоких нор барсучьих,
Скрытых в сучьях среди леса,
И крадутся незаметно,
Меж деревьев перебегая,
К огонькам паулов сонных,
Чтобы в души человечьи —
Лили, полные тревоги,
Поселить вражду и злобу.*

— Люди кульбазы едут! Снова детей в школу собирают! — выводил неторопливо слова Сас, входя и усаживаясь поудобнее к огню. Он только что приехал на оленях.

— Куль за нами гонится! — запричитал отчим, засуетился в углу, где он молча раскуривал длинную трубку.

Хотя был уже поздний вечер, он тут же засобирился в дорогу. Не успел вскипеть и прощальный чайник, как олени были уже запряжены в упряжку. Ещё миг — и под копытами заскрипел морозный снег.

Из тайги, где деревья, кажется, сливаются с небом, выехали в ледяную землю — тундру. Деревья здесь редкие, чахлые, низенькие. Немного проехали — стал подувать ветерок. Откуда-то появилась туча. Звёзды исчезли. Ветер задул сильнее. Закружился снег. Засвистела, запела вьюга. Все заснежилось, заметелилось. Олени не хотели идти против ветра. Они старались повернуть по ветру. Скоро поднялась такая метель, что всё побелело. И негде стало скрыться от этой неистовой вьюги. Ветер прожигал лицо калёным железом. Вьюга скоро стала такой, что видны были только хвосты оленей. А сами олени сливались с белой тьмой.

Пришлось выпрячь быстроногих и привязать их головами к нартам. Отчим залез под нарту и велел пасынку сделать то же самое. Упрятали голову и руки в малицу.казалось, неплохо устроились. А снег всё летел и летел.

— Пу-ху! Пу-ху! — прокричал кто-то вдали.

«Кто это? Филин!» — подумал Сава, забираясь под шкуру. Да, филин так кричит. Глаза у филина круглые, голос

зычный. Сава боялся филина, когда был совсем маленький. Знал он: на крыльях филина летает сам Менкв. Менкв — это злой лесной дух. И в жизни живут злые люди и в сказках они есть. Вот какую сказку как-то сказывала бабушка.

В лесной избушке живёт старик. Голова у него, как у медведя, косматая. Да только это не медведь, а человек, проживший на земле долго-долго. Внук есть у него. Мальчик. Эквапыгрысь, сын женщины. На мягких звериных шкурах резвится мальчик. Старик не сводит с него глаз.

Тепло и ласку дарит внуку бабушка.

Однажды дедушка и бабушка ушли. Внук один остался. И думает: «Не сходить ли на улицу? Что хоть там такое?!»

На улице видит: играют дети, мяч пинают.

— Сможешь ли ты устоять от удара мяча?! — говорит один из них. И самый большой мальчик пинает мяч прямо на Эквапыгрыся. Удар был такой, что чуть Эквапыгрысь не упал. Рассердился сын женщины, схватил мячик и пнул его обратно. Кому досталось по спине — тот надвое разломился, кого чуть задело — лежал как мёртвый. Вот какой был удар! Отцы и матери детей кричат на всю тайгу, на весь мир:

— Если руки твои такие сильные, если ноги твои такие мощные, где ты был, когда победили твоего отца? В болоте за семью озёрами ястребиный ветер треплет волосы отца твоего, сушит его голову. Там и показал бы свою мощь!

Вернулся Эквапыгрысь в избушку, лёг спать. Но никак не спится. Всё думает над словами, сказанными людьми на улице, размышляет: «И правда, почему у меня нет отца? У других ведь есть и отец и мать! Нет ли в мире где виновника этому? Отмщение за отца. Отмщение!»

На стене висел лук и стрелы. Взял он осторожно их и опять вышел на улицу. Долго ли, коротко ли шёл, много ли, мало ли землю мерил ногами и взглядом, только наконец увидел небольшой домик, дверь с одной стороны брёвнами обложена. Разбросал он их — в дом вошёл. В переднем углу старик Медведь сидит. Вздохнёт, выдохнет — ветер до дверей долетает. Эквапыгрысь взобрался на полати, рядом со стариком Медведем лёг. А когда проснулся — удивился: рядом со своим дедушкой, оказывается, спал.

Дедушка и говорит:

— Вижу, повзрослел ты, сильным стал. Для большой дороги созрел! Только большую дорогу надо выбирать не воровским путём. Подожди до завтра — я тебе подготовлю лук и стрелы богатырские.

Наутро бабушка стала в углу копошиться. Вытаскивает из угла большое железное лукошко. Из него вынимает кольчугу. Надевает на юношу — и она впору ему. Лук и стрелы подаёт. Дедушка вручает саблю острую и говорит:

— Теперь иди! Пусть с тобою будут духи добра!

Пошёл внук на берег таёжной речки. На лодочку садится, к большой воде плывёт, к большой земле едет.

Долго ли, коротко ли плыл — доехал до седьмого озера. Правда, берега этого озера заросли травой, болотиной стали. В камышах семь лодок стоят. Покрыты они тонким сушном, шёлком сияющим. По рассказам дедушки Медведя, где-то здесь должна быть лодка отца. Долго её искал Эквапыгрысь. Нашёл. Лодка его отца поновее других. Потом пошёл вверх по ручью. В одном месте видит: берёзка. Хотел сделать зарубку. Да только прикоснулся топором — кровь брызнула. Хотел отломить веточку, чтобы отогнать комаров, — тронул веточку, да за спиной раздался страшный крик. Это Менквы кричали во весь голос. Эквапыгрысь обнажил свой меч. А Менквы уже идут на него, свистят, кричат. Не повернул назад внук, а решил сражаться с врагами не на жизнь, а на смерть. На одного замахнётся — другой рядом, одному снимет голову — другой пытается его смять. Трудно герою, не осилить ему столько великанов, столько врагов. И тогда он пытается силу слова. Говорит:

— Дедушка мой! Голова у тебя косматая, как у хозяина тайги — медведя. Неужели в твоей медвежьей башке нет никакой мудрости или хитрой тайны неужели нет?!

Только успел сказать он это, как на его голову сел крылатый ястреб. («О, слово великую силу имеет! — когда-то говорила Саве бабушка. — Порой оно бьёт сильнее сабли и любого другого оружия!»)

Говорит Эквапыгрысь ястребу:

— Слетай в небо, спроси у небесного отца: где таится смерть этих Менкв, чем их победить?!

Но ничего не ответил ястреб Эквапыгрысю. Только взмахнул крыльями и улетел. Только вылетел ястреб, Менквы спрашивают:

— Какая птичка выпорхнула из твоей головы?

— Это моя последняя душа улетела.

Обрадовались Менквы, услышав о последней душе. Значит, силы Эквапыгрыся уже на исходе. Значит, его можно и победить!

— Всё равно он наш! — говорят они, садясь на пни и поваленные деревья.

А между тем вернулся ястреб. На голову Эквапыгрыся сел и шепнул тихо:

— У самого младшего из семисот Менкв на мизинце кусочек человеческого мяса. Найдёшь его — счастье твоё!

Сказал ястреб вещие слова и улетел восвояси.

— Что вылетело из твоей головы? — спросили Менквы.

— Последняя моя душа вылетела. Оказывается, была ещё одна. На ней, видно, и держался!

Снова Менквы пошли на Эквапыгрыся. Эквапыгрысь стал искать зорким богатырским взглядом самого младшего Менква. Наконец заметил. Стал к нему пробираться. Другие защищают его, загораживают. Но внук до того был юрким, что не только отбил от Менкв, но и проскользнул сквозь них и острием сабли лишь по мизинцу младшего провёл.

И всё замерло. Будто скошенные травы, в один миг все Менквы упали, завяли. А сколько людей съели они, сколько принесли несчастья!

Снял Эквапыгрысь с их голов шкуры и на пояс их повесил. Пусть и другие людоеды знают: то же самое будет и с ними, если они рискнут нападать на мирных людей. Так Эквапыгрысь отомстил за своего отца. Так он воевал со злыми духами, так он боролся за справедливость.

Помнит Сава: когда бабушка рассказывала эту сказку, то добавила:

— Вот вырастешь и большие дороги будут пылиться под твоими ногами, вспомни, что где-то за семью озёрами в болоте ястребиный ветер треплет волосы твоего отца, сушит его голову. Твой отец, мой прекрасный сын, был славным охотником, хорошим человеком. Настало богатырское время, добрые богатыри взялись за мечи и с людоедами Менквами стали бороться. Вместе с Красными богатырями пошёл твой отец. Правильно ли он сделал — не знаю. В одной из схваток он погиб. Пойдёшь по земле — может, найдёшь его могилу, а может, просто духа его встретишь. Явится он перед тобой просто хорошим человеком и заменит тебе отца и друга. Ищи дорогу отца, продолжи её.

— Пу-ху! Пу-ху! — кричал филин.

— Вий-ю! Вий-ю! — вторила ему вьюга.

Лежит Сава, сказку вспоминает, о злых и добрых духах, о Менквах и сказочных Красных богатырях, с которыми ушёл отец... Но кто заменит отца? Разве это возможно?

Ищи дорогу отца, продолжи её...

А вот мама у Савы есть. Это хорошо. Саве становится тепло-тепло. Но только на миг. Пока вспоминал про маму. Лицо у неё белое, не морщинистое, как у бабушки. Волосы рыжие, до самых пят вьются косы. Косы у мамы тяжёлые. Монеты, медные цепочки, пуговицы, амулеты причудливых зверей вплетены в косы её шелковыми лентами. При каждом движении косы мамы звенят, как бубенцы. Помнит Сава те счастливые мгновения, когда он играл её косами. Но те мгновения были редкими. Мама всё время куда-то уезжала с отчимом. Вот он спит рядом на снегу. И на него и на Саву летит снег. Саве опять становится холодно. Холодно, наверно, и оленям. Они тоже лежат беспокойно, чуть похрапывая... Сава злится на оленей. Это из-за них от него уезжает мама: оленям надо кочевать, искать корм. Сава злится на отчима: это он пасёт оленей, это с ним уходит мама. И почему это мама уходит с отчимом, а не остаётся с Савой

в пауле? Неужели она больше любит отчима, а не Саву? Непонятно. Когда уезжала мама в последний раз, в её синих глазах стояли тяжёлые слёзы. Сава помнит вкус той слезы. Слеза упала Саве на губу, когда мама целовала его на прощание. Та слеза была солёной, горькой.

— Ты мой Сава, горемычный ты мой! — повторяла мама, целуя Саву.

— «Сава» по нашему — «горе», — говорила бабушка. — И дадено это имя тебе не случайно. Ты родился в день, когда убили твоего отца. Ты сирота, ты наше большое горе! Ты и надежда наша. Враги не смогли убить красного партизана — твоего отца, не смогли оборвать нашу жизнь. В тебе он вновь родился, зашагал по земле. Шагай же и ты, наш Сава, ищи дорогу отца, продолжай её достойно!..

...Но кто укажет Саве дорогу, кто поможет? Может, Учитель? Он не раз говорил: «Ребята, пусть теперь вашим спутником станет книга. Она будет вам надёжным другом. Она укажет вам дорогу в большую жизнь...»

И где она, эта большая жизнь? Как найти к ней дорогу?

Лежит Сава. Спать не спит, а слегка подрёмывает. Стук, шорох какой — всё слышит. Слышит сквозь крик ветра, сквозь вой вьюги... А вьюга метёт, снегом бьёт. И в этой кутерьме — где она, волшебная дорога? Как её отыскать?..

Вьюга не утихла и утром. Не видно было ни зги. И всё же отчим с Савой решили ехать, чтобы не быть заживо погребёнными. Отчим сказал, что где-то недалеко стойбище. Последнее средство — пустить оленей на произвол судьбы: может быть, они вывезут к чьёму-нибудь жилью.

Ресницы Савы смёрзлись. Он долго их оттаивал тёплыми пальцами, согретыми у груди под мехом малицы. И отчим, тоже прочистив глаза от инея и снега, стал запрягать оленей. Сава сел спиной к ветру, опершись о жёсткую спину отчима. Как хорошо опереться на чью-то спину. Сава опять подумал об Учителе. Вдруг олени круто повернули влево. Плелись они очень медленно и всё обнюхивали воздух. Не прошло и часа, как они вышли к деревне. Запах жилья во время вьюги расстилается по земле. И запах этот далеко слышен чуткому обонянию оленя.

*Гром гремел по тёмной юрте,
Тени робкие скользили, —
Это духи вместе с старцем
О грядущем ворожили.
«Слышу! Слышу! — крикнул старец. —
Вижу, вижу в небе тёмном,
О, как много, очень много!
Кто-то едет, кто-то скачет.
Кто гремит тяжёлой нартой?
Тише, люди! Люди, тише!
Потушите пламя в чуме —
Тот огонь мешает светом
Тьму яснее видеть взору,
Взору острому шамана!»*

К удивлению Савы, оказывается, они подъехали не к временному становищу, а к деревне.

— Пася, пася! — по-мансийски здоровались отчим и Сава, входя в дом, от которого повеяло чем-то знакомым, приятным в отличие от тесного чума, который так надоед Саве. Он уже привык к обычному, тёплому мансийскому дому.

— Пася, пася! — встретили тем же возгласом хозяева. В доме было полно людей. Вошедшим трясали руки, обнимали, целовали. А те, охваченные вдруг теплом, светом весёлого огонька, не знали даже, что делать: то ли раздеваться, то ли обниматься...

Всех радушнее и веселее казался Железная Шапка. Он обнимал, целовал приехавших, просил раздеваться, усаживал гостей.

Сняв малицу, Сава устроился у самой кромки чувала, вытянув озябшие руки к огню, радовался, что он наконец-то уже не под снегом, не в чуме, где холод и теснота.

По обычаю мансийской старины, не успели ещё раздеться, не успели рассказать и половины новостей, как перед гостями появилась закуска.

На низеньком столике ехыл — сушёная рыба — и строганина из оленьей печени. Всех приехавших пригласили утолить голод, перед тем как вскипит чайник, сварится оленьё мясо...

Над пылающим огнём уже пыхтели чёрные чайники.

Но лишь только хозяйка, белолицая мансийка с длин-

ными звенящими косами, бросила в чайник кирпичик чая, как на дворе послышался лай собак, скрип копыт и шум остановившейся оленьей упряжки. В дом вошли ещё гости. Снова раздалась: «Пася!» — и тёплые приветствия.

— Куль догнал нас! — протянул недовольно отчим, глядя на вошедших.

Учителя Сава узнал сразу, хотя все приехавшие были ещё одеты в шерстяные, заиндевелые кувси.

Среди приехавших Сава признал Совета, Красного Корня, Ювана Няркуся, прозванного когда-то Журавлём, и докторшу Ию.

Остальных мужчин Сава не знал.

— Люди Красного чума! — сказал кто-то.

В доме собралось столько народу, что и сесть было некуда.

Все говорили, перебивая друг друга, стараясь не только передать таёжные новости, но и просто отвести душу, поговорить на человеческом языке человеческими словами. После одиночества, таёжного отшельничества людям хотелось общения, близости...

Встретившиеся были возбуждены. Лица их так и горели...

Стало темнеть, и свет в окне пропал, уступив место огню разгоревшегося чувала. Отблески пламени скользили по стенам, падали на широкие, смугловатые лица, летали по раскрытым грудям мужчин, по взлохмаченным головам с тонкими косичками, гуляли по цветной, разрисованной орнаментом одежде, сшитой из меха, и Саве казалось, что он попал снова в тёплый сказочный мир.

Когда все немного успокоились, Сава стал присматриваться.

Железная Шапка сидел в кресле, устланном рысьими шкурами.

Он был одет в княжеское платье, дарованное его прадеду царицей. Рядом с ним устроился большой рыжебородый человек.

Он молча глядел на пламя чувала. Отблески огня играли в его правом глазу, синем, как вечернее озеро. Левый глаз у него был полужакрит. Он будто целился.

— Белый начальник! Офицер! — шепнул Саве на ухо отчим. Густые рыжие брови белого начальника напоминали прижатые уши филина, а нос — клюв большой птицы.

Прямые, колючие волосы, будто пучки засохшей и покрасневшей сосновой хвои, закрывали щёки, губы и подбородок.

Белый начальник сидел опустив голову, время от времени поднимал её, разглядывая тех, кто вошёл в дом Железной Шапки.

Вдруг камни его глаз ожили, заплескались синими волнами...

— Вот так встреча! — воскликнул рыжебородый, с удивлением глядя на Совета. — Мой спаситель!..

И Совет тоже узнал его...

Огонь чувала тревожно затрещал, стреляя красными искрами...

— Встретились старые знакомые! — воскликнул князь, оживившись. — Музыку! Стол!..

— Подайте-ка мне мой вещий многострунный журавль, — заговорил Якса, подсаживаясь к огню. Реденькие, седые, как ягель, волосы заплетены в косички, переплетены вишнёвой ленточкой. Лицо его с крупными морщинами, обращённое к свету, излучало тепло.

Ему подали многострунный журавль.

Тронул старик струны — и как будто высоко-высоко, под самыми облаками зазвучали они скорбным стоном, криком журавлиным.

И в доме словно кто-то вдруг заплакал, всхлипнул три раза, застонал...

Началась былина. Её пел старик про века минувшие. Летели крылатые звуки из-под пальцев музыканта. Он пел о том далёком времени, когда на земле жили богатыри. Он пел о богатыре Нёр-ойке. Сильным слыл тот богатырь. Одной рукой на бегу останавливал лося. Двумя руками медведя, как головешку, через гору перебрасывал. И никогда плохого он не делал никому. Ростом он был выше лиственницы. Голубые глаза его светились двумя полными лунами, а волосы вились кудрями...

— Родила лесная женщина Миснэ меня, Нёр-ойку, песенного человека, сказочного человека.

И я, лесной дух, слышу боль и горечь лесных людей.

И тогда поднимается моя сабля,
Если сверху злой дух появится,
Если снизу коварный дух приползёт,
Неся болезни и страдания, —

Я выпью воздух, выпью реку и всю нечисть.
И люди, идущие по земле,
В сказках меня прославят
В песнях меня воспоют.
Как же иначе: ведь я богатырь!..

Железная Шапка, сидевший на княжеском троне, сделанном из отполированного дерева, покрытом рысьими шкурами, загадочно улыбался. Кудри его спускались до плеч... Синие глаза его плыли двумя томными лунами. Вся его поза и вид показывали, что эта былина имеет прямое отношение к нему. Пел певец о серебряной сабле с золотой

рукояткой — и Железная Шапка глядел на саблю, висевшую сбоку; пел певец о калёных стрелах к луку — и он тянул свой взгляд к луку и стрелам...

... По земле безбрежной, как богатыри,
Как хозяева идём...
Именитого богатыря имя моё,
Славного богатыря имя моё
Несётся на крыльях ветра,
Славится, звучит на разных языках.

Якса пел долго. Пел вдохновенно. То замолкал — тогда струны повторяли мелодию его песни, то вдруг обрывал

мелодию — и начинал быстро говорить, резко положив ладонь на струны.

И перед сидящими вставали одна за другой картины сражения богатыря Нёр-ойки со злобными Менквами, злыми духами земли.

Люди слушали.

В глазах их то зажигалось веселье, то снова гасло. Люди молча глядели на огонь, который стрелял искрами. Монотонное пение Яксы нарушалось то слабым вздохом, то возгласами ужаса, когда герой подвергался страшной опасности...

Между тем сварилось душистое оленьё мясо.

На низеньком столике появился бочонок.

Окинув всех многозначительным взглядом, Железная Шапка не торопясь стал отдирать замазанную тестом тряпицу. Выбив пробку, запенился, забулькал горько-сладкий сур — «огненный напиток».

Наполнив вином несколько деревянных чаш, князь торжественно плеснул из своей чаши сур на тлеющие угли чувала. Там на мгновение показался синий огонёк. Эти первые капли предназначались духу огня, Нёр-ойке и другим духам предков...

И только потом чаши пошли по рукам, начиная с хозяина и хозяйки, шамана Яксы и других стариков...

Пили вино, водку. Железная Шапка сегодня был щедр, он по-мансийски широко угощал гостей.

Игрище в честь Нёр-ойки началось. Якса попросил Журавля, Ювана Няркуся, аккомпанировать ему на инструменте, а сам начал петь волшебную былинку.

Голосисто звенел многострунный журавль. Якса пел былинку о том, как Нёр-ойка ездил на оленях в Москву, к самому Грозному-царю, как он дружбу-союз заводил с русскими, как сам царь дал ему божественную грамоту на власть над Югрой. И эту законную власть может отменить лишь царь да боги... Но царя русского больше нет, а мансийские боги остались. Они на стороне Железной Шапки — прямого потомка Нёр-ойки, на стороне законной власти...

Об этом пел в былинке Якса под аккомпанемент Журавля.

Об этом было написано в грамоте, которой перед глазами сидящих размахивал Железная Шапка.

Бумага эта хранилась в священном сундуке Железной Шапки, рядом с идолом Нёр-ойки, который охранялся как дух, как бог... И люди клялись идолу как духу справедливости и свободы манси, дарованной им когда-то божественным русским царём.

Теперь же на эту власть пытаются посягнуть люди духа Революцы, безбожники и разбойники.

— Что же делать с разбойниками? — задал вопрос гостям Железная Шапка, тряся грамотой. — Что делать с безбожниками? — кричал он.

Гости вздыхали, молчали. Настороженно молчали Учитель, Совет и другие приехавшие с ними люди Красно-го чума.

— Манси должны быть свободными от чуждого им духа Революцы, должны быть сами хозяевами своей земли, слушаться своего князя, как написано в священной вечной бумаге, доставшейся нам от предков...

— Да будет память предков священна! — воскликнули люди. — Да исполнятся их желания!..

— А если люди Революцы не признают нашу свободу? — сказал с сомнением кто-то.

— Будем воевать! — воскликнул Железная Шапка, схватившись маленькой белой рукой за золотую рукоять серебряной сабли, висевшей у него на боку. — Будем воевать, как славные предки наши! — повторил он грозно. — Я сказал: будем воевать!..

И тут началось такое!..

Все повскакивали со своих мест: и люди Железной Шапки, и люди Красного чума, готовые к схватке.

Тогда вперёд вышел Журавль, сын Няркуся, и в ответ на вызов Железной Шапки заиграл на многострунном инструменте и запел.

Возбуждённые голоса затихли. Один Журавль играл и пел.

Песнь его была длинна, как полярная ночь, тягуча и монотонна, как метель. Журавль пел родовую песнь-сказание о бедствиях рода Няркусь, о своей семье, о самом себе. Пели это сказание и дед и отец Няркусь. Пел это сказание теперь и сам Журавль из рода Няркусь, лучший ученик шамана Яксы!

Он пел о том, как впервые его глаз, острый, как глаз соболя, увидел снег и небо.

Небо и снег. И ничего, кроме снега и оленей. Олени бегут, бегут, бегут. Бегут от бедной хижины. Бегут за большой правдой.

Люди Няркусь уходили от бедной жизни всем родом. Хороший царский начальник привозил в тайгу «огненную воду», а потом за неё брал шкурки соболя и белки, угонял оленей за долги.

Кай-о! Кай-о!

Где хорошая жизнь? Где правда? Род уходил в глушь, думал укрыться от худых законов, которые сделали нищими не только людей рода Няркусь, но и всех манси.

Кай-о! Кай-о!

Загремела тайга выстрелами. Дух Революцы поднял крылья.

Великие шаманы сказали: «Беда, ой, большая беда в край снегов идёт! Люди с ружьями, худые люди идут. Уходите, манси, в глубь лесов, поднимайтесь в горы!»

Кай-о! Кай-о!

И мы ушли в глушь.

Но и сюда пришли люди с ружьями. Однажды приехал к нам большой начальник. Плечи у него золотые. А кричал словами тяжёлыми, тяжелее камня. Требовал от дяди моего оленей.

«Где бедному манси взять много оленей?» — ответил ему дядя. Тогда размахнулся начальник с золотыми плечами стальной шашкой и разрубил ему голову надвое. Покрыснел снег от крови. Покрыснели наши глаза от слёз. В этот миг пришли другие люди с ружьями. На лбу у них красные звёзды, в глазах у них — свет ясного утра. Много стреляли они в кровавого начальника, сорвали с него золотые плечи.

Кай-о! Кай-о!

А шаманы опять говорят: «Пришёл в тайгу новый закон, красный закон! Худой закон! А знаете, манси, где красный мох растёт, мох ядовитый? Его не едят олени, там стадо остаётся голодным, там живёт одна смерть».

Но появился в кочевьях коммунист-манси по прозвищу Красный Корень, он сказал: «Не всё красное ядовито. Красное — начало новой жизни». К новой жизни стал звать Красный Корень, скликая по тайге всех бедных, обездоленных. Собирал колхоз.

Люди сомневались. Как быть?

Шаманы пугают, а Красный Корень зовёт.

Где правда?

А правду никогда не надо обгонять на оленях и не надо искать в дальней глуши. Правда всегда рядом ходит.

Вот зарубка — простая дощечка с узорами, которые вывела рука моего отца, убитого богатеём Осьмар Васькой. Слезы мои текут, словами льются. А дощечка с зарубками, деревянное письмо, говорит вот что...

Журавль замолчал, протягивая людям деревянное письмо, прося их самих прочитать написанное когда-то его отцом.

Долго ходила палочка по рукам, потом старик Сас-Сипаль начал её читать:

— Четыре грани у неё, как четыре стороны света. На первой грани записана вся семья Няркусь. Первый большой знак — это он сам. Второй — маленький, вырезанный рядом — жена. Затем сыновья — раз, два, три...

Последний знак — тамга рода Няркусь. Её вся тайга знает.

На второй грани написано о богатстве Няркусь, о его оленях, собаках, лыжах.

Оленей — десять. Из них — шесть быков, четыре важенки, собак — три...

Третья сторона рассказывает сынам, сынам сынов, как жилось в древнем роду Няркусь: в нём одни долги. Вот здесь записан долг купцу Ивану. Налимов, осетров требовал он и шкурок беличьих и лисьих. Долг белому царю обозначен отдельно, крупно. Ему Няркусь должен был поставлять горностаев для царской мантии...

Долг шаману обозначен оленем. Мясо и кровь оленя любят вдохновенные шаманы.

На четвёртой грани написано о желании старого Няркуся.

Детям желал он мяса, чтобы были сыты, здоровья — сыновьям, хорошей им дороги.

А дорогу видел он в большой дороге сына, который уехал учиться в чудесный чум — в Ленинград, чтобы найти правду и привезти на Север вместе с красным законом — законом счастья и дружбы людей и народов.

А последний знак, самый большой знак на этой грани, — заявление Няркуся принять его в колхоз.

Кто-то сказал, что он уже умер, старый Няркусь. Но другой сказал, что душа его жива, она тоже хочет счастья.

Поднялся невообразимый шум.

Люди Красного чума встали и запели какую-то свою песню.

Скоро все собравшиеся в этом доме разделились на два непримиримых лагеря.

Сава сначала думал, что это игрище, представление. Но скоро дело приняло серьёзный оборот. Полупьяный Железная Шапка, сидя на княжеском троне, устланном рысьими шкурами, открыто предъявлял Совету, Красному Корню, Учителю и другим представителям Советской власти свои требования, грозя тут же связать их, если они не признают его власти над сородичами.

*Не печальтесь, не горюйте!
Знаю песню я иную,
Песню радости великой!
Пусть откроет каждый лили —
Душу, полную тревоги, —
И прислушается к песне:
Всё в прошедшем, всё в грядущем,
Всё живёт и умирает
И родится в новом свете...*

Сава сидит на дереве. На толстом суку кедра. Кедр — дерево высокое. Ветви у него густые, пушистые. Снизу Саву не видно. Сверху Саве всё видно. Глаз у него острый, рысий. Сверху Саве всё слышно. Слух у него таёжный, уши, как у чуткой собаки, всегда настороже. И нос у него хотя и маленький, приплюснутый, но запахи различает он по-звериному. А вот голова...

— Голова твоя глупая! Ум твой плохо шевелится! — ругался вчера отчим, когда Сава помог бежать Учителю.

«Ум мой, наверно, и правда плохо шевелится», — размышлял Сава, глядя на руки свои, которые только в самый последний момент смогли развязать Учителя. Учитель сел в нарту, его увёз один догадливый манси. Неповоротливый ум Савы сразу не догадался, что надо сесть на другую нарту, помчаться следом за Учителем, а когда догадался, было уже поздно.

Игрище в честь Нёр-ойки кончилось тем, что красных, не захотевших признать княжескую власть Железной Шапки, связали. Удалось ускользнуть лишь Красному Корню. С ним уехала и часть оленеводов, которые решили вступить в колхоз, а потом и Учителю Сава помог бежать.

— Глупая твоя голова, — любит поговаривать отчим. — К чёртовой этой грамоте тянешься, помогаешь не тем, кому надо, богатых, настоящих людей не понимаешь.

Неправда, Сава понимал всё. Железная Шапка богатый. У него одежда красивая. Осьмар Васька богатый. Что ни день, убивает жирного оленя. У него тысячи оленей. Якса... Но кто из них настоящий человек, Сава не может понять.

А Совет? А Учитель? А Красный Корень? Разве худые?.. Ничего не понимал Сава.

— Глупую твою голову надо снять! — кричал вчера отчим. Испугался Сава не на шутку. Но не на оленях сбежал, а решил на дереве спрятаться. И вот сейчас, сидя на большом суку, Сава трогал руками голову. Сава знал, что самое твёрдое у человека — это кости. Из всех костей самая важная кость, конечно, череп. Можно отрубить руку, ногу, ухо — и человек всё же будет продолжать жить. Но если отрубить ему голову — он сразу погибнет. Значит, тут-то, в голове, и живёт душа человека, его жизнь. Сава знал, что для северянина нет худшего наказания, чем быть обезглавленным. Ведь тогда он и на том свете будет без головы. А самое твёрдое в голове — это череп. Снять череп с врага — значит покорить его душу. Владелец черепа будет и владельцем его души. Так думают старые манси с самых давних времён. И если сегодня духу предка Нёр-ойке поднести черепа красных, тот возликует от счастья, так как будет обладать черепами этих людей, их душами. Они будут его рабами, а он, Нёр-ойка, возликует, будет гордиться этими душами как трофеями. Поэтому древние мансийские богатыри всегда снимали скальп врагов. Железная Шапка вчера ещё кричал и требовал от Яксы, чтобы тот просил у богов разрешения оскальпировать арестованных красных. Но Якса не разрешил этого делать, чтобы не осквернить законы предков: как-никак, люди Красного чума были гости...

Всё происходило так: тонкие, высокие лиственницы стояли на мысу, круто спускавшемся к озеру. Издали деревья казались маленькими. Но их корявые ветви отчётливо вырисовывались на бледно-стальном фоне неба. Над ними висели белые облака, пронизанные золотым бисером зимнего солнца. На священной поляне уже началось игрище скальпирования. Играющие разделились на две партии. Враги стояли друг против друга. Боролись попарно. Победивший для вида проводил ножом вокруг головы побеждённого и вырывал около его головы пучок сухой хвои. Этот пучок он торжественно нёс в свой лагерь со словами: «Я силён. Я его убил, кожу с головы снял. Кожа с головы его вот. Вот его поверженная душа!»

— Пора скальпировать и на самом деле! — вдруг командовал князь, расхаживая, как богатырь, по священной

поляне. На нём была одета настоящая кольчуга, на голове — остроконечная железная шапка, на боку — сабля.

Тогда Сава сразу услышал громкое биение своего сердца, шум переливающейся в венах крови. Холодок пробежал по его спине.

Якса, покачиваясь, точно сонный, подошёл к священному кострищу.

Сава внимательно следил, как возникло пламя. Сначала оно было крохотное, робкое. Потом росло, росло, весело взбиралось по длинным поленьям вверх.

Сейчас подведут к огню Совета. Он стоит привязанный к священной лиственнице. Осьмар Васька, напевая что-то весёлое, точит нож. Первого будут казнить Совета.

Совет — имя новой власти. Совет — имя человека. А что такое имя человека?..

«Каждый манси знает, — вспомнились Саве слова бабушки, — что человек состоит из тела, души и имени. Тело умирает. Душа тоже может умереть. Лишь имя человека бессмертно. Умер человек — и его душа в виде имени вселяется во внука и правнука. И если человек с достоинством будет носить имя предка, то он приобретает в нём новую силу, силу предка, и силы в человеке удваиваются. Об имени предка должно сохраниться доброе воспоминание на земле. Стереть имя предка из памяти — совершить самое тяжкое преступление — так считали люди в старину, — часто повторяла бабушка. — Важен в жизни выбор имени. Если человек носит имя, которое связано с душой человека несчастного, больного, то он и будет страдать от этого. А имя человека счастливого, удачливого приносит счастье и успех в жизни».

«Какую магическую силу имеет имя «Совет»? — размышлял Сава. — Почему люди тянутся к новой власти?» Об этом же не раз думали и старые манси, сидя у костра, перед глазами священного огня.

Бывало в старину и такое: заболевает человек — сейчас же дают ему другое имя, полагая, что та душа, с именем которой он связан, — душа больная, несчастная. Даже старики меняли порою имена, надеясь начать таким образом новую жизнь. Юноша, посвящённый в мужчины, получает новое имя...

«Какую волшебную силу имеет слово «Совет»? — всё думает Сава, сидя на высоком дереве. — Почему русский

человек гордится этим именем, данным ему не его русской матерью, а таёжными людьми, манси?»

А ещё Сава слышал от стариков, что имя, произнесённое всуе, то есть повторенное напрасно многократно, теряет силу. Именем можно злоупотреблять, зло выкрикивая его, околдовывать человека.

У взрослого большого человека всегда должно быть два имени — одно маленькое, другое настоящее, большое, которое должно тщательно скрываться. И если оно звучит — то лишь по торжественным дням, во время больших событий.

О каких днях говорит имя «Совет», о каких событиях вещает? Ведь во время большой охоты не произносят имени животного, за которым идут по следу, потому что имя может обидеться — и охота будет неудачной. При охоте на зайца не говорят «заяц», а просто произносят «скакун», при охоте на медведя — «он» или «мужик лесной».

Слово «Совет» — Сава слышал — произносили люди ежедневно много-много раз. И старики во главе с Яксой решили не казнить самого Совета, так как сидели с ним за одним столом, вместе пели хвалу Нёр-ойке, а решили казнить его имя, звонкое слово «Совет», многократным повторением...

Вместо Красного Корня к дереву был привязан идол, наспех вырубленный из обрубка ели. Это красное чудище походило на обыкновенного идола, если не считать звезды на голове. Этого звёздного идола будут казнить вместо Красного Корня, который, словно сказочный Эквапыгрысь, опять ускользнул от друзей Железной Шапки.

Красного Корня будут казнить старики за то, что посмел он одним из первых манси вступить на путь духа Революцы, за то, что на законного русского царя руку поднял, за то, что вместе с красными партизанами ходил. А ведь отец Савы тоже ходил с партизанами и был убит белыми за то, что у богатых оленеводов отбирал оленей, за то, что людей в колхоз скликал. Пусть самого Красного Корня и нет тут, но казнь его идола, казнь его души и имени равнозначна казни его тела. Лишь имя вечно. Казнённому имени — вечное проклятие. Идол Красного Корня, привязанный к лиственнице, стоял рядом с Советом. Стальное лезвие ножа Осьмар Васьки сверкало нетерпением, он жаждал снять скорее звёздную голову Красного Корня.

Рядом был привязан идол русского Учителя, дух имени которого тоже собирались казнить на большом священном камлании.

Так и поступили. Сначала казнили Совета, повторяя всеу его имя тысячи раз, выкликая его по-росомашьи, по-волчьи, по-собачьи, по-птичьи...

Злоупотребляли этим именем, чтоб пахло оно дурно, чтобы не имело успеха в любом деле, в малом и большом.

Произносили слово «Совет» по-всякому, чтобы вытряхнуть из этого имени душу, превратив его в пустой и звонкий звук...

Потом судили идолов Красного Корня и Учителя. Казнили их по всем правилам, по полному ритуалу.

Наконец настала очередь казни Журавля.

Осьмар Васька сидит, нож точит. Нож большой, лезвие сияет. Долго ли, коротко ли точил, наконец кончил. Веточку на лезвие положит — веточка пополам перерезается. Сук на лезвие положит — сук перерезается. Так остро отточил.

С ужасом смотрел Сава на нож Осьмар Васьки. Осьмар Васька не любит шутить, зря слова не скажет. Он вчера ещё грозился. Грозился не только снять шкуру с головы, но и отрезать язык Журавлю. Говорил, будто на языке Журавля сидит дух слова, дух красноречия. Дух слова до того могуч, что можно от его магии и колдовских действий сразу умереть. Дух слова крылат. Вслед за красноречивой песней человек может подняться в воздух и лететь, как птица. Всем известно слово-божество, божество правдивое, обитающее в верхнем мире. Но божество может быть и лживым, обитающим в нижнем мире, мире злых духов Куля.

Все видят, как Журавль сияющими глазами смотрит на людей, внимательно слушает их, собирая слова в чрево многострунного, многоголосого своего инструмента. А потом он раздаёт слова людям обратно, как священные амулеты. И люди, зачарованные его колдовской песней, перерождаются, становятся на путь Красного духа — Революцы.

«Самый опасный враг наш — Юван Няркусь, Журавль», — говорил ещё вчера князь. Сегодня глаза Железной Шапки горели жаждой крови...

Якса сидел у огня с опущенной головой. У них с Журавлём отношения особые.

Журавль был ещё совсем небольшим мальчиком, когда на него обратил свой прозорливый глаз Якса. И с тех пор, устраивал ли он камлание, шёл ли просто на охоту и рыбалку, Якса всегда приглашал мальчика с собой, просил быть помощником в больших и малых делах.

Журавль был и на самом деле необычным мальчиком. Стоило ему только сесть в лодку или стать на лыжи, как он уже изменялся, словно парил над землёй, становился весёлым, ликующим. Плывёт ли, идёт ли — он всегда поёт. Он поёт о том, что видят его глаза, слышат уши, что успело нахлынуть на его чуткую душу, что вызвало восторг: он играет словом...

Журавль пел о родной реке, о её широких разливах, о волшебной тишине таинственного леса, о синеющих вдали горах, о лебеде, плывущем по небу на крыльях белых облаков, о чарующей лебединой песне, похожей на песню многострунного журавля. Не зря мальчика так и прозвали — Журавль. О спящем лесном озере выводил он печальную мелодию, о луне, о звёздах, о высоком небе находил слова; он воспевал себя, отца своего и мать и всех окружающих милых его сердцу людей. Не забывал даже про своего лучшего друга, остроухую лайку, уронить вещие звуки; о зверье и рыбах он пел величаво, как о всём живом, таинственном и вечном.

Но когда рядом вдруг оказывались священная роща, дерево, гора или река, берущая начало со священного урочища, тогда он умолкал, хмурился, становясь сосредоточенным.

Он шёл в таком месте особенно тихо, стараясь не нарушать покой, гармонию леса, как человек, уважающий тишину и покой других. Он не говорил высоких слов, но глаза его, казалось, говорили об увиденном, о чём-то своём, сокровенном.

Боялся ли он лесных богов? Наверно. Как и все манси, он жил в страхе перед богами, но был убеждён, что если ничего не нарушаешь, живёшь в ладу с природой и её законами, тогда природа может быть добрым помощником, а не врагом.

Зоркий глаз Яксы давно заметил в подрастающем не по дням, а по часам юноше ещё одну черту: необыкновенную способность проникать в суть вещей. Правда, это чувство присуще многим таёжным охотникам, которые месяцами

в одиночестве промышляют в глухой дикой тайге, общаясь с родственниками и близкими людьми лишь в мечтах. Но у Журавля способность предчувствия была острее обычного.

Однажды он прибежал к Яксе возбуждённый.

— Что с тобой? — спросил старик, ставший к тому времени Журавлю не то дедушкой, не то учителем — вернее, старшим другом.

— Как будто ничего, — ответил Журавль.

— Что же у тебя так лицо пылает?

— Скорее! В тайгу! Там — лось! — отрывисто заговорил Журавль. В глазах у него загорелся охотничий азарт. И весь он будто горел от нетерпения, даже стоять спокойно не мог.

— Ты что, видел его или след нашёл?

— Да нет.

— Камлал?

— Нет.

— Так кто же тебе сказал про лося?

— Разве ты не чуешь, что он там? — показывая в сторону болота, которое начиналось недалеко за кромкой леса, тихо сказал Журавль, удивляясь, что Великий шаман не предчувствует добычу. Теперь лось спасёт людей от голода. Рыба ещё не ловится, все припасы съедены... И звери куда-то ушли...

— Зажмурь глаза и слушай! — почти приказал юноша.

Журавль был худ. Впалые глаза его горели шальным огнём. Голодная весна делала своё дело. Юноша был крайне истощён. Якса зажмурил глаза и притворился, что слушает.

— Слышишь, чуешь, где лось? — допытывался Журавль.

— Нет, — честно признался Якса.

— А я слышу!

— Да где ты слышишь?

— Да тут, в сердце! — всплеснув руками, воскликнул Журавль. — Пойдём. Возьмём ружьё. Я чую! Лось там!..

Когда они вдвоём вышли из чащи к болоту, то действительно увидели лося. Лось стоял у мыска, вдававшегося в белое безмолвие болота, и, высоко вскинув голову, тянулся к голой ветке осины.

Была гололедица. Весенняя гололедица — удобное время для охоты. Охотнику достаточно напасть на свежий

след дикого оленя или лося — и они уже не уйдут. Лось не может долго бежать по обледеневшему, проваливающемуся снегу. Тяжело бежать, когда снег глубок, больно ногам: твёрдая кора наледи режет в кровь ноги. А если лось ещё увидел на себе следы крови, он в оцепенении совсем останавливается, тогда его можно бить в упор.

Не стоило большого труда в тот день пристрелить лося. Ликовала вся деревня. Голод на несколько дней отступил... Но Якса был до крайности удивлён прозорливостью своего ученика.

«Он душой слышит, — подумал старик, — предчувствует».

Якса немало был наслышан про некоторых манси, которые так сумели воспитать в себе охотничий инстинкт — чувство встречи со зверем, что даже могли сказать наперёд, какого зверя убьют, кого увидят, какая неожиданность охотника ждёт на пути.

Предчувствовал многое сам Якса. Но шаману казалось, что тут помогает гадание, общение с духами. Подталкиваемый предчувствием, Якса брал нож или топор. Устанавливал нож на острие топора таким образом, что нож приходил в равновесие, и, судя по тому, в какую сторону поворачивался его кончик, Якса решал, куда нужно идти на охоту.

— Лишь шаманам всё открыто, — любил повторять Якса, — лишь шаманы всё видят, предчувствуют, беседуют с богами. Боги помогают им переносить даже тяжёлые вещи через громадные расстояния. Но разве ты, Журавль, шаман?.. — Так он обращался к юноше, подзадоривая его, обостряя восприятие юноши и тем самым готовя его в свои преемники. Шаман немалого достиг: научил Ювана игре на многострунном мансийском журавле, пел мальчику ночами длинные былины про богатырские давние дела таёжного народа.

Якса видел в Журавле талантливую ученика, будущего большого шамана. Но разразилась революция. Могучие события революции разделили ученика и учителя: по-разному побежали ручьи их дорог.

Однажды, когда уже затихала гражданская война, приехал из района представитель Советской власти. Он призывал молодёжь учиться. В районном центре открылись рыбацкие курсы. На этих курсах готовили специалистов по рыбному делу — башлыков. Как связать невод, в какой

местности хорошо ловится рыба, время промысла — всё должен был знать башлык. В этом ничего дурного не увидел Якса для молодого шамана. Ведь шаман всё должен уметь. И потому Якса не воспротивился его желанию. К тому же ученик уезжал в райцентр всего на два месяца.

Юван Няркусь успешно окончил курсы, получил удостоверение помощника башлыка. В то же время при райкоме комсомола была организована рыболовецкая бригада. Вместо поездки домой Ювану Няркусю предложили быть помощником башлыка в комсомольской бригаде. Всё лето прорыбачили. Агитировали Журавля вступить в комсомол. Но он не согласился. Когда же закончился рыболовный сезон, были организованы двухгодичные курсы начального образования. Он снова остался учиться.

А ещё через два года из Ленинграда приехал учёный набирать молодёжь в Институт Народов Севера. Среди северян было мало грамотных. А Юван Няркусь уже умел читать и писать.

Райком партии предложил ему ехать учиться. Много хороших слов говорил учёный про Ленинград... Для Журавля районный центр Берёзов и тот казался большим городом. А о Ленинграде он слушал, как о сказочном каменном чуме. Журавль загорелся, поехал. И вот после нескольких лет учёбы в городе Октябрьской революции он возвратился в тайгу, в родной паул. Теперь Журавль был совсем другим...

Старому Яксе он стал непонятен. Старик сидел у костра с опущенной головой и думал. А игрище скальпирования продолжалось. ...К связанному Журавлю подошёл князь. Он был одет по-богатырски: и железный шлем, и панцирь, и копьё в руках...

— Если руки твои сильные, если ноги такие крепкие, почему стоишь связанным? — начал князь, сверля ненавидящим взглядом Журавля. — Если ты крылатый, многоголосый Журавль, если вправду ты чародей слова, почему не можешь улететь, как шаман? Где твои крылья?

— Посмотрим, как ты будешь петь — камлать свои красные песни, когда снимем кожу с твоей косматой башки, — процедил сквозь зубы Осьмар Васька.

— Приготовиться к скальпированию! — скомандовал своим людям Железная Шапка.

Сверкнуло лезвие ножа в руках Осьмар Васьки.

— Слушайте меня! — крикнул тогда Якса, выходя с бубном на круг. Над головами людей будто лопнуло небо. Зазвенела тайга колокольчиками, жестянками, побрякушками дрожащего бубна. Люди вытянули шеи.

Солнце уже скатилось за зубчатые вершины елей. Последние лучи его играли на кровавом снегу. А красные от зари кедры, кажется, о чём-то тихо шептались...

— Ладно! — сказал тихо Якса. — Может, Журавль и достоин наказания. Но вы хотите судить Журавля, не выслушав его. Вы раскричались, как дети в глупой ссоре. И хотите карать смертью!.. Смерть вас всех караулит...

И, подойдя к Осьмар Ваське, который размахивал ножом, Якса продолжал нараспев:

Остановись, ничтожный человек!
Ты, имеющий бездушные ножны
И всегда жадный до крови нож!

Потом Якса обратился к людям:

— Если у вас не померк ещё разум, — остановите его. О Осьмар Васька, день и ночь державший во рту кусок жирного мяса, с руками всегда окровавленными, зачем ты поднял руку на молодого Журавля? Снять голову легко — смысл жизни понять труднее. В мире что-то происходит. Опустите ножи...

— Старец, ты стал хуже бабы. И дела свои справляешь плохо, как и твои немощные боги! — наступая теперь уже на Яксу, тараторил Осьмар Васька.

И, подскочив вплотную к старику, Осьмар Васька плюнул ему прямо в лицо... Казалось, зашатались в глазах у людей вершины багровых деревьев, по дремучей тайге прокатился дикий хохот, заскрипел кроваво-красный снег...

Толпа пришла в смятение. Загикала, заухла. Этот наглый плевок вывел людей из оцепенения. Быстрее, чем раненая рысь, бросился вперёд Сас и охотничьим ножом в одно мгновение рассёк тынзян — гладкую кожаную верёвку, которой был связан Журавль.

— Защищайся! — выкрикнул Сас, подавая Журавлю многострунный инструмент. Затем, обернувшись к толпе, окинув всех спокойным взглядом, сказал:

— Люди! Вы видите, какое злодейство затеял Осьмар Васька...

Сас что-то ещё хотел сказать. Но Осьмар Васька сбил его с ног... А Журавль ударил по струнам и запел песню

коммунистов, переложенную им на мансийский язык. В его устах песня звучала как гимн борьбы. И люди будто проснулись... Толпа разделилась на два лагеря. Несколько человек, вооружившись копьями, начали состязание. Они, как древние воины, тяжело наступали друг на друга, нанося и отбивая удары, крича исступлёнными голосами.

В последнее время лишь на священных игрищах манси играли в войну. Нарядившись в панцири из шкур, с берестяными щитами и деревянными копьями с роговыми наконечниками, с саблями из дерева, бились они друг с другом. Но самым любимым состязанием была борьба.

— Борьбу, борьбу! — кричал кто-то из толпы, видно принимая всё происходящее лишь за священное игрище.

Обессилев, состязающиеся опустили копья.

— Борьбу, говорите! — подходя к Журавлю и сверля его злым взглядом, процедил Железная Шапка. Журавль почувствовал, как кровь бросилась ему в голову. — Что ж, будем бороться, куда тебя кинуть? — Не дожидаясь ответа, он схватил Журавля, поднял в воздух и бросил в снег. — Этими руками мы душим росомах! — крикнул Железная Шапка, победно подняв руки над головой.

Но в это мгновение перед Железной Шапкой, откуда ни возьмись, возник Красный Корень.

Он всегда, словно неуловимый Эквапыгрысь, появлялся неожиданно. На днях ускользнул от воинов Железной Шапки. Сегодня уже казнили его идола. Теперь он явился сам.

Он стоял перед Железной Шапкой не как знаменитый Красный воин с красной звездой на кожаном шлеме, а стоял в обыкновенной мансийской одежде из меха, простой манси.

Окинув всех взглядом, он вынул из кобуры револьвер и бросил его в руки Журавля, который уже успел подняться на ноги..

— Я стою перед вами как ваш сородич, как манси, — сказал людям Красный Корень. — У меня нет даже оружия. Я считаю, что на священном игрище... надо состязаться, как полагается на игрище, а не разбойничать...

Старик Сас важно преподнёс ему деревянное копьё с костяным наконечником. Кто-то кинул в руки щит. Щит был деревянный, обтянутый кожей. Посреди щита сияло солнце, пускавшее во все стороны металлические лучи-стрелы.

— Стой! — сурово сказал Красный Корень изготавившемуся к бою Железной Шапке. — За что боремся?

— Ты имеешь в виду ставку? — спросил князь.

— Да, что ставим?

— Поставь револьвер. Если я одержу победу, — он мой! ..

— Моя ставка — мир. Если я одержу победу, — вы всех отпускаете. И мирно будем решать наши споры...

— Хорошо! — нехотя согласился князь.

Красный Корень выставил вперёд щит, медленно стал приподымать копьё. Один он знал, что щит князя был более надёжным и крепким. Он был отчеканен из толстой жести, хотя, как у всех, был тоже обтянут кожей. Разбивать своё копьё о более надёжный щит не было смысла.

Да и сам Железная Шапка был облачён в надёжный панцирь, доставшийся ему от предков-воинов.

Тогда легко и просто одетый Красный Корень — на нём был свободный кувс из меха молодого оленя, — уперев копьё древком в землю, оттолкнулся им и полетел, как птица, миглом оказавшись за спиной соперника.

Но нанести удар ему не удалось. Железная Шапка успел развернуться и подставить копьё. Резкий стук копий, звон щитов, возгласы толпы. Долго бились. Но никто не побеждал. Красный Корень вился вокруг соперника, как волк вокруг росوماхи. Тяжёлое вооружение Железной Шапки мешало битве на копьях. Но он всё же уверенно поворачивался во все стороны, вовремя подставляя под удары свой железный щит и копьё с настоящим металлическим наконечником.

Чтобы не испортить слабого рогового наконечника своего копья, Красному Корню приходилось долго маневрировать, чтобы высмотреть уязвимое место противника.

В отличие от Железной Шапки Красный Корень был настоящим воином. Во время гражданской войны называли его и красным партизаном и красноармейцем.

Родители его были тёмными, неграмотными. Тоже верили шаманам. А сам он с восьми лет батрачил у мансийского кулака. И вот — революция... В деревню, где батрачил тогда Красный Корень, пришли красные партизаны, и молодой манси попросился в отряд.

Посмотрел командир на его дырявую одежонку и говорит: «Да, одежонка у тебя на рыбьем меху. А впереди у нас дальняя дорога — мороз, тайга, белые...»

Но молодой манси стал на лыжи, тысячи километров прошёл с отрядом, воевал с белыми. А потом, когда не стало

на Севере белых, он пошёл вместе со всем отрядом на запад, уже в тёплых краях давил контрреволюцию.

Однажды шли красные в наступление. Но нещадно строчил пулемёт врага, и каждый раз приходилось отступать. Красный Корень был и охотником. Охотник знает: на зверя надо идти не прямо, не со стороны ветра, а в обход. Подкрался он к пулемёту сзади и заставил его замолчать. Один захватил пулемёт с двумя пулемётчиками.

И в рукопашном бою он не раз выходил победителем.

И всё же Красному Корню было сегодня нелегко. Одетый в панцирь и шлем, защищённый надёжным щитом, князь стоял, как башня. Однако красный Корень всё-таки обнаружил уязвимое место в его броне, под мышкой. Он в тот же миг направил страшный удар в обнажённое место. Но противник вовремя повернулся и подставил щит.

Сторонники Красного Корня издали одобрительные возгласы, принимая удар за доброе предзнаменование. Однако ликовать было рано. Копьё, ударившись о твердь щита, отскочило назад. И в этот миг Железная Шапка, размахнувшись своим копьём, попытался достать им слабо защищённую грудь противника. Красный Корень едва увернулся. И всё же копьё успело уколоть его в плечо и, пронзив одежду, нанести глубокую рану. Особой боли он не ощутил, но почувствовал, как побежали тёплые струи крови, как рубаха стала липнуть к телу. Теперь издали возглас одобрения сторонники Железной Шапки. Но Красный Корень не растерялся. Повернув своё копьё тупой стороной вперёд и орудуя им как дубиной, он нанёс удар по копьё Железной Шапки. Удар был такой силы, что копьё противника отлетело в сторону.

И в тот же миг, продев своё копьё между ног противника и орудуя им как рычагом, упираясь о собственное тело, Красный Корень свалил Железную Шапку наземь!

— Отпусти! Задыхаюсь! — рычал из-под снега князь.

— Сдаёшься?! — торжествующе вскричал Красный Корень, сидя на противнике и прижимая его лицом к снегу.

— Мир! — хрипел князь, сопя под снегом.

— Мир так мир! — торжественно произнёс Красный Корень, отпуская побеждённого.

Как и договорились перед началом схватки, арестованных развязали. Не успел догореть смолистый костёр, со священной поляны одна за другой тронулись олени нарты.

Сидя на ветке кедра, Сава заметил, что друзья Красного Корня поехали в одну сторону, а сторонники Железной Шапки — в другую. Не спускал Сава глаз с отчима.

Оглянувшись вокруг, прокричав что-то похожее на зов, отчим взял в руки хорей и, гикнув на своих оленей, помчался по дороге, по которой двинулся многочисленный аргиш Железной Шапки.

Сава слез с кедра. Кругом было пусто. На священной поляне стояли одни деревянные идолы. В сумраке наступающей ночи они, казалось, угрожающе смотрели на одинокого мальчика. Саве стало страшно. И он побежал.

Сава бежал в сторону, куда уехал отчим. Отчим пас стадо Железной Шапки. В главном стане Железной Шапки была и мама Савы. Сава очень хотел увидеть маму. И потому побежал по дороге, куда направился большой аргиш Железной Шапки. Недолго бежал Сава. Ноги стали подкашиваться.

«Им на оленях лучше!» — подумал Сава.

С каждым мгновением снег тяжелел. Тайга темнела. Подул жгучий ветер. Надвигалась пурга. Идти дальше было бесполезно и опасно. Возле корня упавшего дерева Сава заметил огромный сугроб. В сугробе он устроил «куропачий чум» и решил залечь в нём, словно медведь в берлоге.

Тёмный лес зашумел, закачался, как пьяный. Тонкий свист, как от полёта стрел, всё рос и рос. Было непонятно, откуда он исходит. Нити звуков переплетались, некоторые вдруг исчезали, уходили с замирающей жалобой, новые рождались, сливаясь в упругие и стойкие мелодии. Саве казалось, что это заплясали, засвистели духи зла и холода.

Единственное спасение от злых духов — чистый снег «куропачьего чума». Дрожа от страха, Сава забрался в своё убежище...

Пурга всё усиливалась, и скоро её завывание слилось в протяжный рёв. Как ни старательно сделал он свой «куропачий чум», холод проникал в него. Сава знал: долго здесь не вылежишь. И всё же малица спасала. Малица — словно чум, длинный балахон из оленьего меха. Вместо шапки — капюшон, пришитый к малице. Малица длинная, висит на плечах почти до земли. Морозу сразу не войти под неё, когда идёшь, и когда лежишь — ноги закрыты. Рукава тоже

сделаны так, что под мышками образуются мешки, где скапливается тепло. У подмышек рукава широкие, а у кистей — узкие, еле рука пролезет. И морозу не пролезть. Сава спал в снегу, втянув руки внутрь малицы и держа их на груди. Сначала было тепло-тепло, как в тёплом жилище. Сава лежал терпеливо, дремал, снова просыпался. Неизвестно, сколько времени длилась пурга. Может, сутки, может, двое — двигаться дальше было нельзя.

Сначала духи мороза свистели только за стенками «курпачьего чума». Постепенно они стали проникать и под малицу. Потом они защекотали пальцы ног и рук. Пальцы рук Сава запихал под язык, чтобы согреть. От этого ещё сильнее ныли пальцы ног. Его жёсткие, как у собаки, ресницы стали влажными. Сава знал, что в тайге часто находят мёртвых, замученных духами холода людей.

Сава лежал, слушал свист злых духов, думал. Никогда ему не приходило в голову столько мрачных мыслей. Вспомнил про дедушку, который утонул во время осенней рыбалки и превратился в лёд. Потом вспомнил дядю, который ушёл на охоту и не вернулся. Он представил, как дядя лежит на промёрзлой земле, грызёт снег, оглядывается, словно кого-то зовёт на помощь... Но духи холода не дают услышать людям его зов... И дядя так и замёрз, улыбаясь заледеневшими губами.

Потом проплыли мимо старик Сас, Журавль, певший новые слова под мелодию старого многострунного инструмента. Осьмар Васька с ножом в руках, грозный взгляд Железной Шапки, крики отчима на него, на Саву, когда он развязал Учителя и помог ему бежать. Отчим тогда ударил Саву хореём. Было больно. Но не от этого удара, а от ругани отчима было больно.

— Голова твоя глупая! Снять бы надо твою дурацкую голову! — кричал он.

Всё это показалось Саве таким обидным, несправедливым, что он даже застонал во сне.

Потом он вспомнил маму. Её синие, чуть раскосые глаза. Руки тёплые, ласковые. Улыбку. Мама жила будто в сказке. Редко видел её Сава. Особенно в последнее время.

Сава не знал ещё истинную тому причину. Отчим пас оленей Железной Шапки. Железная Шапка, бывший князь и владыка, скрывал своё стадо в тайге, у предгорий Урала. Он, как вор, бегал от Советской власти. А отчим, как верная

собака, прислуживал ему. Мама была с ним. «Почему она с отчимом, а не со мной, с Савой?» — думал в полудрёме мальчик и опять застонал. В этот миг он и проснулся.

И только тогда он почувствовал, что вокруг темно и холодно. Открыв глаза, он увидел мрак и закричал. По всему телу началась крупная дрожь, предвестник замерзания. То ли от своего крика, то ли от страха, что от него уходит жизнь, к нему прихлынули силы.

— Сгиньте, злые духи! — крикнул он, выбираясь из «куропачьего чума», как из берлоги.

Ощупав лицо, потеряв снегом щёки, помахав руками, он попрыгал на месте. Дрожь стала утихать. Блаженно раскачиваясь, воздавая должное добрым силам жизни, он удивлённо смотрел вокруг.

Пурга утихла. Безмолвно стоял лес. На небе звёзды и луна. Казалось, звёзды слегка позванивали от мороза. От луны в оранжевом круге лес казался дымчатым, призрачным. Снег, местами занёсший дорогу, загадочно мерцал. Этот мерцающий свет не пугал Саву, а наоборот, он словно звал вперёд. И Сава пошёл. Он несколько раз оступался с дороги в сугроб. Но скоро ноги стали чутко ощущать под рыхлым свежим снегом протоптанную дорогу, по которой прошло множество оленей. Мальчик шёл долго. Оленья дорога то вилась по дремучей тайге, то пересекала таёжные речки, то шла по открытому простору болот с карликовыми сосенками. Особенно тяжело было идти по болоту. Здесь путь часто преграждали снежные заносы. Но Сава шёл, шёл, шёл. Укатанный ветром снег светился лунным пламенем. Порою звезду, горевшую на горизонте, он принимал за тёплый огонь жилья. Ему хотелось дойти до очага, до человеческого тепла. И он шёл, шёл, шёл... Ему стало жарко.

Тяжело поднимал ноги — они казались деревянными. В ушах гудело и звенело. Сава ещё никогда не испытывал такой усталости. Он теперь мог думать только об одном: как бы не упасть, как бы идти дальше. Мгновения казались ему вечностью... И Сава шёл, шёл, шёл.

Вдруг безмолвный зеленоватый простор огласился собачьим лаем. И сквозь призрачный, дымчатый свет лунной ночи Сава увидел чум. Собачий лай повторился. И Сава тут же упал, потеряв сознание...

Очнувшись, мальчик увидел над собой собачью морду. Глаза собаки, глядя на него, удивлённо мигали. Но мигали

не оба сразу, а поочерёдно. Нос её через равные промежутки времени уходил то вправо, то влево, а иссечённые и порванные губы трепетали и вздрагивали. Вся собачья морда передёргивалась. Несмотря на свой странный вид, собака глядела на Сава своими мигающими глазами дружелюбно. Увидев, что Сава открыл глаза, она наклонилась к нему и лизнула красным слюнявым языком по лицу. Ещё будучи без сознания, Сава ощущал что-то подобное. И теперь понял, что его привела в чувство странного вида собака. Сава, как и любой манси, любил собак. Собака для манси друг и товарищ. Она не только помогает выслеживать зверя и предупреждает человека об опасности, но и часто приходит на помощь в трудную минуту.

Увидев, что Сава упал, не дойдя до чума, она побежала к нему навстречу, стала лизать его лицо, будить, звала на помощь. И вот наконец мальчик пришёл в себя. Над собою он увидел светлое, дневное небо.

Оно казалось глубоким, холодным, как снег, на котором Сава пролежал неизвестно сколько.

Над краем поляны качались вершины деревьев. Ветерок чуть-чуть пошевеливал заснеженные ветки елей...

Придя окончательно в себя и оглядевшись вокруг, Сава издала увидел стойбище. Не чуя ног, он побежал к человеческому жилью.

На небольшой белой поляне — три чума. Около них нарты. Грузёные и пустые, они стояли в беспорядке. Три безрогие важенки бродили по поляне, раскапывая копытами снег. Снег толстым слоем покрывал нарты: видно, давно ими никто не пользовался. И следов на снегу почти не было. Над чумами не было столбиков дыма. Стойбище казалось вымершим.

Войдя в один из чумов, Сава увидел страшную картину. На заиндевелых шкурах валялись люди. Они были неподвижны и холодны, как мороженые налимы. Их лица, скорченные от ужаса, застыли, будто они безмолвно кричали.

Саве стало страшно. Он было побежал обратно по дороге, откуда пришёл. Но вовремя спохватился: в той стороне ведь никого, кроме идолов. А здесь олени, собака, которая бегала у самого дальнего чума, взвизгивая, будто приглашала мальчика туда. Сава наконец осмелился.

В самом дальнем чуме, кажется, и на самом деле теплилась ещё жизнь. Войдя в него, он заметил, как одна из шкур

вдруг зашевелилась — и поползла на четвереньках. Но, сделав несколько движений, шкура остановилась. Снизу вверх на мальчика смотрели остановившиеся глаза старика Яксы. Сава сразу его узнал.

— Не подходи ко мне! Грозный дух заразы забрался в стойбище! Съел людей! — еле выговорил старик Якса.

Холодный пепел на очаге был покрыт инеем. Опрокинутый котёл смотрел ледяным взглядом остатков застывшей похлёбки. Недалеко от очага лежал труп женщины, рядом — мужчины.

— Бери оленей! Езжай скорее к людям. Зови на помощь. Дух заразы одолел нас.

Сказав это, шаман снова упал на заиндевелую шкуру. Сава взялся за дело. Без особых трудностей он поймал оленей, запряг их и поехал по натопанной дороге, которая рано или поздно должна была привести его к человеческому жилью.

Долго ли, коротко ли бежали олени, наконец они, вытянув головы, стали к чему-то принюхиваться. Олени далеко чуют дым очага. Отдалённый лай собак говорил, что, действительно, где-то рядом было стойбище.

Обрадовавшись, Сава стал понукать оленей кореем. Наконец-то тёплое жильё, да и проголодался он изрядно...

Но вместо приветствия он вдруг услышал грозное:

— Стой!

Под деревом стоял человек с ружьём. Он целился из этого ружья прямо в подъезжающую оленью упряжку.

— Стой, или я тебя прикончу!

Сава онемел от страха, растерялся, у него не было сил даже остановить оленей.

— Кто ты будешь? — выбегая на дорогу, закричал человек с грозным оружием.

— Я... Сава! — остановив наконец упряжку, выдавил из себя мальчик.

— Откуда ты? Останавливался ли в чуме шамана Яксы?

— Да! Это его олени... Он болен. Просит помощи. Зовёт людей! — затараторил Сава, стараясь скорее передать просьбу старика.

— Ты был у мертвецов. Дух заразы сидит в тебе. Зачем ты лезешь к живым? — закричал человек с ружьём. — Иди назад! Уйди к своим мертвецам, посланец Красных духов.

Сава так обрадовался, увидев человеческое жильё. И вдруг такое. Он был в недоумении. Он не знал вековечного закона тайги: людей из стойбища, где порезвился Красный дух — оспа, рассматривали как добычу заразы, как беглую жертву духа болезни. Их считали отрешёнными от жизни. С ними не общались. Таким способом люди пытались спастись от эпидемии.

— Поверни оленей, или я сейчас же спущу курок! — уже перед самой упряжкой бесновался человек с оружием. Только тут Сава признал в кричавшем Осьмар Ваську. Сава знал, что Осьмар Васька зря слово не скажет. Спустит курок — и не дрогнет.

Дёрнул вожжой и повернул оленей налево. Олени не хотели идти обратно. Пришлось их понукать хореом. Голова Савы кружилась от голода. Слабость охватила его. Временами он терял сознание. Ему казалось, что он едет по пустыне царства мёртвых, над которой повис вечный туман. Серая дымка, которая стелилась над низкорослыми тундровыми деревьями, не нарушала этого впечатления.

Неизвестно, сколько прошло времени, но когда Сава пришёл в себя, то увидел перед собой то же стойбище мёртвых. Олени спокойно стояли. Собака бегала вокруг нарты, жалобно взвизгивая. Сава хотел встать, но в тот же миг со стоном повалился обратно на нарту. Голова кружилась, глаза туманились. Но сознание не покидало его. Теперь он был сосредоточен на одной мысли: добраться до чума, сказать шаману Яксе о случившемся. Он старый, что-нибудь придумает... Да и вдвоём легче...

Приняв решение, Сава хотел встать. Спустив ноги с нарты, он сделал попытку подняться. Но не смог, свалился со стоном на снег. Полежав немного, собрав все силы, он пополз к входу в чум. В чуме стоял полумрак. Тишина. Холодный пепел на очаге был покрыт снегом, падавшим сверху, через открытый дымоход.

— Дедушка Якса, — сказал как можно громче Сава. Но никто ему не ответил. Тишина смертная стояла в чуме. Старик Якса лежал у самого очага. Сава хотел разбудить его, но Якса лежал неподвижно около мёртвых. Мальчика охватил ужас. Ему очень хотелось есть. И вся надежда была на старика. Теперь он... Чувство голода заставило Саву двигаться. И он пополз к выходу... Олени, на которых он приехал, смиренно стояли в упряжке. В них заключались и пища

и питьё. Сава привязал оленей к дереву, достал нож. Встать на ноги он от слабости не мог. И потому ползком на коленях добрался к левому боку оленя. Олень повернул к Саве голову и дружелюбно на него посмотрел, будто приглашая его действовать смелее.

Опираясь о нарты, мальчик наконец поднялся на ноги. Придерживаясь левой рукой за шею оленя, чтобы не упасть, он правой рукой поставил нож против сердца оленя. На мгновение в мальчишеской душе шевельнулась жалость: этот олень возил его и теперь так ласково смотрел на него. Но делать было нечего: очень хотелось есть. К тому же с детства ему, как любому манси, внушалось, что олени нужны людям только как средство для жизни. И любой олень сочтёт за счастье, если на нём ездят или съедят его. Но не просто так съедят, а с почестями, обращаясь к духам.

По примеру взрослых, прежде чем всадить в оленя нож, Сава заговорил, обращаясь к духу оленя:

— Ты, взирающий с высоты оленьей головы, видишь мою беду и мой страх! Если ты милостив, пожалей меня, отдай мне кровь свою. Пусть твоё сердце будет жить во мне. Пусть я буду и оленем и человеком. Мы с тобой будем вдвое сильнее. Отведи духов болезни и смерти, сделай лежащего сидящим, сидящего ходящим, ходящего бегающим, быстроногим хранителем человеческого и оленьего рода!..

Сказав так, как поступали обычно взрослые, Сава изо всей силы нажал на нож и навалился на него тяжестью своего тела. Животное, судорожно вздрогнув, рванулось с места, но тут же рухнуло на белый снег. Сава знал, что дальше делать. Не раз он принимал участие в освежевании оленя. Но сегодня у него совсем не было сил. И потому, прорезав оленю брюхо, просунув руку в отверстие, он припал губами к краям выреза, в котором уже булькала дымящаяся на морозе кровь. Сделав несколько глотков, он остановился. После стольких дней голода даже пить сразу было нелегко. Напившись тёплой крови, съев одну из почек, которую ему с трудом удалось достать изнутри, он опять забылся. Потом всё было как во сне. Ему казалось, что он попал в подземное царство, царство мёртвых. Перед ним появился дух подземелья Куль. И он боролся с ним. Было страшно. Саву бросало то в холод, то в жар... Но в это время за скрипели копыта добрых оленьих духов. И над собой Сава вдруг услышал что-то невероятно-волшебное.

— Да это же сын мой! — воскликнула над самой его головой женщина голосом, так похожим на голос мамы. — Он жив ещё! Жив! Шаманы, волшебники, чародеи, спасите моего сына! Дам вам оленей сколько надо! До смерти буду молиться духам за спасение сына!

В полудрёме Сава слышал голос мамы, этот родной голос не тонул среди голосов других, говоривших наперебой о Красном духе заразы.

Не раз Сава слышал про Красного духа заразы, про оспу. Бабушка про него рассказывала, показывая на лицо и плечи свои. Лицо и плечи бабушки усеяны маленькими красненькими пятнышками. Эти знаки наложил Красный дух заразы, который прикоснулся к ней ещё в детстве, но не смог осилить её. Упрямая бабушка очень хотела жить. Добрый дух души её победил злого Красного духа. И она до сих пор живёт. Добрые выживают. Надо быть добрым.

Так думал Сава в полудрёме...

Он лежал на шкуре, раскинув руки, с полуоткрытыми глазами и ртом. Дыхание его было прерывисто, нижняя челюсть чуть заметно двигалась.

Когда другие замолчали, сквозь полудрёму Сава вдруг услышал рыдания матери. А себя снова увидел в царстве мёртвых, в царстве теней. В немой равнине в сумрачном свете стояли чумы. Тучами летали комары. Без присмотра, без охраны бродили олени. Их рога колыхались, как кустарник в сильный ветер. У пустого чума колебались чьи-то тени, чуть напоминая людей. Где-то частой дробью стучал бубен, кто-то пел тоскливо песню, кто-то плакал...

...В этой сумрачной равнине вижу я движение теней, трепетание чьих-то крыльев, слышу стоны, слышу вздохи...

Казалось, сзади мчится Куль на красных оленях, убивая душу огня, превращая всё живое в ледяную пустыню. Мёртвая пустыня. Потухшие огни. Ледяные глаза.

*В тех очах зелёных в полдень,
Как тайга в своём наряде,
Отражалась радость жизни,
Радость светлого рожденья.
В тех очах багрово-красных
В час, как солнце заходило
И ночная тьма спускалась,
Были видны смерть и горе,
Блеск кровавого заката
Дня, ушедшего навеки.*

Пришёл в себя Сава снова от голоса матери:

— Ой, миленькая, неужели ты шаманка? Так я хочу, чтобы мой сын был жив! Оленеводом не успел побыть, за соболями не походил, крылатым человеком не стал.

Открыв глаза, Сава увидел: перед ним сама дохтур Ия. Та, которая ещё в школе его осматривала. Она была в таком же белом халате, и белая шапочка та же.

— Вылечим твоего сына, и старика Яксу вылечим! Советская медицина сильнее шаманов!.. — отвечала доктор Ия, видно продолжая давно начатую беседу. — Да вот и сын твой проснулся! — глядя на Саву большими серыми глазами, воскликнула доктор Ия. — Я же говорила, что Сава — мальчик сильный!..

Синеватые глаза мамы на мгновение заискрились солнечными бликами, но тут же они стали задумчиво-серьёзными, и в них блеснули слёзы. Потянувшись к сыну, она замерла над ним. Розовые губы её вздрагивали... Она будто боялась чего-то.

— А духи... Не спугнуть бы добрых... — прошептала она, глядя тревожными глазами то на сына, то на доктора Ию...

Сава смотрел на маму. Узнавал и не узнавал её. Она была одета в широкое мансийское платье, расшитое ярким орнаментом самых причудливых форм. Она была одета празднично. Но на лице её — печаль.

— Вылечим твоего старшего, и младшую тоже! — кивая в угол, с улыбкой сказала Ия.

В углу запищал малыш. Мама, как белая куропатка, взмахнула руками и полетела в угол. Мгновение — и на её коленях оказалась берестяная люлька с малышом. Она раскрыла полную грудь, притянула к груди маленькое живое существо, завернутое в шкуры. И синие глаза и веснушчатое лицо вновь засияли.

Посреди чума весело горел огонь. У огня играла с собачкой девочка. Красный, скользкий язык собаки то лизнёт девочку в руку, а то в носик. Девочка задорно смеётся.

— Сестрёнка! — удивился Сава, радуясь встрече с родными. Но больше всего удивило Саву то, что на другой стороне чума лежал старик Якса. И доктор Ия, наклонившись над ним, что-то ему говорила, а Якса смотрел на неё тёплыми глазами.

Саве стало тепло-тепло, как в давние дни, когда был совсем маленьким. И сквозь сказочный сон он слышал возню в чуме, кто-то что-то делал, убирал, мыл. До его слуха доносились обрывки оживлённого разговора двух женщин.

— Ты такая симпатичная, хорошая... И как ты выносишь всё это?! Чум, холод, неуют... — говорила доктор Ия. — В такой обстановке не может прийти мысль вымыть руки, не говоря уже о голове, теле. Да, в такой обстановке люди не могут быть здоровыми. Не случайны болезни, эпидемии...

— А главное, в чуме никогда не бывает солнца. А я люблю солнце... Я родилась в деревне, в деревянном мансийском доме...

— А как ты оказалась здесь?

— О, это долгая сказка...

— Расскажи, пожалуйста...

— Жила я в деревне. Дом был у нас, а не чум дырявый. В углу горел чувал, а не этот дымный костёр. Окно было в доме. Пусть оно было не стеклянное, а из льда сделанное. Но через него проходил свет... Давно я живу без света, с тех пор как погиб мой первый муж, отец Савы.

— Как? Он погиб?!

— Пришли красные в нашу деревню — он с ними пошёл... Хорошо, говорят, воевал, богатырём слыл, красным партизаном называли... Потом убили его. — В голосе матери слышались слёзы. — В день, когда его убили, Сава родился. Давно это было. Десять лет назад. Когда большая драка кругом стояла... Гражданской войной называют это

время... О, что тогда было!.. Первый мой муж за новую жизнь боролся... Говорил, что ясак-налог отменят, у бедных появятся олени, богатые не смогут притеснять никого, женщина будет иметь равные права с мужчиной... «Вот подожди, подожди, — говорил он при последней встрече, — управимся с теми, кто за старое стоит, станем новую власть устанавливать, а называться она будет — Советской...» — Мама вздохнула. Помолчала. Потом вновь продолжала: — Теперь, слышу, власть-то новая и вправду называется Советской, да только новой той жизни в нашей тайге не вижу. Олени, чумы, да те же Железная Шапка и Осьмар Васька верховодят... Ой-ой-ой! Зачем мой красный партизан погиб!.. Зачем он меня обманул!.. Ой-ой-ой!

— Вот мы и пришли устанавливать Советскую власть в самой глухой тайге. Вот мы и исполняем мечту, за которую погиб твой красный партизан! — успокаивала маму доктор Ия.

Убаюканный тихими голосами женщин, Сава спокойно уснул.

*Поднимая тучи снега,
Лесом тёмным, молчаливым,
Словно ветер в непогоду,
Мчались быстрые олени.
Нарта прыгала в ухабах,
Как челнок в сердитых волнах,
Шест свистел, и звонко пели
Крепкорунные постромки...*

Стоял февраль. Февраль сердит, вьюжен и холоден. Тундра курится. У таёжных холмов, у крутых берегов застывших рек — сугробы. Навьются сугробы и обваливаются, сбегая вниз белыми шариками, оставляя следы-борозды.

Ходит по тундре ветер.

За каждым бугорком вьётся его белый хвост. Кажется, стая песцов мчится в одну сторону, неся стужу.

В такую погоду зайцы сливаются со снегом. Тетерева и рябчики не покидают своих снежных спален. Волки, наевшись до отвала олениной, украденной из стада, отходят от туши недалеко в таёжную чащу и тоже спят, забравшись в волчье логово...

Лишь лиса в такую погоду пытается охотиться. Но и у неё ничего не получается. Мыши глубоко под снегом: не так-то легко их учуять. Покопает-покопает нору, поищет-поищет следы — да и бросит. Потянет узким носом в сторону ветра, наберёт полные ноздри летучего снега, да и поплетётся в сторону густого ельника, в поисках тёплой спальни.

В такую погоду и люди сидят больше у огня. Новый огонь согревал в эту стужу людей мансийской тайги. Огонь Красного чума горел ярко.

Молва о его доброй работе, чудодейственной борьбе со злым духом заразы облетела все чумы. Во многих из них побывала доктор Ия.

Приехав в чум, где уже успела порезвиться оспа, оказав первую медицинскую помощь, она обычно сразу принималась за работу. Подбрасывала дрова в еле тлеющий костёр, кипятила воду. Затем, вооружившись ножом, выскребала и вымывала доски у очага, которые заменяли пол. Частенько сама мыла ребятишек. И на глазах ошарашенных женщин, завернув их в чистые простыни, укладывала спать. Натопив как следует чум, заставляла мыться и самих женщин.

У входа в чум обычно появлялись полотенце, тёплая вода, туалетное мыло.

Потом вместе шили платье, пили чай. Кочевницы разговаривали, с любопытством поглядывали на свою новую подругу.

Немного слов они знали по-русски. А Ия почти не говорила по-мансийски. Но женщины понимали друг друга, когда они делали одно дело: наводили в жилище уют и порядок, боролись со злым духом заразы — оспой. И чаще всего побеждали.

Доктора Ию называли шаман-девкой! Беседы с ней называли люди красными посиделками.

Соберутся, бывало, женщины. Сядут кружком. Каждая со своим делом. Кто мнёт шкуру лосиных лап, кто выводит узоры по меху для лёгких и изящных кисов, кто бисером обшивает платье, кто плетёт шерстяной поясок. Рукоделье у каждой своё, а беседа — общая. Зимний-то вечер длинный, слов много надо сказать. А в глухой тайге какие новости?

Вот и рады бывают женщины, когда шаман-девка появляется среди них.

Всегда она скажет что-то такое, над чем женщины потом, оставшись наедине сами с собой, долго думают. И про Советскую власть, и про Ленина, и про колхоз, и про новое солнце, которое будто бы горит от обыкновенного железного провода.

— Вот Учитель учит моего сына в кочевой школе (к тому времени в Красном чуме организовали кочевую школу), — говорила моложавая мансийка. Она вязала спицами шерстяной чулок с причудливыми узорами. — Кем он будет? Оленеводом или охотником? Так зачем тогда учиться? Отец его и без грамоты хорошо пасёт оленей. А вчера ещё и соболя принёс.

— Ты была в культбазе? Видела, там пушнину принимает человек из вашего народа? Он не только умеет шкурки считать, но и разговаривать по бумажке, торговать умеет, — отвечала доктор Ия. — Разве не надо вам своих приёмщиков пушнины или продавцов?

— Приёмщиком пушнины? Разве это лучше, чем охотником? Дома сидеть... Разве это хорошо? Отец вот месяцами в тайге пропадает.

— И даже купцами могут стать наши внуки? — спрашивала старая мансийка. — Купцы на ярмарке всегда весёлые, жирные. Никогда только я не видела мансийского купца. Неужели возможно такое счастье?

— Купцов, бабушка, теперь нет и не будет! — объясняла горячо, заливаясь румянцем, доктор Ия. — А вот продавцом в магазине можно стать. Люди Севера сами должны и торговать, и строить дома, и добывать рыбу... Так Ленин сказал. А чтобы торговать самим, надо учиться разговаривать по бумажке, то есть читать. Это не детская игра. Нет! Просто человеку невозможно всё запомнить. Тут на помощь приходит бумага. На ней всё можно записать. И сколько дрови и пороху брал в долг охотник перед уходом на промысел, и сколько белок сдал.

— Верно! Верно! — соглашалась старуха. — Купец всегда в бумажку заглядывал. В бумажке долги находил. По бумажке богато жил. Наши внуки пусть учатся. Может, к ним тоже придёт счастье.

— И учителем может стать мой сын? — спрашивала ещё одна.

— Конечно же! И учителем, и врачом, и учёным! — говорила Ия.

— Учителем не надо! — о чём-то задумавшись, вступила в разговор молчавшая до этого мама Савы. — Больно уж хлопотное занятие. И дохтуром тоже. Мы по тебе видим. Да ещё шаман, греха не оберёшься, злых духов назовёт — болеть будешь. Язык-то у него плохой. Ишь, говорит, что сам верхний дух спускается к нему с неба и пьёт с ним чай. Ты-то русская, бог у тебя другой. И шаманские слова для тебя нипочём. А если манси учителем или врачом будет? Нет, не надо!

Так говорили часами женщины-манси и русская девушка.

На красных посиделках она читала им газеты, рассказывала о партии Ленина, знакомила с правилами новой жизни, показывала новые вещи, учила с ними обращаться.

А новая жизнь наступала. В деревне для колхозников уже строились тёплые рубленые дома, магазины, избы-читальни.

Таёжный и тундровый народ видел, что жизнь меняется на глазах. В культбазовской школе-интернате чисто и светло, тепло. Детей, говорят, там хорошо кормят, обувают, одевают.

Много добрых вестей приходило с культбазы.

Недавно туда за порохом и дробью ездил Сас.

Поразительные вести привёз он.

Будто только остановил он оленей, как его встретил сам начальник культбазы. И привёл его в дом для приезжих оленеводов и охотников. Гостиницей это называется. Там тепло и уютно. Угостили Саса чаем и другими вкусными кушаньями, затем сразу повели в читальный зал. Но старик не стал в нём задерживаться.

А вечером было кино.

Удивительная это штука. Обыкновенная белая ткань повешена на стене. Вдруг затрещала, защёлкала какая-то мудрёная машина, поставленная у другой стены. Загорелся, заискрился огонёк. И белое полотнище засияло, словно зажглось дневным светом.

А прямо по стене пошли люди.

Кругом дома, машины. Дома высокие, как горы... И даже олени мчались по белой стене. Сас говорит, было рванулся ловить их.

Да люди сказали, что это кино...

Удивительно, как это на белой как снег ткани вдруг появляется жизнь! И люди там ходят, разговаривают, кушают, а в магазинах — товару!.. О, это новое волшебство, небывалое в тайге волшебство! Даже шаман Якса так не может колдовать!..

А вечером Саса повели в купальный дом, который построили в культбазе. Баней это называется. Ох и жарко там! Берёзой пахнет! Будто в тёплом лете побывал старик Сас...

Рассказывал он и про новый магазин и про больницу. Любую болезнь, говорят, могут вылечить врачи... Много великих волшебников у Советской власти!..

— Наша дохтур Ия — шаман-девка, волшебница, — шептались женщины, расходясь по чумам. — Но она из добрых духов, белый шаман!..

Доктор Ия вылечила не только Яксу, но и многих из других стойбищ вернула она к жизни.

Когда шаман Якса стал поправляться, он с нескрываемым любопытством наблюдал за работой доктора Ии. Иногда просил кое-что из медицинских принадлежностей, подолгу вертел в руках градусник, шприц, особый интерес проявлял к лекарствам, которыми пользовалась доктор Ия.

— Ох, шаман-девка, о волшебница! — восклицал он, ласково глядя на доктора Ию.

*Вспомнил он, как мудрый старец,
Безызвестный заклинатель,
Наставлял его в дорогу:
Никогда не возвращаться
И не ведать страха смерти!
Также вспомнил он, как в детстве
Лазил в норы за стрижами...
Вспомнил, и ему на сердце
Стало веселей и легче...*

Якса подвинулся поближе к теплу, подбросил в очаг дров. Огонь осветил его похудевшее за время болезни лицо.

Собака, похожая на росомаху, греется, свернувшись калачиком, под боком у старика. Чу! подняла голову, навострила уши. Нет, на улице ничего не слышно. И в чуме только двое: Якса да Журавль.

— Я много живу, — негромко начал Якса, глядя на своего воспитанника. — Кочевал я по Уралу, и на западных её склонах и на восточных — всюду бывал, где манси живут! И всюду бедность!

Якса глубоко вздохнул. Потрогал огонь палочкой. Искры полетели звёздочками, отражаясь в глазах его, которые казались теперь такими ясными, сосредоточенными.

— Говорить нам надо. Надо оставлять сердце открытым, как глаза. Пусть отражается в нём огонь, и думы, и желания.

Не сразу стал я шаманом. Был я обыкновенным мальчиком. С бабушкой жил, как Эквапыгрысь, наш сказочный герой. Всё началось со сказки, которую рассказала бабушка. Послушай и ты её.

Эквапыгрысь с бабушкой живут. Живут в домике на тундровой кочке, появившейся неизвестно откуда. Однажды зимой бабушка пошла по воду. Зачерпнула из проруби воды в берестяное ведёрко, хотела идти обратно, да вдруг увидела диво: вода в проруби вдруг закипела. Как в котле, кипит, пенится, расплёскивается.

— Сколько живу, такого чуда не видывала, чтобы в проруби вода кипела. Это что же такое будет? — с удивлением говорит бабушка.

Не успела слова промолвить, как из проруби окунь выскочил, трепыхнулся, отряхнулся и человеком стал. Красивый такой, настоящий богатырь. Из-за пояса топорик вынул, от каждой своей голени по кусочку кости отколол. Из одного куса древка стрелы сделал, из другого наконечник вытесал. Вместе связал, получилась стрела. На берегу лесной речки громадный камень лежал. Натянув богатырский лук, он выпустил стрелу в камень. И тот камень был насквозь пронзён. И говорит богатырь бабушке:

— Придёшь домой, Эквапыгрысю скажи: в колдовстве и волшебстве если со мной сравняется, то пусть по моим следам идёт, в тот край, где правду найти сможет. Если же в колдовстве и волшебстве со мной не сравняется, то пусть не ходит никуда.

Пришла домой, поставила берестяное ведёрко на пол, вода в нём, как в котле, кипит, пенится, расплёскивается.

— Бабушка, ты по воду ходила, что же ты видела? Какое слово мне принесла? — спрашивает Эквапыгрысь, озорно поблёскивая глазами.

— Дорогой мой, какое же я тебе слово принесу? По воду ходя, разве что услышишь?

Вода в ведёрке пуще прежнего кипит, пенится, плещется.

— Хоть ты и говоришь — ничего не видела, никакого слова мне не принесла, и всё же что-то там случилось! — не унимается Эквапыгрысь, подступая к бабушке.

— Есть для тебя слово, внук мой, — говорит бабушка. — Из проруби выскочил окунь, на моих глазах превратился в богатыря. Сделал стрелу, выстрелил. Стрела пронзила камень насквозь. Потом мне сказал так: «Если у Эквапыгрыся в волшебстве и колдовстве со мною сравняться сил хватит, — по моим следам правду искать пусть идёт. А если силы не хватит, — пусть не ходит».

И пошёл Эквапыгрысь искать правду по земле, колдуя и священнодействуя, меряясь со встречными силой рук и слова.

Слушал я эту сказку, — проговорил с лёгким вздохом шаман Якса, — и мне захотелось быть Эквапыгрысем. Так же как у него, у меня была лишь одна бабушка. Ни отца, ни мать не помню. Не знаю, откуда я. И решил я по земле идти, искать правду-счастье.

— Не ходи, сынок, ты ещё маленький. Да и в мире много злых духов.

— Пойду, пойду! — твержу я.

Бабушка видит, что я не отступлюсь, — согласилась:

— Ну, коли так хочешь, иди.

Снарядила меня, вкусной муксуновой юколы дала, луком и стрелами вооружила. А ещё дала лапку гагары, нож, многострунную арфу — журавль.

— Журавль и лапка гагары — от твоего дедушки, он был колдуном. Нож — от отца-охотника тебе в наследство. Попадёшь в беду, — вспомни о них, — сказала на прощание бабушка. И ещё молвила: — По той дороге, что за домом лежит, не ходи. Там люди живут. Среди них много хитрых.

— Ладно, не пойду.

— По этой дороге иди, что у двери начинается. Она в лес ведёт. В лесу — звери, птицы, духи. Духов много, как деревьев. Если не будешь нарушать законы леса, воды, неба, — с духами найдёшь общий язык, счастлив будешь.

Я простился с бабушкой, по указанной ею дороге пошёл. Бабушка стоит у двери, смотрит, как я иду, настоящим охотником с собакой, и радуется и плачет...

А я немного отошёл, да и повернул по дороге, которая к людям вела. Шел, шёл я, да и пришёл в Берёзов, в русский город.

По дороге я охотился, поймал соболя, белок настрелял. Думаю: пойду к купцу, продам товар — и снова в лес, к бабушке.

Обрадовался купец, что принёс соболя, угостил меня.

— Чей ты будешь? — ласково спрашивает он.

— С лесной речки, — говорю я, — где бабушка одна живёт.

— А, вот ты и попался мне! — восклицает он. — Я давно жду, когда ты подрастёшь да долг уплатишь. Ещё отец твой должен был мне двадцать пять рублей. Иди, отработай...

Но какой из меня, маленького, был работник? Таскал воду в дом купца, колол дрова, убирал навоз из хлева. А в любую свободную минуту я пел, играя на своём журавле.

За работу купец ругал меня, к игре моей на журавле прислушивался. Любил показывать меня гостям.

— Дикарь, язычник! А ведь как чудно играет и поёт! — восклицали гости. Все с любопытством осматривали меня, ощупывали, выкрикивали: — А ведь вроде на человека похож! — Потом они смеялись, галдели хором.

Проезжал как-то через Берёзов главный поп Сибири, архиерей Тобольский. Звали его ещё то миссионером, то пастырем. Прослышал он обо мне, о поющем «язычнике» и идолопоклоннике. Послушал мою игру, заговорил со мной. За серебряный рубль выкупил меня у купца и повёз в далёкий большой город Тобольск. Видел я раньше воду, лес, небо. А в городе перед моими глазами будто каменный лес вырос. Каменные дома окружены каменной стеной. Кремлём это называется. А ещё крепостью. Над каменными домами — сияющие золотом шапки, острые, как шлемы. Вечерами эти шлемы звенят, как летящая оленья упряжка с колокольцами. Русский бог — Христос — любит колокольный звон и шум. А внутри этих священных домов, называемых церковью, сумрачно и тихо.

— Вот твоя обитель, вот твои братья-монахи, — сказал архиерей, привезя меня в священный дом, называемый ещё миссионерской школой, — забудь своих идолов, стань христианином.

И сделали меня учеником миссионерской школы. Утром и вечером заставляли меня креститься и шептать русские «божьи слова», смысл которых я не знал. Не хотел я это делать, не понимая ничего. Монахи жаловались на меня старшему брату-миссионеру. Сажали меня в тёмную каменную берлогу, называемую карцером, секли, били. Но я всё равно молчал, не хотел молиться кресту... Когда выпускали меня, я молился лишь солнцу да деревьям, которые стояли в саду монастыря. А ещё я разговаривал с жалкой, маленькой дворовой собачкой. Я давал ей хлеба, она меня слушала. А ещё был хороший русский мальчик. Он тоже был со мной ласков. Я рассказывал им о тайге, о большой воде, о воле:

— Много зверя в лесу. Птицы много. Хорошо ходить за ними по следу. Убежим, собака, отсюда в большой лес, где все друг друга понимают...

И однажды ночью, забрав собаку, я перелез через каменную стену монастырской школы, вышел к реке. У реки стояла лодка. Сел в неё и поплыл по течению. Знал: рано или поздно река приведёт меня к родным берегам. Так и вышло. Через много дней и белых ночей приплыл я в Берёзов. А оттуда — к бабушке поплыл. А её уже нет в живых. Одна сторона нашего домика отвалилась. И пошёл я тогда, как Эквапыгрысь, по земле, где манси живут. И увидел всюду нищету и слёзы. И купцы кругом снуют, забирают от манси рыбу, пушнину. Попы церкви стали строить. Ясак-налоги собирают. Сумрак упал на мою душу. В груди закипели горячие ключи ненависти к этим жестоким людям.

Старый охотник, который приютил меня, видя мою печаль, сказал однажды:

— Ты бы ушёл отсюда, Якса. На севере, где большой лес кончается, есть свободная земля, куда не пришли ещё купцы, попы, сборщики ясака. Говорят, в той стороне много нашего северного народа живёт. В тундре на оленях летают, хорошо живут. Душа у них верна солнцу, большой воде и рыбе. Молодой ты, здоровый, за зверем ходить можешь, оленей пасти научишься, жить будешь в лад своим желанием, счастье испытаешь. А здесь худо. Я вот дряхлый уже, а то ушёл бы с тобой. Уходи, сынок!

Запала эта мысль мне в душу. Захотелось, как сказал старик, в счастливую страну, где люди вольно дышат,

храня в душе добрые заветы предков, живя в лад с духами и всей природой. Собака моя, привязавшаяся ко мне, опять побежала по моим следам.

Шёл я туда с желанием хорошо работать, честно жить. За спиной у меня был тугой лук старика да колчан со стрелами, нож отца да многострунный мой журавль, с которым я не расставался, какие бы тучи надо мною ни кружили.

Долго шёл. Много холодных дней и ночей. Да разве холод и снег помеха идущему?

Однажды встретил аргиш ненцев, кочующих в сторону южную.

— Куда путь твой лежит, друг? — спросил старый ненец, каюр первой упряжки.

— Я ищу свободную счастливую землю, где нет торговых людей, царских начальников, где не убивают, не разоряют и не заставляют молиться другим богам, друг, — ответил я.

— А разве в тайге, где большие деревья, плохо живут? — с тревогой спросил каюр-ненец, жадно заглядывая мне в глаза.

— Худо. Правды нет. Шкурки зверей берут за водку. Злые поповские шаманы силой заставляют поклоняться новому богу, имена предков заставляют забывать и называть себя по-новому.

— И у нас то же самое. А на священном мысу, там, где великая Обь в море превращается, город поставили. Высоко в небе, выше всех домов, блестит над тундрой золотой крест священного дома — церкви. Далеко виден этот крест. Тундра голая. Вот мы и подались на юг, в леса. Думали средь деревьев запрятаться от людей, несущих крест, позор, болезни.

— Где же тогда правда?

И наступила тишина. Молчал снег, молчали карликовые деревца, молчало небо, медное от мороза...

Долго молча стояли мы, искатели украденной свободы и правды.

— Где правда и счастье, знает только Великий колдун Севера, который живёт под самой Полярной звездой; там земля в ледяное море превращается, на реке Таз. Далеко это. Тебе не дойти до него! — сказал старик, тронул оленей хореом, и те побежали рысцой в обратную сторону.

Не мог я повернуть назад. Помнил завет: «Если у Эквапыгрыся в волшебстве и колдовстве сравняться с Высшим духом сил хватит, — правду искать пусть идёт...»

Хотел я померяться силами в волшебстве и колдовстве с этим Великим колдуном Севера.

Долго ли, коротко ли шёл, наконец добрался и до ледяной земли под Полярной звездой, где жил Великий колдун белой тишины. Только я успел рассказать про странствия, про сомнения свои и мечту о поисках правды и счастья, как тут же потерял память. Заболел. Сначала лихорадило. Потом будто горел в огне. Мне казалось, что я куда-то качусь колесом, то в одну сторону, то в другую перекачиваюсь.

Затем, помню, стою под самой Полярной звездой. Рядом — лиственница, на её ветвях — гнёзда на разной высоте. Самые великие шаманы воспитываются на верхушке дерева, средние — на середине, а малые шаманы — у нижних ветвей.

У самого корня лиственницы стоит тот самый старик, Великий колдун белой тишины. А тишина такая, будто всё помертвело. Лёд, снег кругом. А на небе звёзды. Снег и небо в звёздах. И ничего больше. Белая тишина.

В руках у старика пила. Вручает он мне один конец и говорит:

— Раз пришёл сюда, принимайся за работу. Будем прокладывать сквозь льды дорогу в верхний мир, в светлое будущее!..

— Нет! Я шаманом не хочу быть! Охотник я...

— Ты что же, забыл священные слова: «Если в волшебстве и колдовстве сравняться сил хватит... По следам Эквапыгрыся правду, счастье искать иди...» Кажется, ты по его следам шёл... Чего же ты, придя под самую Полярную звезду, у самых подступов дороги в будущее, захныкал, нос назад воротишь? А ну, бери пилу, да и за работу!..

Против моей воли, он вручил мне конец пилы и заставил работать. Мне кажется, мы пилили лёд, прокладывая дорогу к Северу... Пилили, пилили — вижу берестяное ведёрко. Вода в нём кипит, пенится, расплёскивается...

Чуть передохнув, мы снова пилим ледяной торос. Чем дальше на Север мы дорогу прокладываем, тем больше растёт берестяное ведёрко, тем больше кипит, пенится. Сначала оно превратилось в кипящее озеро. А потом не стало

видно и берегов. Будто горящее море плещется. Золотые волны скачут, огненные молнии блещут...

— Видишь, какие сокровища таятся под Полярной звездой в царстве белой тишины? Если по следу Эквапыгрыся до конца сможешь пойти, — не то ещё увидишь!..

Хочешь, я тебя сделаю шаманом? Лишь шаманы могут ходить по следу Эквапыгрыся. Лишь они, да и то одним глазом, могут любоваться этими сокровищами. А достанутся ли эти сокровища людям — всё зависит от тебя, человека, дерзнувшего идти по следу Эквапыгрыся, сына женщины и богатыря...

— Не хочу! — отвечаю я, горя как в огне, обливаясь потом.

Но мы, не останавливаясь, прорубаем дорогу. Пилили, пилили — и оказались на вершине какой-то безымянной скалы. На скале стоит лиственница. Священное дерево, великое дерево прозрения. На корявых ветвях её — гнёзда.

На вершине великого дерева сидит птица, похожая на орла с железными перьями.

— Вот мать-зверь всех шаманов. Она появляется всего три раза. В первый раз её видят, когда человек желает стать шаманом, второй раз — когда он совершает самое своё великое камлание — прозрение, в третий раз она приходит, когда шаман умирает и передаёт своё волшебство другому. Ты видишь птицу? — спрашивает Великий колдун белой тишины.

— Вижу, — отвечаю я.

— Значит, ты хочешь быть шаманом. А то бы не пошёл по следу Эквапыгрыся, — говорит Великий колдун белой тишины. В руках у него появился бубен с узором солнца на одной стороне, с Полярной звездой — на другой стороне.

Ударил он лапкой священной гагары по бубну, загремела не только звонкая кожа бубна, сделанная из кожи молодого оленя, но и камлальный плащ, сшитый из лоскутков дорогих мехов, зазвенел всеми колокольчиками, звонкими амулетами, кольцами и медвежьими зубами, которыми был украшен. Вслед за колдуном я пошёл плясать.

Будто мы летели через снег и ветер, по земле и над землёй, мимо луны и звёзд высоких, по Вселенной мы летели.

Много чудного, таинственного, непонятного увидели мы на пути. Глаза мои смотрели, а душу мою мучили то

добрые, то злые духи, которых Великий колдун белой тишины просил воспитывать меня, испытывая всем, чем полна жизнь... И будто в огне горел я, и леденел от холода... То искали мы съедобные травы и спасали людей от голода, то лечили больных детей и охотников...

Пройдя эту нелёгкую дорогу, мы спустились на землю, вернулись в чум, где я впервые увидел Великого колдуна белой тишины...

И слышу я голос старика:

— Пора, пора спускаться на грешную землю. Долго мы с тобой летали. Ты всё вынес... Молодец! В тебе я вижу сильного духом!.. А ты видишь меня?

Вижу, передо мной сидит обыкновенный старичок. Белые волосы, реденькие усики... В руках у него бубен и лапка гагары. И камлальный плащ на нём. Сидит он передо мной, смотрит своими узкими глазами пронзительным взглядом. А я лежу на оленьей шкуре... То лихорадит меня, бросает в дрожь, то я горю, как в огне, льёт из меня пот...

— В тебе я вижу человека, сильного духом! — сказал тихо старик, глядя мне в глаза. — Ты можешь быть шаманом. Только надо тебе совсем спуститься на землю и исполнить три земных шаманских дела...

Иди опять по земле. Но не так, как раньше: возмущаясь, ругая, проклиная несправедливость, творимую на земле. Иди по земле. Смотри. Слушай. Старайся понять голоса деревьев и трав, птиц и рыб, голос воды, земли, неба... Вспоминай, о чём я тебе говорил, о чём сам узнал. Отвечай на вопросы, которые тебе, путнику прозрения, зададут жаждущие знания и прозрения люди... Ты можешь быть и исцелителем людей и животных, когда на них найдёт зараза, недуги и болезни. Можешь спасти их от голода, найдя съедобный корень.

И пошёл я по земле. Однажды в одном чуме вижу: лежит женщина. Она лежала на шкуре, больная. У той женщины был вздут живот. После камлания и священного питья вздутость прошла и больная совершенно здоровой встала на ноги.

— Ты Великий шаман! — сказала благодарная женщина, отдавая в награду упряжку из трёх белых оленей.

— Мне оленей не надо! — сказал я. — Мне довольно куска мяса да благодарного слова.

В другом месте я вылечил мальчика — мне в благодарность дарили шкурку соболя, а я попросил только белку.

В третьем месте пьяного мужика вернул к трезвости. И ничего не взял. Вернулся я к Великому колдуну белой тишины, рассказал ему обо всём.

И он сердито проговорил:

— В тебе я вижу сильного духом. Но ты не будешь Великим шаманом. Ты сам из бедных. Ты слишком добр и жалостлив. За камлания — нужна награда. И чем щедрей она, тем лучше. Шаман, как купец, должен мечтать о богатстве. Выше обладания богатством нет мечты на этой земле.

И ужаснулась моя душа. Ведь я мечтал бороться с купцами, с богатыми, с несправедливостью...

Но Великий колдун белой тишины все мои доводы разбил в пух и прах. И я долго ещё ходил по земле, камлая, стараясь лечить и предсказывать судьбу, и увидел своими глазами, как хотят люди богатства!

Неужели ты, мой лучший ученик, моя надежда, увидел другое? — обратился Якса к Журавлю, который сидел и внимательно слушал тихую и спокойную исповедь своего старого учителя и друга.

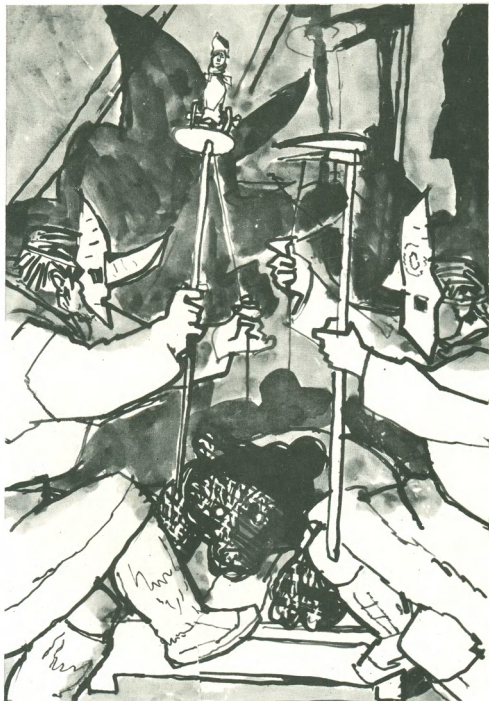
— Увидел! — просто сказал Журавль, благодарно глядя на Яксу за его искренний рассказ.

— Неужели твои друзья, люди Революцы, способны изменить дух жизни? — пытливо спросил Якса, вызывая ученика на такую же откровенность и искренность, какие он сам только что проявил.

— Мне трудно тебе, мой Учитель, всё рассказать словами. Ты сам мудрый... Смотри. Слушай. Мы, хотим, чтобы люди были счастливы и добры друг к другу. Вникай в наши дела... И сам увидишь. Поверь мне, мы так нуждаемся в твоём мудром слове, которому верят наши люди...

В это время за чумом залаяли собаки. К стойбищу подъехала чья-то упряжка. Якса подбросил дров в очаг, поддерживая тем самым гаснущий огонь. Но сокровенная беседа погасла, сорванная приездом гостя...

*Кто приходит к дыму чума
Иль найдёт костёр потухший
В поле, в тундре иль у чума,
Будет гостем, — добрым словом,
Угощением и едою
Должен быть вначале встречен!
Если хочет, пусть расскажет:
Кто, откуда и зачем он...
Если нет, никто не должен
Гостя спрашивать: откуда,
Чей ты будешь, незнакомец,
За каким идёшь ты делом!
А теперь добром ступайте,
Расскажите в ваших чумах,
Как под старость вы учились
Обхождению с гостями...*

— Дохтур Ия, приходи на игрище, — спустя несколько дней просила молодая женщина, приехавшая в Красный чум с дальнего становища. — Приноси с собой поющий ящик — патефон. Вместе попляшем. Искупи вину за то, что наши охотники пролили кровь «в лесу живущего».

Ия сначала ничего не поняла. Она не знала ещё, что медведя манси не называют по имени. Они обычно думают, что дух медведя услышит своё имя. И тогда говорящему не уйти от тяжёлой когтистой лапы.

Ия приехала на званное игрище. Перед входом в игровой чум всех опрыскивали водой, снегом мыли. И когда везли из леса медведя, снег летал, люди летали, купаясь, барахтаясь в сугробах. А из лесу раздавались выстрелы. Раз, два, три, семь выстрелов... Выстрелы ближе, ближе... Это был таинственный знак, сигнал к встрече священной головы медведя... И вот едут охотники. Один весь обвешан шкурками белок, другой — лисицами, третий — соболями...

... Снег, снег, снег... Одежда людей вся белая, щёки белые, ресницы белые. По щекам текут слёзы. Нет, это не слёзы — это на лицах тает снег. Снежинки над юртами, снежинки над чумом. Играют в снежки олени, собаки, люди. Играют в снежки седые, как ягель, старики и озорные, вертлявые малыши. ... Снег, снег, снег. Смех, смех, смех. Начало медвежьего игрища.

В этот праздник много смеху.
И шумит, шумит народ.

А над лесом даже эхо:
«Выходи, играй!» — поёт.

Вечером народ собрался в самом большом чуме. Люди рассаживались на шкурах, разостланных вокруг костра. В священной части чума — столик. На столике «сидела» медвежья голова. Разукрашена была она, разнаряжена. Лентами, бусами, кольцами, серьгами сияла. У медвежьей головы сидел сильно похудевший за время болезни Якса. Он то бил в бубен, то о чём-то пел, то говорил какие-то нескладные, непонятные слова.

Ужаснулась вначале Ия, что её, советского врача, посадили рядом с этим стариком, которого называют страшным словом — шаман. Потом, увидев приветливые глаза людей, успокоилась. Кажется, её считают своей, ведь рядом с самим шаманом посадили! Видно, не пропали даром её борьба с оспой, беседы с женщинами на красных посиделках, а самое главное — успешная работа всех активистов Красного чума...

С удивлением смотрел Сава и на медвежью голову, и на шамана Яксу, и на доктора Ию, словно ожидая волшебства...

Но случилось непредвиденное.

Позже всех приехал на таёжный праздник старик Сас. Он молча сел на предоставленное ему почётное место. Раскурил трубку. Пуская дым, угрюмо глядел себе под ноги.

— Что случилось, старина? — спросил участливо кто-то.

Долго молчал старик Сас. Потом, подняв глаза к священной медвежьей голове, сказал тихо:

— У меня угнали оленей.

— Как? Кто? — слышались удивлённые голоса. Все знали, что у старика оленей по пальцам можно пересчитать.

— Злые духи, наверно! — съязвил с насмешкой кто-то.

— Незачем, кажется, старика наказывать, какой грех он мог сотворить?

— А может, кто-то из людей угнал? — донёсся чей-то голос с левой стороны чума.

Наступило долгое молчание. Ведь среди манси воров почти никогда не бывало. Их дома не знают замков. А о чумах и говорить нечего. У них и дверей-то нет: раздвинь шкуру — и ты в жилище. Даже в лесу никто чужого не тронет. Редко случается, чтобы кто-нибудь взял яйца из помеченного другим охотником гнезда птицы или вынул рыбу из

чужой ловушки. Подобное происшествие считалось из ряда вон выходящим.

— Если бы духи или волки, то они угнали бы стадо в лес,—после некоторого молчания снова начал Сас.—А то следы вели в сторону большой оленьей дороги, по которой прошли олени другого стада... Хотя был большой снег... Но под еловой лапой всё равно следы видно.

— А священная голова на что? Разве она не может сказать, кто угнал оленей? — крикнул кто-то.

— Верно. Верно... Она должна знать!—поддакнули ему.

— Надо устроить обряд клятвы,—сказал твёрдо третий.

Якса взял в руки бубен и под удары колотушки начал камлание, обращаясь к священной голове непонятными, шаманскими словами. Пронзив всех по очереди пристальным взглядом, он велел положить перед священной головой топор и с острия ножа всем присутствующим подать по куску медвежатины.

Ударив жилистой лапкой гагары в бубен, Якса запел-заговорил в ритм звучанию бубна: «Съедая этот священный кусок, каждый из вас должен поклясться: говорить правду. Если солжёте — то куском этим жирным вам подавиться, ножом уколоться, топором разmozжить голову, да и от тяжёлой когтистой лапы хозяина леса не уйти! Клянитесь же говорить истину!..»

— Клянёмся! — раздались голоса.

— Это Совет! Колхоз берёт оленей! Колхоз — вор!

Сава вздрогнул, услышав сипловатый голос отчима.

— Колхоз, говорите! — Седые брови Яксы взметнулись кверху. Он ударил в бубен, потребовав властно: — Выходи в круг, Колхоз! Клянись!..

Совета, Учителя и некоторых других представителей Советской власти на этом игрище не было, были только врач Ия, Журавль и Красный Корень.

Сияя улыбчивыми глазами, на круг вышел Красный Корень.

— Колхоз мы создаём на добровольных началах, всегда спрашиваем согласия. Советская власть тут ни при чём! — сказал твёрдо Красный Корень.

— Можешь ли поклясться, что ты и твои Советы к воровству оленя не причастны?

— Да, могу! Да вот кусок-то я уже съел. Уж больно он вкусен!

— Клянись огнём! — приказал Якса.

Красный Корень подошёл к огню. Смолистый костёр посреди чума, кажется, запылал ярче. Отблески огня осветили широкое, чуть смугловатое лицо Красного Корня, волосы в завитках и густые брови.

Взглядом живых карих глаз пронзив всех, кто был в чуме, он нагнулся к пылающему огню и, взяв в руки калёный уголь, положил его между передними зубами.

Подержав какое-то мгновение искрящийся уголь, он бросил его обратно в кострище, сказав твёрдо:

— Огонь! Если я виноват — пожри меня!

Потом Якса подал ему берестяной ковшик. Красный Корень, зачерпнув из ведра холодной воды, пару глотков выпил, третий глоток выплюнул со словами:

— Священная вода, если мы, Советская власть, взяли без согласия хозяина оленей...

— Не взяли, а украли! — крикнули сзади.

— Если мы взяли, — продолжал Красный Корень, — то пусть твои струи, священная вода, поглотят меня!

Затем Якса, пристально глядя на Красного Корня, подал ему нож. Красный Корень, знающий все обычаи своего народа, сразу понял этот намёк.

Он подошёл к столику, отрезал кусок сухого медвежьего носа. Подержав кусок между зубами и наконец с отвращением выплюнув его, сказал:

— Коль мы виноваты, то пусть первый медведь, которого я встречу, растерзает меня!

Яркий огонь освещал его стройную фигуру, румяное лицо и звёздочками отражался в зорких карих глазах.

Сава смотрел на него с восхищением. Весь облик Красного Корня в это мгновение опять напоминал ему сказочного героя Эквапыгрыся.

— Не виноват он! — твёрдо сказал кто-то.

— И Советы и колхоз не виноваты! — поддержали несколько голосов.

— А кто же тогда угнал оленей? — задумчиво глядя на священную голову, сказал Няркусь-старший.

После смерти отца и приезда брата Журавля и других работников Красного чума он как-то изменился, не напоминал прежнего, послушного тихого Карася, который покорно пас оленей мироеда Осьмар Васьки. Теперь он был проводником и пастухом оленей Красного чума.

— Пусть даст клятву и Албин, если он говорит, что Совет и колхоз — воры...

— Давай, давай, Албин! Выходи! Отвечай за свой язык, выронивший слова обвинения! — требовали люди.

— Поклянись, если знаешь, что Советы и колхоз — воры, — сказал Якса. — Священная голова нашего лесного собрата не даст в обиду невинного, а накажет истинного виновного...

Сава смотрел на отчима, смело вышедшего в круг. Сначала тот ему показался спокойным. И лапчатые расписные кисы, и цветастая ситцевая рубаша, и косы, повязанные сзади шерстяным шнурком, и бронзовое от ветра лицо — всё, казалось, излучало достоинство, уверенность.

Он так же, как Красный Корень, подержал в зубах калёный уголь, выпил воды из берестяной чаши, поклявшись реке. Лишь перед медвежьей головой, к которой он подошёл, уже еле передвигая ноги, он весь как-то обмяк. Бронзовое лицо его побледнело.

Отрезав дрожащим в руках ножом кусок медвежьего носа, он, озираясь, стал еле слышно бормотать:

— Если я... мой язык сказал неправду, то пусть лесной собрат вырвет его при первой встрече.

Промолвив эту последнюю клятву, отчим вдруг закачался, ноги его подкосились, и он упал на колени. Он стал кланяться в разные стороны, причитая что-то непонятное. Видно, он был уверен, что все добрые духи теперь отвернутся от него и несчастье теперь будет преследовать его на каждом шагу.

Он должен сгореть в огне, утонуть в воде или погибнуть от удара когтистой медвежьей лапы. И когда умрёт он, то все манси узнают, что он дал ложную клятву, и будут вспоминать о нём как о лжеце.

Видно, так думал Албин, отчим Савы, стоя на коленях перед медвежьей головой. Затрещал костёр. Полетели искры солнечными бликами.

А в голове Албина промелькнула мысль, что лучше было бы не врать, а честно сознаться, что ложно обвинил других. Люди постыдили бы его, да и забыли обо всём. Возможно, наказали бы, но легко наказали. Скорее всего простили бы.

Люди сидели молча. Они догадывались, что Албин дал ложную клятву. Они ждали, что будет дальше. Албин

приподнялся, обвёл глазами присутствующих. Глаза людей говорили, что они не верят ему. Сава с болью в сердце смотрел на отчима. Он заметил, что на лбу у того выступил пот, а в глазах выразилось страдание. Албин посмотрел ещё раз на людей, обвёл всех страдальческими глазами и вдруг стал кланяться каждому чуть ли не до земли.

— Виноват я, виноват! — рыдающим голосом проговорил он. — Виноват я, что принёс ложную клятву. Виноват я перед огнём, водой и медведем, виноват перед богами, перед всеми вами до смерти виноват. Я угнал оленей старика Саса. Так мне приказал Железная Шапка. Он же князь!..

Раздался ропот. Люди негодовали. Наконец чуть успокоились, стали совещаться, как наказать Албина. Но все придуманные наказания тут же отменялись большинством, люди считали их слишком строгими. Одни жалели несчастного, хотя он оказался лжецом. Другие говорили, что виновный достаточно наказан уже теми муками, которые он перенёс сейчас перед людьми.

Спорили долго. Ночь уже склонилась к утру. Пора было людям отдохнуть. Но заспорившие не замечали времени... Тогда Якса стукнул в бубен и предложил:

— Албин очистил себя перед людьми тем, что признался в своём низком поступке. Пусть теперь он очистится перед богами приношением жертвы.

— Э, нет! — воскликнул Красный Корень. — Пусть вернёт оленей пострадавшему.

— Старик — должник князю! — стал кричать Осьмар Васька. — Его стадо угнали за долги.

— Никаких князей теперь нет! И долгов тоже! — снова стал держать речь Красный Корень. Он дал понять, что уважает вековые традиции тайги. Говорил о Советской власти, о Ленине, колхозах, новых законах жизни... О многом он говорил. И Сава запомнил вот что:

— Вы, вероятно, думаете, что у Советской власти нет законов. Они есть. Хорошие законы. Эта власть даёт нам, таёжным и тундровым людям, право самим для себя создавать законы, устраивать свою жизнь по своим добрым обычаям, творить свой суд.

Власть, заботясь о нас, издаёт такие законы, при которых мы сможем жить хорошо. Я вас познакомлю с этими законами, может быть, какой-то закон не совсем подойдёт

вам, тогда вы скажете об этом. Советская власть его исправит. Она всегда пойдёт вам, народу, навстречу. В создании наших законов участвует весь советский народ — трудовые люди, такие же, как вы. То, что вы здесь предлагаете разумного, то власть наверху и сделает, что вы считаете нужным.

Красный Корень только кончил держать речь, как Журавль тронул струну — и снова будто высоко-высоко, под самыми облаками закурлыкала журавлиная стая.

Посреди чума ярче запылал смолистый костёр. И сначала тихо-тихо, а потом всё громче-громче поплыли звуки из-под тонких пальцев музыканта. На его простодушном, открытом лице играло счастливое детское выражение. Лишь живые чёрные глаза его лучились таинственным светом.

Тихие, вкрадчивые звуки постепенно становились уверенными, будто птица набирала высоту. Наконец, рассеянно скользя взглядом по лицам собравшихся, Журавль с вдохновением заиграл на всех струнах. Казалось, крылья ветра приносили дивные звуки на струны музыканта.

С любопытством смотрел Сава на Ювана Няркуся, на его кудрявые волосы, спадающие до плеч, на его многострунный журавль, выводивший под тонкими пальцами музыканта очаровательные мелодии... Простыми мансийскими словами Юван пел о медведе, о людях тайги, о борьбе добра со злом... Пел и о чудесном каменном чуме — Ленинграде, о ярком свете, исходящем от книг и знаний, о новых днях, когда свет солнца будет радовать людей одинаково, независимо от цвета лица и глаз, языка и наречий...

Журавль пел и о сказочном прошлом, и о светлом грядущем дне мансийского народа, который сквозь жестокую борьбу несли на своих плечах люди Красной легенды...

Как ни странно, но медвежье игрище в тот вечер помогло людям Красного чума сказать таёжному и тундровому народу правду. Многие отвернулись от Железной Шапки и его банды.

*В тихом сумраке, как тени,
Крались волки стороною
Шагом волчьим, вороватым,
По следам лосей тяжёлых,
Где-то в чаще отдалённой
Волки, окружив лосиху,
Чуть отставшую от стаи,
Ей кидались на загривок.
Сильный зверь их бил ногами,
Разрывая им утробы,
И они ползли по снегу,
Оставляя след кровавый.*

В марте — в месяц наста — солнце стало поднимать свои золотые крылья — уже выше обычного оно кружило над тайгой и тундрой. Днём снег мягчал, к вечеру синело небо, а ночью снег становился звонким и утром снова звенел серебром под ногами. Порою с юга стала заветривать оттепель. Правда, нередко хмурилось небо, исчезали звёзды, ощетинивался север холодным оскалом метелиц и морозов. Но уже чувствовалось в воздухе дыхание долгой северной весны.

К этому времени стада подошли к предгорьям.

Вдали солнечный гребень Урала сиял ослепительным блеском, отливая серебром и лазурью. А над ним вздымалось мартовское небо, тоже ослепительное и яркое, как снег. Вокруг одетых в серебро вершин повисли лёгкими клочьями белые облака.

Над белыми горами, над белыми облаками, над белым лесом ходило солнце. У мартовского солнца есть своя причуда. С одной стороны оно так и палит тебе в лицо, а другая сторона лица у тебя в тени, замерзает. В тихую погоду, при ясном небе в полдень порой становится так жарко, что можно сбросить с себя малицу. Но достаточно облачка или тени дерева, которая загородит солнце, — и человека насквозь прохватит холодом. Кожа на лице в марте лупится, сходит несколько раз, а потом становится сухой, жёсткой, как пергамент, и бронзовеет...

В марте снег особенно глубокий. Сугробы как горы. Олени вязнут в снегу. Тяжело идти оленям. Наст режет ноги...

Стада остановились в предуральной тайге. Стойбище от стойбища находились недалеко — всего в двадцати — тридцати километрах, а иногда и того меньше.

Рядом с этими стойбищами в середине зимы появился новый чум. Красный флаг на нём горделиво колыбался в морозном воздухе. Летели навстречу приближающимся нартам яркие лозунги, развешанные на чуме.

Красный чум взбудоражил весь олений край ханты-мансийской земли...

Однажды в стойбище, где стоял чум Албина, отчима Савы, приехал купец по прозвищу Налимий Хвост. У людей культбазы был магазин Интегралсоюза. Интегралсоюз — это не человек и не имя человека. А такая организация, она принимала пушнину и торговала необходимыми товарами. За деньги. В этом магазине всегда была постоянная цена. Не так, как при купцах. Их будто ветром сдуло с Севера после революции. Поэтому, когда в стойбище появился Налимий Хвост, все удивились.

В растерянности смотрел Сава на купца. Про купцов он слышал лишь в сказках да в рассказах бабушки.

Купец Иван, человек тучный, коренастый, с рябым лицом и заплывшими от жира глазами, не торопясь отдавал приказания своим людям. А их у него было несколько человек. Люди купца тоже были одеты по-северному в шкуры. Рядом с каждым ружьё...

Глуповатое лицо Ивана, его жиденькая бородка были очень хорошо знакомы старым манси. И они добродушно приветствовали его, одаря дружественным словом: «Пася!»

А купец, небрежно кивнув им в ответ, как в былые времена, заговорил:

— Постойте! С пустыми руками я не стану здороваться. Вот сейчас угощу ласковых хозяев.

Стойбище вдруг превратилось в дикий бивуак — купец Иван поставил посреди стойбища бочонок с «огненной водой».

Сначала он поднёс стакан старикам. При этом лез целоваться и говорил:

— Здравствуй, брат. Слава богу, что свиделись.

Со стаканчика «огненной воды» старики повеселели, приосанились. Начали подходить парни, женщины, девушки. Всех угостил Налимий Хвост, никого не обидел.

Между тем на нартах был уже разложен товар купца. Кругом краснели ситцевые платки, рубахи, платья, коробо́чки с медными серьгами, стеклянные бусы, пачки листового табаку, разрисованная красками деревянная и жестяная посуда, ножи, топоры...

Все бросились к товарам, явившимся как по волшебству.

— Бог на помощь, друг, кончай работу! — продолжая угощать, кричал купец Иван. — Пора отдохнуть, братцы, надо повеселиться, потешиться!.. Много зверья добыли? Хватит ли соболей-белок на весь мой товар?

Люди кинулись к своим чумам, тащили кто лисицу, кто белку, кто росомаху или рысь, а кто и самого соболя, а то и выдру и бобра...

Налимьему Хвосту только этого и нужно было. Его самогонная водка вдесятеро окупалась этими подарками. Началась торговля. Все женщины, девушки были возбуждены, лица их горели. Они хохотали, взвизгивали, отнимая друг у друга перстеньки, медные колечки, стеклянные бусы, платки и косынки. Они меняли между собой выбранные вещи, шумели, суетились.

Мужчины не удовольствовались угощением щедрого Ивана. Оно только возбудило в них желание выпить ещё и ещё по стаканчику. Они теперь приставали к нему, предлагая лучшую шкурку, красивые камусные кисы, расшитые орнаментом.

Впрочем, Налимий Хвост ничем не гнушался. Брал не только мех, но и грубые оленьи шкуры, мясо...

Не забыл спросить и налимов. Когда-то до революции, странствуя по паулам в зимнее время, он любил лакомиться не только нежной оленьей печёнкой, но и собирал свежих налимов, вывозя из паулов этой нежнейшей рыбы целые возы. Наверно, эта его страсть и дала повод какому-то острослову-манси дать купцу Ивану кличку Налимий Хвост.

Месяц белой рыбой плыл по звёздному небу, освещая горы, вершины деревьев и серебряную поляну, где шла суতোлка.

И вот купец Иван, окинув опытным глазом толпившихся вокруг него людей, начал соображать, сколько им нужно выпить ещё, чтобы окончательно потерять разум. Он потребовал чохом соответственное количество мехов. Отдал взамен бочонок самогонки и, бросив презрительный взгляд

на хмельных манси, сел в нарты и покати́л на Север, в сторону ненецкой тундры, где его ожидал бескрайний простор, где ещё царил не только холод, но и настоящая дикость жизни.

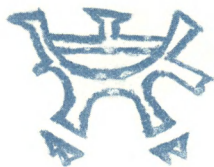
Там, в глухом краю, купец Иван чувствовал себя ещё хозяином. Правда, всюду ему на пятки наступала Советская власть, её магазины.

На следующий день люди опомнились, начали соображать. Один за другим просыпались упившиеся оленеводы, охотники. Многие, очнувшись, долго не могли понять, что с ними произошло и почему они, вместо того, чтобы спать в своих чумах, лежат на снегу. Все чувствовали себя разбитыми. Будто злой дух поколотил их и вынул душу. Многие ругали себя за вчерашнее поведение. Жаль было пропитых, отданных за бесценнок шкурок, добытых с таким трудом.

Что же у них оставалось взамен? Стекланные бусы, медные колечки, блестящие солдатские пуговицы для кос. Гнилое сукно на орнамент да горсть подмоченного пороха с грошовыми пистонами...

Нет, советские работники торговли за шкурки выдавали не только хлеб и соль, но и отличный порох и дробь, ружья и добротный материал для платьев. В Красном чуме не спаивали водкой. Торговали честно.

Как только в стойбище появились люди Красного чума, так сразу же они направились по следу купца Ивана. Его нужно было окончательно ликвидировать.

*Ночь и тьма сошли на землю,
В небесах зажглись звёзды,
Совы, филины, как тени,
В темноте осенней ночи
Меж деревьев замелькали...
Лес шумел, на тихом ветре
Сонно ветками качая,
Ухал сыч и щёлкал филин
На суку сосны высокой...*

А ночью отчим продал Саву. Вернее, пропил.
Случилось это так.

Долго смотрел Сава на торговлю купца Ивана, на костры, на ликующих людей, опьяневших от водки, от блеска безделушек. В небе уже зажглись звёзды, начинало играть северное сияние.

— Иди, Сава, спать! — позвала мама, появившаяся внезапно. Она тоже была чуть навеселе. Пошли в чум. Легли спать. Не успел Сава уснуть, как за чумом послышались крики людей. В тот же миг отлетела в сторону от удара ноги шкура у входа. И в чум ввалились двое. Тяжело ступая непослушными ногами, отчим кричал:

— Заходи, заходи, друг Иван! Ты хороший рума, хороший друг! Садись на хорошее место у огня. Почётным гостем будешь.

Налимий Хвост грузно опустился к огню. На брёвнышко сел.

— Почётному гостю — большой стол! Подавай, жена, угощение! — кричал пьяный отчим.

Мама белой куропаткой выпорхнула на улицу. И скоро на столе появилась строганина из печёнки, варёные оленье языки.

— Видишь, рума! Стол для тебя, самого почётного гостя, хороший. Да «огненной воды» нет у меня. Ты хозяин «огненной воды». Почему ты другу Албину не даёшь больше «огненной воды»? Угости ещё немного!

— А что ты дашь взамен? Чем платить будешь?

— Дай, друг, — быстро пьянея в тепле, умолял отчим. — Я последнего соболя тебе отдал. Шкурок больше у меня нет. Бери чего хочешь. Жену бери. Опозорен я на медвежьем игрище. Лишь «огненная вода» мне вернула веселье.

— Твоей жены мне не на-адо!.. — протянул Налимий Хвост. — Некуда мне её с собой везти.

— А если я тебе дам мальчика? — впившись мутными глазами в Саву, запинаясь, проговорил отчим.

— Мальчика? — обратив внимание на Саву, протянул купец Иван. — А что он умеет делать?

— Научишь чему-нибудь. Будет за тобой бегать, как собака. Всё будет делать.

— В старое время я бы купил. А теперь... Убежит ведь он от меня. Да и Советы не позволят, судить будут.

— Не убежит! А Советам я покажу, как совать нос в чужие дела! Сам пойду с тобой. Пока мальчик не привыкнет к тебе! Собака и то приучается. Дай «огненной воды»!

Налимий Хвост поставил на стол бутылку. Зазвенели кружки. Выпили.

— Вот это ты говоришь дело, — похвалил отчима купец. — Нам теперь люди во как нужны! Скоро война начнётся. Урал — нашу ледяную крепость — надо кому-то защищать! Если серьёзно говоришь, — дам я тебе «огненной воды» хоть бочонок. А ты отдавай мальчика. И сам собирайся в путь-дорогу. Мои люди помогут тебе сложить в нарты чум.

Отчим потянулся к Саве. Испуганная мать прикрыла сына своим телом.

Отчим силой вырвал из её рук Саву, отбросив в угол обессиленную в борьбе женщину.

— На, бери! — кричал он, подталкивая Саву к Налимьему Хвосту.

Сава рванулся. Хотел бежать. Но резкий удар по голове свалил его... А дальше всё было как во сне.

Он слышал плач мамы, крики отчима, требовавшего скорее собираться, складывать вещи, разбирать чум и грузить всё на нарты...

... Наступало утро. Жена отказывалась ехать с Албином. Каждую минуту кто-нибудь из оленеводов, особенно Сас-Сипаль, мог увидеть, что происходит в семье. Да и слова купца Ивана: «Советы не позволят продать мальчика,

судить будут» — теперь, когда он протрезвел, до того напугали Албина, что он оставил жену с двумя детьми у разобранного чума и уехал вслед Налимьему Хвосту.

Кругом были раскиданы старые оленьи шкуры, над головой — холодное небо, огонь в кострище едва вспыхивал, да на ветру и морозе разве он мог согреть потерявшую сознание женщину с двумя маленькими детьми.

Рано утром, как и предчувствовал Албин, люди Красного чума, узнав о воровской сделке, которую учинил Налимий Хвост, пустились его догонять, чтобы отобрать у купца наворованное и наказать за устроенную попойку.

Совет, Красный Корень, Журавль и Учитель быстро запрягли несколько оленьих упряжек и помчались вдогон, по свежему следу. В тайге они наткнулись на разобранный чум. У потухающего костра в полузабытьи сидела женщина, прикрывая малицей крошечных детей. Казалось, она совсем замёрзла.

Увидев Учителя, женщина сипло закричала:

— Увезли сына, сына продал муж купцу за водку, спасите Саву! — Она так заплакала, что теперь, кроме слова «Сава», никто ничего не мог разобрать.

— Как это продал? — с возмущением спросил Совет. — Да за такие дела их обоих следует привлечь к суду!

Учитель помог женщине подняться. Её и детей усадили в нарты Журавля и повезли к Красному чуму. Женщина не переставая плакала. В Красном чуме на почётном месте восседал старик Якса. Доктор Ия показывала ему лекарства, объясняла, из чего они сделаны. Говорила о болезнях, при которых они помогают выздороветь. Особенно Яксу заинтересовало лекарство, что вылечило его самого.

Увидев доктора Ию, мама Савы заплакала ещё громче, простёрла руки к выходной двери чума и стала кричать:

— Помогите! Помогите!

— Замолчи, женщина, дай говорить мужчинам! — строго прервал её шаман Якса.

Наступила тишина. Заговорил Журавль:

— Купец Иван выторговал у Албина мальчика за водку, увёз Саву от матери.

— Албин уже второй раз, как бешеная собака, нарушает законы тайги, — начал Якса. — Он украл у соседа оленей, продал свободного манси. Албин заслужил суровой кары... Я сказал!

— Надо как можно скорее спасти мальчика, моего лучшего ученика, — попросил Учитель.

— Куда повёз Налимий Хвост Саву? — спросил Якса у матери.

— Они говорили о Медном городе.

— О Медном городе? — глаза Яксы превратились в щёлки. — Я знаю, где это!

Когда Сава пришёл в себя, было серое морозное утро. Нарты быстро и легко скользили по утрамбованному ветром снегу, постукивая, скрипя полозьями, то бросаясь из стороны в сторону, то падая в рытвины. Эта быстрая, захватывающая дух езда на легконогих оленях, снежная пыль, что вьётся над нартой, сковали ресницы Савы, запорошили лицо, и он, проснувшись, долго не мог как следует раскрыть глаза, рассмотреть окружающее.

Наконец, когда совсем рассвело, он увидел горы. Они, словно белые стены, стояли совсем рядом. Вершины гор курились. Олени отпыхивали целые столбы пара. Рога их заиндевели. И шкура тоже. Целое облако пара двигалось, колыхалось над ними. И казалось, горы играют... Горы... Урал... Для Савы Урал был знакомой с детства сказкой, которую знал, любил всей душой каждый манси. С Урала начинается олений край. На склонах волшебных гор, богатых ягелем, кочевали летом манси. Когда играет большое солнце, на горах прохладно, ущелья украшены орнаментом, остатками зимнего снега, а на самых вершинах ходит ветер, плавают облака. Оленям хорошо — оводы не кусаются, комары и гнус не липнут. А внизу, в зелёной долине, где ошетинился смешанный лес, переходящий на горизонте то в дремучий урман, то в ледяную землю — тундру, летом стоит жара, зудят мириады комаров, духота...

Спасаясь от бича Севера — комариного ада, — оленевод-манси устремляется в горы, как только пахнёт весной, едва только на сумрачном небосклоне проглянет синее небо.

Горы, горы без конца и края. Одни громоздятся острыми пиками, другие выказывают из-за соседей плоские шляпы, третьи плывут вдали, как большие рыбы в синем море. Синь прозрачная пеленает горы. Горы тонут в сини. Травы колышутся под лёгким ветерком, цветы смотрят яркими глазами, мхи стелются под ногами оленей. Счастье оленям бродить

по этим склонам. Счастье человеку жить на этих вершинах...

Олень есть—есть мясо, одежда, дом, сытые дети... Олень есть—счастье есть. Вот почему манси любит оленя. Вот почему он летом из глухих урманов своей тайги стремится на вершины.

А в тайге, у берегов рек и озёр остаются лишь те, у кого нет оленей, кто вынужден кормиться рыбой и мясом зверей, подкарауленных на трудной охотничьей тропе. Таких манси больше. Они живут в паулах, в небольших деревянных избушках с тёплым очагом—чувалом. Вместо оленей у них—лодки, лыжи, собаки... И лошади есть у таких манси, и коровы... И всё же и они жаждут встречи с сородичами-оленеводами, которые продают не только вкусное-превкусное оленьё мясо, но и шкуры, из которых вся одежда манси, разрисованная орнаментом неповторимой красоты и яркости. В кружеве узоров и линий, в сочетании замысловатых фигур, вышедших из-под рук мастериц, на одеждах опять и опять плывут рога оленей, и волнистые горы, и зубчатый лес...

Зимой горы трещат от мороза. Мороз злится в горах, буран ходит, северный ветер беснуется. Зимой лучше в тайге... Оленеводы-манси гонят свои стада ближе к паулам, с сородичами встречаются, приносят жертвы богам, на священных плясках пляшут, резвятся на медвежьих игрищах, сказки рассказывают, песни поют, душу друг другу открывают, про сокровенное говорят, стараясь почувствовать себя людьми большой земли...

Рядом был Урал—мансийский Олимп. Кругом играли на солнце горы. Но Сава ничему не радовался. Он был крепко привязан к нарте...

Отчим продал Саву купцу Ивану.

Купец Иван, как и договорились, преподнёс отчиму за это «огненной воды».

— Будешь делать всё, что прикажет тебе хозяин, — уходя из дома купца Ивана, сказал пьяный отчим.

Купец жил не в чуме под горой, как простые оленеводы, а в доме, который находился в городище.

В городище играло дымками множество чумов. Оно стояло на не очень высокой, но крутой горе. С одной стороны—узкая горная речка, с другой—озеро. И речные и озёрные берега отвесные, скалистые. Над ними нависала

стена Уральского хребта. В сторону восхода солнца до самого горизонта раскинулась необозримая мансийская тайга. Верхушки елей как шлемы сказочных богатырей. Шлемами казались и острые гребни гор, тянувшиеся на север. Рядом втиснулись две ровные вершины, одна из которых напоминала бубен. На другой, лысой, стояли три прямоугольных камня. Издали они выглядели настоящими каменными богами. Дальше горы, горы... Саве они казались такими близкими, что ему хотелось помчаться туда со всех ног и сразу вскарабкаться на самую высокую вершину, тающую в облаках. А внизу — речка. Она извивалась, бежала по приполярной тайге и терялась в синевато-белом предгорье.

С городища, приютившегося на ровной площадке, открывался чудный вид на озеро, белевшее между вершинами кедров и елей.

Отвесная скала зеленовато-белой крепостью возвышалась над рекой, над озером, над серыми скалами.

Городище состояло из трёх домов, сложенных из толстых брёвен, наполовину ушедших в камень.

Со стороны эти дома были совсем незаметны.

Трудно представить более простое, более естественное укрепление. В тревожное время городище служило убежищем для княжеской семьи, могло дать приют его родственникам с их добром. Двери домов тщательно обиты медными пластинами. Может, потому этот городок, пристроившийся среди скал, и называется Аргин-Ус — Медный городок. Говорят, в таких городках жили богатыри и князья в сказочно далёкое время.

В доме купца Ивана Сава колол дрова, топил печь. Печь была не открытой, как чувал. Она закрывалась дверцей, заслонкой. Сложили печь то ли из гладких камней, то ли из кирпича, и называлась она русской печью. На полу и на потолке белые, гладко струганные доски. Две просторные комнаты с деревянными кроватями, крытые сени... Всё в доме было как в русских домах, которые Сава видел в культбазе. Только этот дом наполовину был высечен в горе... Потому и днём здесь было сумрачно: сквозь два небольших стеклянных окошка свету проходило немного.

Сава мыл пол, носил воду. Хорошо, что вода была рядом. Она живой, булькающей струёй била прямо из горы, нависшей над домом отвесной стеной. Манси называли

речку живой водой, каменным ручьём, её журчание называли священной речью малой горы богов...

Всё делал Сава, никакой работы не боялся. Бабушка многому его научила. Она раскрыла ему тайны повадок хитрых лисиц и белок, приучила внука по звёздам отыскивать дорогу в тундре, ставить шалаш из хвойных веток, разжигать огонь на снегу...

Десятилетний мальчик рос выносливым, крепким. В его руках уже играла сила. Он мог натянуть упругую тетиву настоящего лука, гнать дикого оленя по снегу. Никто из мальчишек не умел так ловко кинуть на рога оленя тынзян, поймать животное, остановить, чтобы запрячь в упряжку, — дома, у бабушки, Сава выполнял мужскую работу.

Сверстники признавали Саву сильным и ловким. Но они его не боялись. Знали: Сава зря не обидит.

А в этом доме его обижали. Купец Иван хвалился своей живой покупкой. И перед соседями и перед бывшим подпоручиком, который жил здесь же, в Медном городище, и перед посланником, как называли приехавшего вчера из-за гор русского человека, и перед Железной Шапкой, и Осьмар Васькой. Все они по десятку раз в день заходили в дом купца Ивана, у него на столе всегда стояла бутылка с прозрачной «огненной водой»...

Гости с любопытством осматривали мальчика, ощупывали, хохотали, как филины, когда Сава пугался какой-нибудь страшной их выходки.

Постепенно в душу Савы вкралась ненависть к этим людям. С ними было жутко. Когда его оставляли в покое, он забивался в угол, скучал о своём пауле, о бабушке, вспоминал маму и Учителя. Ночами мальчик видел сны: он сидит за партой, на белой, как песок, бумаге выводит буквы. Когда о нём забывали, он часами не вылезал из своего убежища, голодал, мучился от жажды и неподвижности, но упрямо сидел, ничем не напоминая этим извергам о себе. И даже когда за ним приходил сам купец Иван или Осьмар Васька, Сава сразу не выходил, они вытаскивали его из угла за руку или за ногу, а Сава отбивался, кусался и плакал. Раньше, дома, он не умел плакать. Даже когда падал с кедра, или ранил ножом руку, или его кусала злая собака, — Сава всегда молчал. Помнил наказ старых манси.

— Когда собака притащит щенят, их надо вынести на мороз и бросить в снег, — учила бабушка Саву. — Тот щенок,

который заскулит и поползёт к матери, — плохой, никчёмный. Слабая собака вырастет из него. А который молчит на снегу или — ещё лучше — в лес ползёт, — того береги пуще себя. Сильным будет пёс, как волк, добрым другом будет, как настоящий человек.

А здесь, в доме Налимьего Хвоста, Сава часто плакал. Не от боли, а от отчаяния и злости — злости на отчима и на всех своих мучителей. В такие мгновения он был похож на затравленного зверёныша, который решил дорого заплатить за свою жизнь. И это особенно нравилось его мучителям.

— Дикарь!

— Язычник!

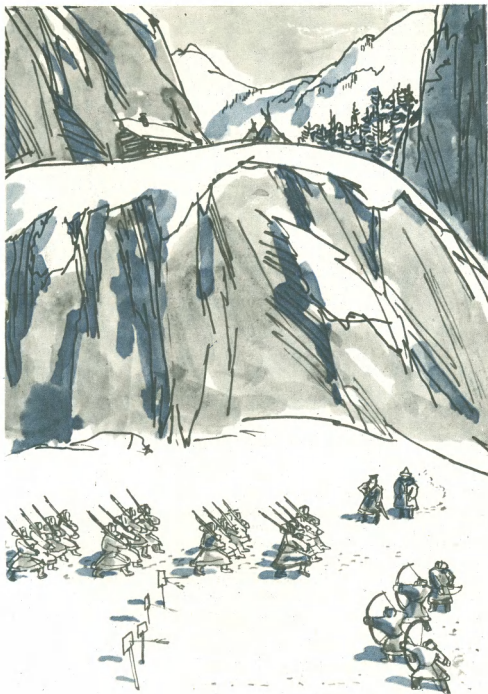
— Раб! — сквозь дикий хохот хором галдели они.

— А говорят, Советы сильны! Никакой силы у них нету. Как покупали мы себе холопов, так и будем покупать! — восклицал Осьмар Васька, подобострастно поглядывая на купца Ивана. — Мне бы тоже надо купить такую вещицу!

— Раб! Холоп!

Сава глядел исподлобья. В душе его копилась ненависть. И если он вначале много работал, то теперь он только ждал удобного случая, чтобы убежать. Он не знал, слабы или сильны Советы. Но чувствовал, что люди культбазы добрые! Это он знал твёрдо и ждал, что рано или поздно они явятся сюда и освободят не только его, но маму, сестрёнок, бабушку... и весь таёжный народ.

*Если волки на опушке,
Разложив хвосты по снегу,
В ряд сидят на задних лапах
И не двигаются с места,
Только щурятся на снег, —
Если зайцы только ночью
Выбегают на дорогу,
Чтоб запрятать у талины
В норку тёплую в сугробе
Хвост и уши от лисицы, —
Быть тогда удаче в деле!
Так гласят приметы старцев.*

Приходилось Сава носить дрова, воду и в дом самого князя. Дом князя стоял отдельно от других на широкой площадке, окружённой рвом. Если взглянуть сверху, то его почти не видно. Он словно врос в землю.

Однажды в берестяном ведёрке Сава принёс воду в дом. В доме Железной Шапки было сумрачно. Сквозь крохотные слюдяные оконца проходило немного свету. Посреди жилища на земляном полу горел очаг. Очаг был выложен из камней, какие видел Сава на берегу лесной речки. В очаге играл огонь. Из огромного круглого котла, вросшего, казалось, в камень, шёл вкусный мясной пар.

У Савы защекотало ноздри, слюнки потекли. Хотя мальчику очень хотелось вкусного мяса, его внимание приковал вид княжеского жилья. Только в сказках о Медном городе он слышал нечто похожее. Стены дома были не медные, из брёвен, но, когда Сава дотронулся до них и постучал по ним пальцами, они загудели, будто литые. Вдоль стен — нары, покрытые оленьими шкурами. В священном углу стояло кресло. Оно было устлано шкурой рыси. Видно, на нём восседал сам князь. На стенах висели удивительные вещи. Особенно красив был лук, висевший на священной стороне. Лук был сделан не только из дерева. О его костяных и роговых крыльях и тугой тетиве Сава слышал в сказаниях и былинах... В колчанах торчали стрелы. Они были самые разные: трёхгранные и ромбические, когтистые, тупые, остроконечные, гарпунные. Сава знал, что гарпунными стрелами охотились когда-то на бобра и выдру,

бронзовыми когтистыми стреляли уток и гусей, а с тупыми охотились на мелких зверьков и птиц.

Сава и сам не раз ходил в лес на охоту с луком. И тупой стрелой бил куропаток и белок. Стрелой, называемой томар. Томар не вонзается в дерево, охотник его не теряет.

Висели на стене и остроги, которыми бьют рыбу, и деревянные крючки для ловли налима и щуки. Скребки для выделки кожи, множество ножей, сабель, ружей самой разной формы и размеров. Грудами лежали какие-то сосуды, горшки, чашки, ложки. На ложках, вырезанных то ли из оленьего рога, то ли из кости мамонта, видны были скульптурные головки оленя, гуся, соболя, фигурка чирка, спящего на голове зайца. Сава знал, что этими вещами теперь не пользовались. Вещи эти старинные, священные...

На полочке стояла бронзовая фигурка человека, одетого в малицу с узорами. Над ней висели изображения человеческого лица и голова лося. Эти священные идолы-боги седой старины смотрели изо всех углов и со стен дома. Но Сава теперь не боялся их, как некогда в капище, когда он увидел идолов в первый раз. О сказочном жилье Железной Шапки он слышал. Да к тому же страшнее этих идолов были для него Осьмар Васька и сам хозяин дома — Железная Шапка. Не успел Сава об этом подумать, как оба они явились в дом.

Не замечая Саву, притаившегося в углу, Железная Шапка, поджав под себя ноги, сел на рысью шкуру. Рядом с ним на низкой скамеечке пристроился Осьмар Васька.

Он с удовольствием делал зарубки на палочке с узорами и вполголоса перечислял: винтовок — пятьдесят, пулемёт — один, ружей охотничьих — сто три, наганов — пять, шлемов медных — семь, кольчуг — четыре, щитов — восемь, сабель — двадцать.

— Мало оружия, — перебил его князь, — мало оружия! Но войне... всё равно быть!

— Копий — семнадцать, топоров... — продолжал подсчитывать Осьмар Васька, как в недавнее время, будучи старшиной, он подсчитывал шкурки соболей и лисиц, приносимых в ясак.

Железная Шапка задумался. Осьмар Васька закончил перечислять, он с удовольствием глядел на палочку с вновь выведенными зарубками.

— Сегодня Якса видел сон, — с тревогой в голосе начал Осьмар Васька, — будто ястреб дрался с орлом. Победил ястреб. Ты, князь, славный потомок Нёр-ойки, обладатель грамоты с двуглавым орлом — по знамению шамана — Орёл. А Ястреб — это красные.

— Красные не могут победить: власть их незаконная. Да и весь мир богатых против них... Сам русский начальник, подпоручик, говорил... А Якса одряхлел, совсем с ума спятил. Камлает против нас. Стоит ли его слушать?! — Железная Шапка встал. Поправил княжеское платье, взявшись за рукоять сабли, молча прошёлся по избе, потом продолжал: — Ещё раз надо послать гонцов, пусть скачут по всем паулам, отдельным чумам. И к ненцам, и к коми, и к хантам пусть едут. Кто недоволен красными — пусть становится под наше знамя. Надо раздать гонцам вместо бумаг с печатью трёхгранные стрелы — таёжные люди поймут, что к чему. К нам приедут — у нас места хватит: горы высокие, земля бескрайняя. И оленей хватит. А кто не с нами — их лишим не только оленей, но и жизни...

— У нас мало оружия! — вздохнул Осьмар Васька.

— Оружие будет! Подпоручик обещал... Быть войне! Я сказал!

О войне говорили вчера и подпоручик с русским человеком, посланником, появившимся на днях из-за Урала, долго, горячо спорили, сидя у костра, который они разожгли на улице. А Сава оказался недалеко и всё слышал.

— Это же верная смерть! — говорил приезжий. — У нас мало сил. Не время для стычки. Всюду проникли красные.

Выслушав его и глубоко вздохнув, подпоручик, в свою очередь, сказал:

— Рано или поздно — будет война. Наша работа в медвежьих углах не пройдёт даром! Да и надо воспользоваться несчастьями дикарей! Вишь, они как недовольны колхозами, школами. Думают, что оспа идёт от красных. Непростительно было бы упустить этот момент.

— О-ох! — вздохнул приехавший.

— Да ты не боишься ли смерти?

— Боюсь.

— Не бойся, друг, чем бы это ни кончилось, мы с тобой всё равно ускользнём. И всему миру расскажем о недовольстве дикарей Севера красной заразой!! — Потом, хлопнув приезжего по плечу и глядя в горы, подпоручик

продолжал: — Полярный Урал — неприступная ледяная крепость в ледяной пустыне. Да и мы с тобой считай что находимся в крепости. Это старое мансийское городище. В таких укрепленных городищах годами пряталась княжеская семья с воинами в стародавние времена, когда дикари вели войны с пришельцами. Дикари городище называют Медным, неприступным. Оно, действительно, неприступное. По этим отвесным скалам не взобраться даже скалолазам. Да и узкий проход в пещеры, по которому с таким трудом пробираемся мы сами, надёжно закрыт и замаскирован. К тому же дикари чтут свои языческие обычаи и преклоняются перед этой пещерой как перед святыней. Никто из них без жертвоприношения и благословения шамана не посмеет войти сюда. Да и мало кто из простых охотников и оленеводов знает о существовании этого убежища. Ведь мы находимся с тобой на горе малых богов. Посмотри, кругом высокие горы. Кажется, там-то и прятаться от врагов, строить убежище. А городище вроде неприметно, если взглянуть со стороны. Стоит особняком, спрятанное от глаз.

Самое удобное место для таёжных богов: созерцают сверху свои владения, благодатные места для охоты, для обитания духов леса и людей северного сияния — так думали, видно, эти идолопоклонники.

Сава уже не раз собирался бежать из городища, но убежать было трудно. Кругом отвесные скалы. Он не знал, как поднимаются на эту гору люди. Его привели сюда с завязанными глазами.

Гора малых богов была не выше двухсот сажень. Но со стороны реки и озера невозможно было подняться на её вершину, окаймлённую кедрами и елями.

Теперь, в свободные минуты, Сава стал присматриваться, надеясь отыскать замаскированный выход из священного городища на горе малых богов...

С тоской смотрел мальчик на озеро, серебрившееся под горой. На белом просторе озера народу — тьма. Не раз Сава подсчитывал: не менее трёхсот воинов. (Не больше воинов бывало и в войске древних богатырей.) Одни из них строили укрепления, сгребая снег в кучу и поливая его водой, — получалась ледяная неприступная стена; другие учились стрелять из боевых винтовок и старинных луков; третьи просто маршировали под командой подпоручика...

— Раз-два! Раз-два! — раздавался в морозном воздухе

голос подпоручика в золотых погонах. Он был в полной военной форме. Чуть выцветшая шинель на талии затянута ремнём. На ремне — кобура с наганом, на боку — сабля...

Особенно выделялись на офицере лайковые белые перчатки, чёрный лакированный козырёк сдвинутой набекрень фуражки и бледно-голубые нагрудники с двумя рядами пуговиц. На рукавах шинели выше локтя были нашиты странные знаки: череп, а под ним две перекрещенные кости. Всем людям знак был ясен: смерть!

Днём строили укрепления, ночью при свете костров маршировали, учились воевать. Соорудили на льду озера ледяную крепость, а на дорогах, ведущих к озеру, рубили засеки. На вершинах холмов запасали сухостой и смолу для сигнальных огней. Гонцы с трёхгранными стрелами давно ушли во все стороны тайги и тундры, но, кроме нескольких подкулачников да бывших купчишек, никто больше не пришёл в войско Железной Шапки.

— Всё равно — быть войне! — повторял Железная Шапка, важно расхаживая по огромному княжескому дому, едва не задевая притаившегося за очагом Саву. — Берёзов возмём, Москва сама сдастся. Какую весть принесли гонцы с трёхгранными стрелами? — спросил он у Осьмар Васьки.

— Вести из тайги и тундры — дурные. Да вот и людей пришло немного.

Осьмар Васька стал подсчитывать, загибая пальцы, перечисляя имена бывших старшин, кулаков из ненецкого рода, коми-зырян да нескольких русских купчиков вроде купца Ивана.

— Возможно, купец Иван подпортил нам дело своей торговлей самогоном в стойбищах? — сказал, задумавшись о чём-то, Железная Шапка.

— Я думаю, Якса тоже тому виной, — зло сказал Осьмар Васька. — В последних камланиях он успокаивал людей, звал к миру, к согласию между ними. Не то старик с Журавлём сговорился, не то его, когда лечила, околдовала эта русская шаман-девка... Не принести ли его в жертву на страх остальным!

Саве сделалось холодно от слов Осьмар Васьки.

*Стройный лес, зелёный старец,
Я тебе туманной ночью
Песню новую слагаю:
По кудрям твоим зелёным
Скачут с пышными хвостами
Ланги-белки и куницы,
И в полночи таёжной
Свет луны висит меж веток,
Как натянутые нити
Пряжи тонкой, серебристой
Между небом и землёю!
Лес великий, полный тайны!..*

На другой день Сава решил во что бы то ни стало бежать. А чтобы бежать, надо было найти вход в пещеру, о которой подпоручик говорил приезжему русскому. Сава лазал по отвесным скалам, цепляясь за малую шероховатость, до самой ночи заглядывая под камни.

Однажды на вечернем закате один из голых столбов, возвышавшихся над ровной площадкой, показался Саве медведем. Медведь будто сидел, охраняя небольшую щель в отвесной стене скалы. Белая голова, могучее туловище, большая раскрытая пасть. На фоне заката хозяин тайги казался грозным.

В тот вечер Сава не рискнул больше искать выхода. В темноте духи зла становятся злее. Так думал мальчик.

Дождавшись утра, Сава опять направился к каменному медведю. Но на этот раз он подошёл к нему с другой стороны. И что за чудеса?! Перед ним стоял богатырь в шлеме. Удивился Сава превращению медведя в каменного богатыря. Но не побежал от идола. Знал: утром больше добрых духов. Они не наказывают за любопытство. У Савы появилась уверенность, что рядом с этим каменным стражем должен быть вход в священную пещеру. Сава решил взглянуть и с третьей стороны. И стало мальчику не по себе: перед ним стояла каменная избушка на курьих ножках...

А когда он взглянул на скалу со вчерашнего места, перед ним опять стоял Медведь. Ещё раз обошёл Сава каменное чудище. Оказывается, с разных сторон оно смотрелось по-разному. Кем оно только не казалось: и чудовищным злым Кулем с хищной мордой, и благородным богатырём в остроконечном шлеме, и медведем, священным

предком манси, и избушкой на курьих ножках, каменным капищем богов...

В другой бы раз он стремглав бежал от этого каменного оборотня. Но страх перед заговорщиками, собравшимися в медном городище, заглушил страх перед злыми духами.

— В случае чего, и мальчишку прикончим. Принесём в жертву. Духи любят молодое тело... — нашёптывал вчера Осьмар Васька Железной Шапке. Князь давно был недоволен тем, что холопа допустили до священного городища.

Пересилив страх, Сава полез вверх, к отверстию, напоминавшему медвежью пасть. Снаружи оно было занесено снегом. Но внутри его будто кто-то прибрал. На одном из гладких камней проступало изображение медвежьей лапы.

Сава было отшатнулся. Но голос Осьмар Васьки, раздавшийся неподалёку, где-то у княжеского дома, будто подстегнул его. Сава вскочил в каменную пасть. И когда схватился за краешек гладкого камня, раздался грохот. Камень с изображением медвежьей лапы оказался дверью в каменное капище.

Как и в обычном капище, здесь вдоль стен тоже стояли деревянные идолы, вырубленные из коротких брёвен. Груды сабель, охотничьих ножей, луки, стрелы валялись на каменном полу.

У самого потолка на лосиных рогах висела берестяная маска для медвежьих игрищ. А рядом с ней висели бубен и шаманский костюм. Саве будто слышался звон бубенцов, медных и серебряных бляшек... Однажды в этом костюме он видел шамана Яксу на большом камлании.

Потом его внимание привлекли чаши, которые стояли вдоль стены. От лучей света, проникавшего сюда, они тускло поблёскивали то золотыми, то серебряными бликами. Груды золотых, серебряных, медных монет не привели Саву в восторг, но и не напугали. Он и раньше, в капище около своей деревни, видел сокровища. А серебряная чаша, которая стояла у самой двери с замёрзшей в ней водой, смешанной с землёй и монетами, показалась ему совсем знакомой. Из неё Якса давал ему выпить священной серебряной воды во время камлания.

Внимание Савы привлёк лишь небольшой сундучок из тёмного дерева, обитый медными пластинами.

Открыв сундучок, Сава увидел какую-то старинную бумагу с красной сургучной печатью.

К бумагам теперь у него было особое пристрастие. Он давно уже ничего не читал. И рука Сава потянулась к бумаге, хотелось прочесть её, чтоб испытать то сладостное ощущение, которое он испытывал в школе, когда читал книгу по имени «Букварь».

На поблёкшей бумаге было написано витиеватым почерком:

УДОСТОВЕРЕНИЕ

Выдано настоящее удостоверение родовому князю Железной Шапке, из рода Нёр-ойки,—читал по складам Сава. — Иностранческая управа предоставляет Железной Шапке право собирать ясак, производить суд над неплательщиками и наказывать таковых в пределах закона...

1913 год

Рядом лежали ещё какие-то священные бумаги. Сава с некоторых пор стал относиться к этим священным бумагам проще, как к доступным ему вещам, нужным для того, чтобы узнавать, что было в давнее время, чтобы непонятное стало понятным... На второй бумаге было написано:

МАНДАТ

Выдан настоящий мандат райфинотделом райисполкома родовому князю Железной Шапке в том, что он уполномочивается сборщиком ясака в своём роде в предгорьях Урала.

1921 год

Лишь со временем поймёт Сава, что даже в первые годы после революции в его родных местах, глухих и отдалённых от больших городов, бывшие князья и шаманы фактически были хозяевами тайги и тундры. Они пользовались неопытностью представителей Советской власти на местах и частенько собирали меха, как будто по поручению Советской власти.

Заскрипел тревожно снег под чьими-то шагами. Выглянув из медвежьей пасти, Сава увидел, как по его следу злым духом идёт Железная Шапка. Вот тут-то Саву охватил настоящий ужас...

*Будьте милостивы к мёртвым...
Вы снабдите их могилы
Для еды посудой разной,
Луком крепким для охоты,
Заготовьте стрел побольше,
Дайте шило им в дорогу,
Если можно — даже нарты,
Чтоб друг к другу ездить в гости,
Будьте милостивы к мёртвым,
Смерть и вас на перепутьях
Караулит терпеливо...*

— Ого-го!.. Ого-го!.. — пела тайга.

— И-у-а! И-у-а! — звенело, казалось, в небе и на земле. Земля скрипела под ногами оленей скрипом большого зимнего снега.

— Ого-го! И-у-а!.. — На заснеженной поляне показались олени. Впереди стада ехал оленевод на тройке запряжённых оленей.

За ним на длинном аркане шёл ездовой олень. По следу ездового тянулось всё стадо. Олени шли спокойно, не торопясь, время от времени нюхая белый снег. Позади стада на широких лыжах, обшитых шкурами с лосиных ног, шли два пастуха.

— Ого-го! И-у-а! — покрикивали время от времени пастухи, подгоняя рогатых.

Вскоре всё стадо оленей закружилось на поляне перед чумом. Поднялась снежная пыль, загудела земля от тысяч переступающих оленьих ног и от треска сталкивающихся рогов. словно заворожённый смотрел Сава на колышущуюся массу быстроногих животных.

Пастухи перестали кричать, давая оленям немного успокоиться.

И тогда над табуном змеями взвились арканы, сплетённые из тонкой кожи. Аркан пастуха, как длинная и точная рука, выхватывал из массы кружащихся, мятущихся животных самого нужного. Белоснежный бык с ветвистыми рогами чуть ли не поднимал оленевода над землёй. Оленевод, схватив его за рог, старался повернуть голову животного к себе. Олень силился бежать прочь. Пятился. Оленевод

огромными прыжками мчался вслед за ним, до тех пор пока олень не выбивался из сил и не останавливался.

Потом уже по первому мановению руки он безропотно шёл, делая всё, что прикажет хозяин...

Таким же образом поступал с людьми Железная Шапка. Он не пощадил даже шамана Яксу. Это Якса заступился за Саву, когда Железная Шапка обнаружил его в капище Каменного медведя и жестоко избил. Тогда князь набросился и на старика, требуя немедленного камлания отречения.

Он обвинял Яксу в отказе казнить Журавля и Красного Корня, которых недавно схватили люди Железной Шапки и держали теперь как заложников. Ругал колдуна за то, что тот будто бы сговорился с духами Революцы и несёт всем таёжным людям гибель. И потому он, Железная Шапка, потомок Нёр-ойки, требует от одряхлевшего, потерявшего разум старика передачи ему, Железной Шапке, титула шамана и говорящего духа.

У входа в пещеру горело священное кострище. Рядом с кострищем стоял стол с пожелтевшими медвежьими черепами. Глазницы черепов были повернуты к востоку, где, как казалось древним, жил бог охоты. По другую сторону костра торчали из снега рога оленей, сваленные в кучу. Их было много. Таёжные люди не забывали духов предков. Приносили им жертвы. На щетинистой щеке пещеры, на выступе торчали три стрелы, почерневшие от времени. Стрелы были трёхгранные. Трёхгранная стрела — стрела боевой тревоги.

Тревожно горел огонь. Отблески его играли в маленьких глазах Яксы, остановившихся, как замерзающее озеро.

По приказу Железной Шапки его насилу приволокли сегодня на камлание Караюя — обряд отречения. Но Якса медлил, не торопился произносить под удары бубна священные, загадочные слова: «Кара-юй-я! Кара-юй-я! За-клинаю! Отрекаюсь!...»

Рядом с ним на снегу лежал чёрный бубен. На деревянной распоре бубна была изображена гагара, которая, как рассказывали мансийские мифы, доставала землю для манси из вечного моря Вселенной. На крепко натянутой коже бубна лежали коготки из лапок гагары, а на обратной стороне бубна укреплено было железное изображение ящерицы. Ведь человек — так говорят мудрые — своими выход-

ками часто напоминает ящерицу, которая, желая спастись, отрубаёт себе даже собственный хвост...

Застыв в ожидании, люди молча глядели на огонь.

— Где моё мудрое племя мухоморов? — растягивая слова, наконец заговорил Якса, нарушив всеобщее молчание.

Яксе подали семь мухоморов с пёстрыми шляпками на чёрных сморщенных ножках. В его остывших было глазах блеснули искры.

Якса неторопливо, глядя на небо, расщепил грибы на небольшие кусочки и стал проглатывать их, запивая водой из серебряной чаши.

Потом, уставившись на огонь оледенелыми глазами, он стал ждать результата волшебного действия. Но волшебство не являлось. Тогда шаман потребовал ещё два раза по семь штук грибов из племени семиглазых опьянённых духов, которые видят малое — большим, а тёмное — ясным...

Съев двадцать один мухомор, трижды по семь, шаман скорчил лицо, зрачки его сузились, глаза стали судорожно моргать...

— Кай-о! Кай-о! Кай-о! — ударив в бубен, начал Якса. — Я вхожу на последнюю вершину. Входящий на последнюю вершину говорит главное слово. Слушайте моё главное слово! — Потом, обратив свой взор на людей, он продолжал: — О люди! Есть ли у вас уши, чтоб слышать, есть ли глаза, чтоб видеть! Слушайте, смотрите: это я стою перед вами, но стою не прежним Яксой. Сбросив одряхлевшее тело, наполнив себя новым духом, новыми словами, новым провидением, я стою в образе нового молодого шамана, которому я сегодня передаю свой вещий бубен...

Железная Шапка встал во весь рост. Потянулся к Яксе. Лицо его просияло. В глазах его появилась уверенность, что эти слова Яксы имеют прямое отношение к нему.

— Одряхлело моё старое тело, одряхлел наш старый Север, — продолжал Якса, размахивая лапкой священной гагары. Потом запел:

Дух мансийский иссякает...
А земля так жаждет духа.
Я искал, страдал, боролся, —
Ошибался, прозревая...
В новом духе человека
Вижу я начало жизни.

Якса бил в бубен, кружился в пляске. И в камлании-прозрении рассказывал, как он, уже будучи в облике нового человека, ходит в верхнем мире, в поисках нового духа.

Якса изображал, как сначала он — новый человек — просто шёл по земле. Шёл как охотник, как рыбак, как простой землепроходец.

В пути ему встретился русский шаман. Он был без креста, и одежда на нём не сияла, как у попа. Имя этого русского шамана было — Революца.

При слове «Революца» Железная Шапка вздрогнул.

А Якса продолжал:

— Революца и говорит мне: «Хочешь, я сделаю тебя новым шаманом? Но прежде тебе надо побывать в верхнем мире и посмотреть своими глазами страну света, где все люди равны». И я пошёл с русским шаманом.

Однажды над нашей головой раздался шум и треск. Я поднял глаза и вижу: падает звезда, — рассказывал он дальше историю.

— Что это валится? — спросил я.

— Сейчас узнаем! — отвечает русский шаман по имени Революца.

И правда, звезда скоро остановилась у того священного дерева, рядом с которым мы стояли. Оказывается, это был Нёр-ойка. Он летел на семикрылом золотом олене. Копыта оленя были повернуты назад, из-под них так и летел огонь...

Спустившись с неба, Нёр-ойка подошёл к нам и говорит:

— Я, Нёр-ойка, много веков простоял в небе, превратившись в звезду. Я весь высох. Ты, Революца, не вправе взять этого человека, который предназначен для меня. Я сам принимал участие в его зарождении, воспитывал его с малых лет в языческом таёжном духе, — говорил Нёр-ойка, кивая в мою сторону.

— А что дал людям твой дух, Великий шаман? — спросил Революца. — Исчезли болезни и голод? Счастливы ли твой народ?

Нёр-ойка задумался, опустил глаза на холодную землю, занесённую снегом...

— Но я ведь учил его жить по грамоте русского царя и по велению таёжных богов и духов.

— И царь, и боги, и духи не смогли победить холод, мрак, преступления, болезни и смерть...

— А что для этого надо делать? — спросил Нёр-ойка, испытующе глядя на Революцу.

— Надо трудиться! Надо строить и творить, а не стоять идолом, принимая молитвы и жертвоприношения! Вы все: и царь, и попы, и князья, и живые и мёртвые — вы виноваты в бедах и несчастьях земли.

Долго спорил Революца с Нёр-ойкой. Нёр-ойка сопротивлялся, не хотел сдаваться. Но Революца, молодой и сильный, всё-таки победил.

Напоследок он сказал:

— Ну и оставайся идолом! Стой безучастно. Принимай молитвы. Но не мешай нам строить новую жизнь.

И мы помчались дальше. Мчались мимо звёзд, планет. Семь миров пролетели. Наконец достигли пределов чистой и светлой страны.

Страна светлого завтра похожа на нашу землю. Такой же снег зимой, а летом — зелень. Леса и реки, дороги, города... Только все люди высокой души. Своим великим трудом они обновили землю. Очистили её от жадности и преступления. И слёз не знают их глаза. И счастье рядом с ними ходит. Они все равные. Страна эта называется — Коммунизм.

— Слышите, люди, что он вещает? — закричал взбешённый Осьмар Васька. — Будто бы он побывал в этой стране, где свет... Да не их ли словами он камлает?! — продолжал он, указывая на связанного Журавля и Красного Корня. — Я же говорил, что он якшается с духами Революцы.

— погоди, Осьмар Васька! — закричал Железная Шапка. — Разве не веришь ты, что я летал вместе с Якой в страну света? Люди, разве вы не верите?

Люди, опустив головы, молчали.

Тяжело вздохнув, Якса погладил старую собаку, которая дремала у костра, у его ног. Яксу всегда сопровождала тощая, пушистая, как росوماха, собака. Она была неразлучна с ним, как тень. Эту собаку приручил Якса много лет назад, ещё маленьким щенком, вырвал её из когтей орла. Видно, в благодарность за спасение она неотступно шла за Якой, не раз и его спасала. Простым людям она казалась духом — помощником Яксы.

И вот теперь она лежала, протягивая лапы к огню, позёвывавая и щурясь на золотые языки пламени, с утомлённым видом много, честно поработавшего друга, имеющего право

на отдых у костра. Она поглядывала слезоточивыми глазами на молодую лайку, которая вертелась у ног связанного Журавля.

— Собака не всегда может быть верным другом человека, — глядя бесцветными глазами, продолжал Якса. — А волк — может.

Погладив ещё раз по морде свою старую собаку, Якса встал во весь свой рост, снова посмотрел на небо, послушал и запел:

Кай-о! Кай-о! Кай-о! Йо!
Да, летал, летал я в небо
Вместе с юношей прекрасным,
Музыкантом новых песен.
Пусть откроет каждый сердце,
Пусть откроет каждый душу
И прислушается к песне.
Всё в прошедшем, всё в грядущем,
Всё проходит, умирает
И рождается в новом свете...

Последний раз ударив в бубен, он назвал имя Журавля, достойного продолжателя, чародея и колдуна слова. Все ахнули.

Однако новые удары бубна и волшебные звуки:

Кара-юй-я! Кара-юй-я!
Отрекаюсь! Заклинаю! —

заставили толпу идолопоклонников успокоиться и снова обратить свои взоры на камлание.

Больше всего был поражён происходящим, конечно, Железная Шапка. Он на мгновение было растерялся. Но тут же, сверкнув глазами, двинулся на Яксу. Старик остановил его, указывая на огонь:

— Ты, водящий дружбу с теми, кто продаёт и покупает детей твоего народа! Если ты шаман, — возьми огонь руками.

Это приказание привело Железную Шапку в себя. Он остановился, растерянно глядя на огонь. Потом, схватив горящую головешку, закричал нечеловеческим голосом и тут же упал, катаясь в грязном, затоптанном снегу как сумасшедший.

Якса подошёл к горящему костру. Взял в руки горсть пылающих углей и торжественно произнёс:

— Вы видите, я держу в руках огонь. Тело моё дряхлое уже сидит в душе Журавля.

Как у любого Великого шамана, у меня есть мать-зверь. Она, воспитавшая меня на великом колдовском дереве, уносившая меня в страну светлого завтра, сейчас прилетит опять.

Она имеет вид большой птицы с железным клювом и цепкими когтями и длинным хвостом длиной в три маховых сажени. Похожа эта птица на железную лодку. Когда летит она — гудит. Если она, моя мать-зверь, прилетит, вы сложите оружие, отпустите всех пленных... И слушайте дальше, что скажет Журавль...

Якса на мгновение замолчал. Потянулся к ведру, зачерпнув полную деревянную кружку, жадно выпил. Потом попросил, чтоб ему подали лук и стрелы. Обвёл горящими глазами всех, взглянув на небо, и продолжил:

— Боги! Моя последняя душа, оставшаяся в старом теле, пусть вылетит вместе с этой стрелой и вселится в тело Журавля!

Поцеловав три раза стрелу, он пустил её из лука в небо.

И тут же упал на землю... Жёлтое лицо его было словно окровавленным. Он казался мёртвым.

*Эта песня о живущих,
Я не знаю ей начала,
Эта песня о прошедшем,
Не потерянном навеки,
Нет конца у этой песни.*

На западной стороне неба, безоблачной, как рыбий глаз, появилась небольшая тучка. С каждым мгновением тучка росла, росла и гудела.

— Что это? — воскликнули в ужасе несколько голосов.

— Наверно, мать-зверь шамана Яксы летит!

— Да, это крылатая лодка!

Большая птица с железным клювом и цепкими когтями и длинным хвостом кружилась уже над самым озером, где недавно воины Железной Шапки под командой подпоручика с золотыми плечами строили укрепления из льда и снега.

Когда гудящая птица пошла вниз, прямо на эти ледяные крепости, стоявшие около них на посту воины Железной Шапки, побросав оружие, как зайцы, побежали в разные стороны.

Пришли в смятение и те, кто стоял вокруг священного огня, у священной пещеры и кто только что слушал камлание Яксы.

— О небо! За что нам такая кара?! — прячась за деревья, кричали люди...

Наконец железная птица снизилась над сверкающим белизной озером. Пара огромных лыж стала бороздить снег, оставляя широкий след. Лыжи упруго покачивали на себе железное тело крылатой птицы.

Но Сава не испугался её.

Это была вовсе не какая-то сказочная железная птица, а обыкновенная крылатая лодка, которую он видел

на рисунке в букваре. А звать её по-русски просто: самолёт. Значит, сам летает. А Сава ещё тогда, когда Учитель показал ему этот рисунок, назвал эту чудную железную птицу товын-хап — крылатой лодкой.

И правда, если присмотреться внимательней, то она напоминает больше не птицу, а лодку.

Однако лодка эта не только крылатая, но и необыкновенно сильная. Мощный размах крыльев, полосатая грудь, стремительно выпирающая вперёд...

Из крылатой лодки вышли люди в мягких меховых комбинезонах. Они направились к огню, у которого осталось несколько человек да привязанные к дереву Журавль и Красный Корень.

Когда люди подошли ближе, Сава признал среди идущих знакомых — Учителя и Совета. Сердце Савы забилося радостной весенней птицей. О, это был большой праздник!..

На следующее утро Сава и сам сидел в крылатой лодке. Мотор ревел, как мощный осенний лось. Пропеллер будоражил воздух, сотрясал каждую частицу крылатой лодки.

Вот стартёр взмахнул флажком. Крылатая лодка рванулась вперёд и, легко проплыв по снежному полю озера, незаметно взмыла в воздух. Качнулось солнце в окне. Земля уходила, проваливалась куда-то вниз, мелькали деревья, люди, собаки. Небо как будто стало ближе...

Вчера был большой день не только для Савы. Много событий произошло.

Князя, Осьмар Ваську и ещё нескольких подкулачников арестовали просто, без особых затруднений. А вот с офицером пришлось повозиться. Пытался бежать на оленях, отстреливаться. Ранил в руку Совета. Но арестовали и его, сорвав золотые плечи... Всех заговорщиков будут судить. А Яксу посадили в самолёт. Он плохо себя чувствовал после тяжёлого камлания — ведь он хотел спасти Саву, Красного Корня и Журавля. И спас. Помог Учителю и Совету.

Вечером провели собрание. Большинство охотников и оленеводов решило вступить в колхоз, его уже организовали в деревне, где живут родственники кочующих оленеводов...

Рядом с Савой сидел Учитель. Глаза его светились. Он, видно, был доволен всем происшедшим.

Впереди и позади Сава сидели в самолёте сильные, весёлые люди, которых все называли звучным словом: коммунисты. Это они прокладывали дороги на земле, строили Красные чумы, несли в оленье стойбища культуру, несли на Север новую жизнь... Так в снегах Севера рождалась Красная легенда... Вместе с этими людьми летел Сава, сын свободного таёжного народа манси, мальчик.

— Самолёт — хорошо! — мечтательно сказал Учитель.

Сава посмотрел в глаза Учителю и спросил неуверенно:

— А управлять этой крылатой лодкой трудно научиться?

— Ты хочешь этому научиться? — спросил Учитель, вдруг оживившись. — Как тебе сказать. И легко, и трудно. Было бы желание. Тогда всё можно одолеть. А учиться тебе надо. Много надо учиться и как следует.

— Я читать умею, — с достоинством ответил Сава.

Сава верил твёрдо, что он выучится и водить самолёты и даже делать их. Но вдруг вспомнил, что он когда-то хотел быть охотником, потом учителем. Сава смутился.

— А что, — спросил он, — кем лучше быть — лётчиком или делать самолёты? — Про учителя он постеснялся говорить...

— Всем хорошо быть, — ответил Учитель, — надо только много знать, выучку иметь. Вот ты говоришь, что уже умеешь читать и считать. Ну-ка, посмотрим, как ты дело знаешь. Умножь мне...

Учитель назвал две цифры. Сава раньше знал, как их складывать и сколько получится. Но тут, как назло, позабыл. Правда, последние дни были наполнены столькими событиями: всё вылетело из головы.

— Ну? — спросил Учитель.

Лицо Сава залилось краской, будто он стоял на морозе. Стыдно стало.

— Вот видишь, ты забыл. Как же ты управлять самолётом будешь? Там всё считать надо и знать надо... А учиться будешь — всё будешь знать.

Саве хотелось поскорее учиться. В культбазе, говорят, коммунисты построили большую, хорошую школу, там много учителей. Сава и летел учиться...

Для младшего возраста

Шесталов Юван Николаевич

**КРАСНАЯ ЛЕГЕНДА
НА БЕЛОМ СНЕГУ**

Ответственный редактор Н. Л. Страшкова.

Художественный редактор Б. Г. Смирнов.

Технический редактор Т. С. Харитоновна.

Корректоры К. Д. Немковская
и А. Г. Земцова.

ИБ 3333

Сдано в набор 18.04.79. Подписано к печати 13.07.79. Формат $70 \times 100^{1/16}$. Бумага офсетная № 1. Шрифт школьный. Печать офсетная. Печ. л. 10. Усл. печ. л. 13. Уч.-изд. л. 8,91. Тираж 150 000 экз. Заказ 728. Цена 55 коп. Ленинградское отделение ордена Трудового Красного Знамени издательства «Детская литература». Ленинград, 191187, наб. Кутузова, 6. Фабрика «Детская книга» № 2 Росглавполиграфпрома Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Ленинград, 193036, 2-я Советская, 7.

Scan, DJVU: Tiger, 2018

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

*Присылайте нам ваши отзывы
о прочитанных книгах и пожелания
об их содержании и оформлении.*

*Укажите свой точный адрес и
возраст.*

*Пишите по адресу: Ленинград,
191187, наб. Кутузова, 6. Дом дет-
ской книги издательства «Детская
литература».*

Шесталов Ю. Н.

Ш51 Красная легенда на белом снегу. Повесть.
Рис. А. Сколозубова. Л., «Дет. лит.», 1979 —
158 с., ил.

В пер.: 55 коп.

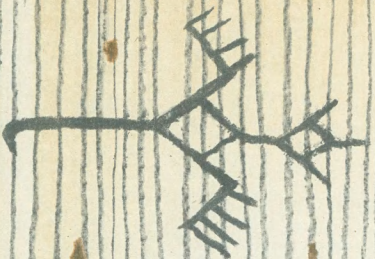
Повесть о драматических событиях, связанных с борьбой народа манси
за Советскую власть.

С(сиб)2

70802—162

Ш— — — — — 27р.—79

М101(03)—79

55 коп.